

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (12)

Москва–Сыктывкар 2013

ISSN 2304-5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2013. № 2 (12).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН по исторической демографии
и исторической географии

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н. Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Н.М. Игнатова (Сыктывкар), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С.Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), А.В. Репневский (Архангельск), Т.С. Садыков (Астана), В.А. Семенов (Сыктывкар), П.В. Федоров (Мурманск), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар),

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), (8212)245500 (отв. секр.), факс (8212)245564

E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), secr.hist@mail.illhkomisc.ru (отв. секретарь),
ignatova.hist@mail.komisc.ru (рук. редакционно-издательской группы)

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Тимушева И.М. (Сыктывкар). Население бассейна Вычегды в эпоху энеолита	4
Королев К.С. (Сыктывкар). Средневычегодский локальный вариант Перми вычегодской (попытка демографической реконструкции)	7
Васина Т.А. (Ижевск). Демографические процессы в Пудемском заводе в конце XVIII – середине XIX в.	12
Попов С.А. (Сыктывкар). Миграционные процессы в Коми крае в начале XX в. (на примере Кажимских заводов)	19
Головлёв А.А. (Самара). Русское население в бассейне среднего и нижнего Терека: прошлое и настоящее	22
Бондаренко О.Е. (Сыктывкар). Куйское сельское общество Архангельской губернии (по материалам переписи 1897 г.)	28
Исупов В.А. (Новосибирск). Демографическая модернизация Сибири: парадоксы истории	34
Безносова Н.П. (Сыктывкар). Динамика и размеры младенческой смертности в Республике Коми в 1921–1990 гг.	37
Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Влияние принудительных миграций на социально-демографическую ситуацию в Республике Коми	41
Нисковский А.А. (Сыктывкар). Демографические процессы в Коми крае в 1920–1950-е гг.	45
Лалин Г.В. (Сыктывкар). Формирование состава населения бассейна реки Вымь (Коми АССР) в 1930-е гг.	49
Иванов А.С. (Сургут). Численность калмыков в Омской и Тюменской областях (1944–1959 гг.)	52
Макимова Л.А. (Сыктывкар). Взаимоотношения между мигрантами и коренным населением на территории Коми АССР в 1930–1950-е гг.	57
Кузьминых А.Л. (Вологда). Захоронения военнопленных и интернированных Второй мировой войны: региональный аспект	61
Сивцева С.И. (Якутск). Демографическая история Якутии. XX век	65
Кузнецова Я.А. (Новосибирск). Динамика этнодемографических процессов в Республике Бурятия в 1980–1990-е гг.	69

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Обедков А.П. (Сыктывкар). Вековая динамика городского населения и особенности российской урбанизации	73
Фадеева Е.В. (Владивосток). Демографическая характеристика семьи негидальцев	82
Преминина Я.К. (Архангельск). Демографическая ситуация на Европейском Севере России в конце XX – начале XXI вв.	85
Новик А.Н. (Москва). Демографическая ситуация в Сербии в начале XXI века: тенденции и региональные различия	90
Новоселов В.С. (Москва). Демографические стереотипы и демографическая политика	96

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Кропачев С.А. (Краснодар). Становление отечественной историографии Холокоста и проблемы определения численности его жертв	104
Шарабарина С.Г. (Кострома). Изучение финно-угорской культуры Костромского Поволжья в трудах исследователей XVIII – первой половины XIX в.	110
Малкова Т.А. (Сыктывкар). Документы Научного архива Коми НЦ УрО РАН о проектах переброски северных рек на юг: историко-демографический аспект	112
Желтов А.А. (Вологда). Наследственная непереносимость пищевых продуктов среди этносов мира	116

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Вшивцева Ю.В. (Краснодар). Демографические процессы в Краснодарском крае в 1930-х – первой половине 1940-х гг.	125
Гаева И.В. (Биробиджан). Ретроспективный анализ структуры расселения Еврейской автономной области	125
Ермакова Е.Е. (Тюмень). Сакральная география: выбор почитаемого места ижемскими переселенцами на территории Нижнего Приобья	126

РЕЦЕНЗИИ

Исупов В.А. (Новосибирск). [Рец.] Вишнякова Д.В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX в. / Отв. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2012. 164 с.	128
--	-----

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). V Всероссийский симпозиум с международным участием	130
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»	132

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

*И.М. Тимушева**

Население бассейна Вычегды в эпоху энеолита**

Культура древнего человека рассматривается как часть экосистемы, предмет взаимодействия между всем комплексом живых организмов – растений, животных, людей и естественной средой обитания. Взаимосвязь материальной культуры древнего населения и окружающей среды очевидна, адаптация первобытных коллективов к постоянно изменяющимся условиям окружающей среды способствовала их выживанию. Поселения и поселенческая стратегия являются основным механизмом адаптации населения к окружающей среде, в условиях различных природных, экологических систем. В связи с этим большое значение приобретает изучение не только особенностей топографии стоянок и поселений, но и их организация, планировка, распределение находок. Поселения и жилища являются также одним из основных источников изучения социальной организации и численности населения.

Эпоха энеолита (I половина III тыс. до н.э. – середина II тыс. до н.э.) приходится на суббореальный период, характеризующийся похолоданием, которое привело к сокращению ели и выпадению широколиственных из состава древостоев, формированию тундровой зоны шириной 200-300 км вдоль арктического побережья. Исследователями выделены чужьяельская, чойновтинская энеолитические культуры.

В настоящее время в бассейне Вычегды исследовано более 15 памятников эпохи энеолита с 48 жилищами.

Топография вычегодских поселений и стоянок характеризует общие предпочтения в выборе места обитания первобытного населения региона. Как правило, они располагались на невысоких (4-8 м) прикраевых участках надпойменных «боровых» террас, обращенных к реке или старичному озеру, на мысовидных участках в устьях малых рек – притоков 2-3-го порядков или вершинах песчаных дюн озерных берегов. Расположение поселений преимущественно по берегам притоков, стариц и озер было обусловлено одним из основных занятий древнего населения – рыболовства. А расположение стоянок на относительно низких уровнях террас в пределах речных долин и на берегах рек было вызвано понижением уровня водоемов.

Специфика выбора места обитания определялась не только условиями близости или отдаленности от того или иного типа водоема, но и рельефом заселяемой местности, поскольку он часто использовался при организации хозяйственного и жилого пространства стоянок. Особенностью поселений с группами жилищ является их ориентация вдоль русла реки. Часто для постройки жилищ использовались естественные углубления, межсклоновые понижения, что могло защитить обитателей от неблагоприятных условий и облегчало процесс сооружения котлованов. Общей чертой планиграфического устройства поселений является также и ориентированность сооружений с очагом (жилищ) длинной осью вдоль края террасы (что почти всегда совпадает с ориентировкой вдоль русла реки). Хозяйственные постройки (безочажные сооружения) не имеют строгой ориентации. В случае, когда значительное количество построек компактно сосредоточено на небольшом участке, они расположены не в один, а в несколько рядов.

Древние поселения состояли из 2-16 жилищ, сосредоточенных на достаточно небольшой площади. При этом одновременно на поселении могли существовать 1-3 строения, которые по мере разрушения заменялись новыми. Отсутствие окрашенного культурного слоя вне искусственных сооружений затрудняет определение площади поселений, которая может быть определена лишь по наличию или отсутствию находок в слое и колеблется от 36 кв. м (Шойнаты I) до 2400 кв. м (Ягу-яр). Однако анализ планиграфической ситуации и вещевого инвентаря жилищных комплексов значительных по площади поселений (таких как Ягу-яр – 2400 кв. м, Ни-

* **Тимушева Ирина Михайловна** (Сыктывкар) – младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, timigina@mail.ru.

** Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, проект № 12-П-6-1002 «Формирование и развитие археологических культур эпохи железа на территории Европейского Северо-Востока: традиции и инновации».

ремка I – 1700 кв. м, Усть-Кедва – 1184 кв. м, и др.) позволяет считать крупное поселение результатом постепенного, в течение длительного отрезка времени накопления построек на небольшом участке песчаной террасы или останца. В.С. Стоколос определяет первоначальную площадь поселений энеолита – бронзы в бассейнах рек Мезени и Печоры в несколько сотен квадратных метров, где одновременно могли функционировать одно-два жилища [1]. К подобному выводу приходит и Л.Л. Косинская. Исследователь на основе стратиграфии и планиграфии поселения Ниремка I, пришел к выводу, что площадь памятника составляет свыше 6800 кв. м, при этом на поселении одновременно функционировало не больше двух-трех жилищ [2].

Жилища представлены слабоуглубленными сооружениями и полуземлянками, ориентированными длинной осью вдоль края террасы. Они сооружались без устройства фундамента или подсыпки в специально вырытом котловане, который имел четырехугольную форму, прямые либо слабонаклонные стенки. Пол сооружений – земляной, ровный либо с небольшим понижением к центру, нередко посыпался охрой. По площади котлована жилище можно разделить на несколько групп: небольшие от 4 до 26 кв. м; средние – от 30 до 50; крупные от 50 до 80 кв.м.

Практически во всех жилищах обнаружены либо очаг в центральной части (одноочажное жилище), либо 2-3 очага вдоль центральной оси жилища. Четкой пропорциональной зависимости между метражом помещения и числом его очагов нет. Но данные по жилищам Вычегодского края позволяют проследить увеличение площади жилища в помещениях с двумя очагами (от 30 до 80 кв. м) в отличие от помещений с одним (от 5 до 40 кв. м). В постройках с тремя очагами минимальная площадь, как правило, чуть выше двухочажных жилищ, но не превышает тех же 80 кв. м. Интерес представляют усредненные данные о числе жильцов, пользовавшихся одним очагом. Некоторые авторы полагают, что количество очагов в большом жилище адекватно числу семейных единиц. В отдельных случаях контрасты объяснимы разновременностью очагов или, возможно, использованием одного кострища двумя и более хозяйственными группами.

Расположение находок, ям и очагов помогает выделить отдельные рабочие зоны помещения, но не позволяет разделить их по половому признаку. Выходы в строениях, как правило, находились в торцевых стенах, за исключением постройки с двумя выходами в смежных стенах на поселении Эньты II [3]. Однако при изучении некоторых строений остатки входов-выходов и столбовые ямки не обнаружены, что затрудняет реконструкцию сооружения. В.С. Стоколос пытался объяснить наличие двух входов-выходов «из практических соображений» и, ссылаясь на этнографический материал, приходит к выводу, что один из входов имел какое-то ритуальное значение. Г.М. Буров полагает, что, вероятно, они были в средней части перегорожены стенкой из жердей или коры, не оставившей столбовых ямок, так как постройки с двумя входами в большинстве случаев имели два очага.

До сих пор не существует точных критериев определения длительности обитания и количества людей не только в жилищах, но и на поселениях в целом. При исчислении количества населения учитываются полезные свойства пола, исключая площади ям и очагов, этнографические данные, в частности, число охотничьих коллективов, живущих в относительно сходных условиях и имеющие близкие по площади и устройству жилища.

Существует и такое понятие как «демографическая ёмкость ландшафта» – связь между наличием природных ресурсов, уровнем развития производительных сил, с одной стороны, и плотностью населения – с другой. Его можно определить как максимальное количество населения, которое может существовать на территории ландшафтной единицы при определенном уровне развития производительных сил [4].

Характер производственных коллективов рассматривается на основе анализа размеров и внутренней планировки жилищ. Исходя из усредненных этнографических данных, которые Л.П. Хлобыстин привел для неолита тайги, на одного человека в древности приходилось примерно 3,5 кв. м, а размеры жилой площади, приходящейся на один очаг от 5,4 до 34 кв. м [5]. Существование домов разной величины, по мнению Булова, связано с размерами той хозяйственной ячейки, которая занимала отдельное жилище и могла составлять, как правило, от двух до 25 чел. Исследователь полагал, что древние поселения принадлежали одной или нескольким большим семьям (расширенные), состоящим из малых семей – брачных пар близких родственников с несовершеннолетними детьми. Соответственно, малые жилища принадлежали малым семьям, а крупные – расширенным [6]. Л.Л. Косинская полагала, что на поселении могла обитать община, состоящая из одной или нескольких семей. Малые одноочажные жилища могли вмещать от четырех до восьми человек и принадлежали малой семье; многоочажные дома, в которых очаги располагаются цепочкой по продольной оси – по 20 чел., по 4–9 чел. на очаг – общине [7].

Исходя из усредненных данных в самых маленьких помещениях энеолита (Дань-дар, Ниремка I-7) могли обитать один-два человека, в одном из крупнейших – Ниремка I (жилище 2, 64 кв. м) – примерно 22. В жилищах среднего размера (с одним-двумя очагами) – до 14 чел. При этом следует учитывать факт, что на поселении существовало не более двух-трех жилищ одновременно, что позволяет сделать вывод о количестве человек, проживающих одновременно – от четырех человек (на небольшом поселении, кратковременном) до 10-40 на средних и крупных. Тем не менее все эти подсчеты достаточно условны, так как основаны на недостаточных

данных и не полном исследовании части поселений. Четко проследить связь между площадью полуземлянок и количеством его населявших людей невозможно, однако исследователи выделяют площадь 15–20 кв. м, соответствующую коллективу из пяти-шести человек, что соответствует средней численности семьи у охотничье-рыболовецкого населения лесной зоны Европы [8].

В целом для энеолита характерно уменьшение количества памятников, площади жилищ по сравнению с неолитом и эпохой бронзы. В неолитических жилищах могли обитать в большинстве случаев 13–24 чел., в энеолитическом, как правило, 2–13, в начале бронзового века – 1–36. Однако именно в энеолите появляются крупные поселки с большим количеством жилищ. Уменьшение числа людей в энеолите подтверждается и общим уменьшением числа известных энеолитических памятников и, как упоминалось ранее, меньшей площадью изученных жилищ.

О продолжительности и сезоне бытования жилищ свидетельствуют условия расположения памятника; отсутствие или наличие жилищ, их характер; степень насыщенности находками культурного слоя, наличие хозяйственных ям.

Все эти сведения позволяют выделить как летние (Усть-Ворыква, Шомвуква и Евдино), так и зимние (Ниремка I) поселения в Вычегодском бассейне, использующиеся в течение нескольких сезонов. Существование специализированных зимних и летних поселений говорит об относительно подвижном образе жизни населения. На некоторых поселениях отмечены как зимние, так и летние жилища, что свидетельствует в пользу круглогодичного обитания данного поселения.

Исследователи рассматривают однослойные памятники в качестве сезонных стоянок, которые посещались в периоды охотничьего или рыболовного промысла. Сезонные непереносные зимние и летние жилища характерны для населения с традиционными культурно-хозяйственными типами лесных охотников и рыболовов.

Следует обратить внимание на сравнительно небольшое количество энеолитических памятников по сравнению с неолитическими и отметить такую немаловажную деталь, что часть стоянок энеолита представлена «поселками» до 16 жилищ. В то время как неолитические памятники в большинстве случаев представлены стоянками.

Поселения с большим количеством жилищ заселялись неоднократно в течение длительного промежутка времени, при этом на памятнике могло существовать и несколько жилищ одновременно. Жилая площадь одного поселения могла изменяться от размеров одиночного помещения до нескольких тысяч кв. м. Первоначальная же площадь поселений Вычегодского края, на которых одновременно могло функционировать одна – три постройки, не превышала несколько сот квадратных метров.

Источники и литература

1. Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. С. 27.
2. Косинская Л.Л. К вопросу о характере хозяйства населения р. Вычегды в эпоху энеолита – ранней бронзы // Энеолит лесного Урала и Поволжья: Сб. науч. тр. Ижевск, 1990. С. 122.
3. Логина Э.С. Поселение Эньты II // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986. С. 45. (МАЕСВ; Вып. 10).
4. Долуханов П.М. Истоки миграций (моделирование демографических процессов по археологическим и экологическим данным) // Проблемы археологии. II. Л., 1978. С. 39.
5. Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
6. Бузов Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в III–II тысячелетиях до н.э.: взаимодействие археологических культур // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Уральского археологического совещ. Екатеринбург, 1993. С. 25.
7. Косинская Л.Л. Мезолит – ранняя бронза бассейна нижней Вычегды: Автореф. дис. ... к. и. н. Л., 1988. С. 17.
8. Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.

Средневычегодский локальный вариант Перми вычегодской (попытка демографической реконструкции)**

До 50–60-х гг. прошлого столетия господствовало мнение о позднем заселении восточной части Вычегодского края предками коми-зырян. Исследователи считали, что в данном регионе коми поселения появились только в XVI–XVII вв. и относили его к промысловым территориям угров (предков манси и хантов) (Буров, 1965. С. 192; Лашук, 1972. С. 60). Л.П. Лашук, основываясь на сообщениях местных жителей о «чудских» ямах и могилах, полагал, что они могли принадлежать древнему угорскому населению, проникшему из-за Урала (Очерки по истории Коми АССР, 1955. С. 29–30). Подобные мнения возникли, по всей вероятности, ввиду отсутствия или незначительности в то время археологических материалов по рассматриваемому региону и игнорирования исторических и топонимических данных по бассейну средней Вычегды.

Во-первых, тщательный анализ документов XV в. позволяет отнести все среднее, а частично и верхнее течение Вычегды к территории перми вычегодской. В частности, в Жалованных грамотах Ивана III 1485 и 1490 гг. в числе пермских земель перечисляются притоки средней и верхней Вычегды (Документы по истории Коми. С. 243–252). Особо следует подчеркнуть, что в грамоте 1485 г. прямо говорится, что перечисленные угодья были уже «дедины и отчины», т.е. принадлежали предкам коми гораздо раньше составления данного документа. Во-вторых, микротопонимия восточной части Вычегодского края также свидетельствует о древнем обитании коми в этом регионе. Она поразительно сходна с вымской, нижневычегодской и сысольской, здесь повсеместно встречаются названия «чуд гу», «чуд кар», «чудью», «кармыльк», «шойнаяг» и др., многие из которых связаны со средневековыми памятниками коми дохристианской эпохи.

Положение начало меняться с 1970-х гг., когда в результате работ I Вычегодского археологического отряда ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН под руководством автора в долине средней Вычегды были открыты и исследованы первые памятники предков коми-зырян: святилище Джудждыдьяг, могильники Шойнаты II, Шойнаты III у оз.Шойнаты и Пезмогский могильник. В 1981 г. нами был открыт и частично исследован Небдинский могильник (Королев, 1979, 1997). В 1991 г. Э.С. Логиновой был открыт, а в 1994, 1996 гг. М.В. Кленовым был раскопан Озельский могильник в окрестностях Сыктывкара (Кленов, 1999. С. 103–114) (см. рис.). При поисках средневычегодских памятников перми вычегодской мы обращали особое внимание на микротопонимию обследуемой местности в совокупности с коми фольклорными данными (предания, легенды), связанными с ними. Этот путь оказался довольно результативным. Большинство из перечисленных памятников так или иначе оказалось обозначенными как в микротопонимах, так и в местном фольклоре. С легендарным оз.Шойнаты (переводится с коми как «озеро-кладбище») связана легенда о битве двух групп чуди, сбрасывавших погибших в озеро (Рочев, 1985. С. 5-10). По видимому, неслучайно здесь выявлены два могильника (Шойнаты II и III) и святилище предков коми (Джудждыдьяг). Пезмогский могильник расположен в бору «Шойнаяг» (коми-«могильный бор»), само название местности маркирует средневековый могильник. В то же время, по фольклорным данным, в окрестностях Пезмогского озера будто бы проходила «дорога древних людей» (Коми-«важ йбз туй»), что опять же ориентирует на события большой давности (Рочев, 1985. С. 9).

В последние годы на средней Вычегде нами открыты и раскопаны новые памятники, относящиеся к предкам коми-зырян и связываемые местным населением с «чудскими» местами, – городище Новик и неукрепленное поселение Леваты (Королев, 2003).

К настоящему времени на значительном протяжении среднего течения Вычегды (до 200 км), от устья ее левого притока Сысолы и выше, открыто и исследовано девять памятников перми вычегодской, значительно удаленных от вымских памятников предков коми-зырян.

Все могильники небольшие, насчитывают не более 19-22 погребений (см. табл.). Характерно рядовое расположение могил, они в основном параллельны друг другу. Захоронения совершены в грунтовых ямах подпрямоугольной или овальной формы. Ориентировка могил различная. С учетом погребений с незначительными отклонениями, более половины могил имеют меридиональную ориентацию. Могильники обычно расположены в глубине боровых террас рек или их рукавов и примыкают к болотистым низинам. Наблюдается зависимость ориентировки могил от направления русла реки, большинство погребений ориентировано на водоем (исключе-

* Королев Клим Степанович (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Работа публикуется по поддержке Программы ориентированных фундаментальных научных исследований УрО РАН «Арктика», проект № 12-6-9-008 «Освоение арктической зоны Припечорья в древности и средневековье».

ние составляет Озельский могильник). Зафиксировано два способа погребения: трупосожжение и труположение. Абсолютное большинство погребений сопровождается вещевым инвентарем (около 90%), состоящим из украшений костюма (61% погр.), оружия и орудий труда (34%), фрагментов сосудов (42%).

Средневычегодские могильники предков коми-зырян

№ п/п	Могильники	Всего погребений	Раскопанные погребения
1	Усть-Сысольский	?	2
2	Шойнаты II	19	19
3	Шойнаты III	7	7
4	Пезмогский	18	18
5	Нёбдинский	?	3
6	Озельский	22	22
Итого:		–	71

Судя по датирующим вещам, перечисленные памятники функционировали в пределах конца XI – XIII в., а, возможно, и в XIV в., вплоть до эпохи христианизации.

Вещественный инвентарь рассмотренных памятников позволяет в какой-то мере реконструировать характер хозяйства и общественного строя предков коми-зырян на средней Вычегде. Наблюдается значительный прогресс в металлургическом производстве и металлообработке, на поселении Леваты обнаружен сыродутный горн. Все орудия и многие бытовые предметы изготовлены из железа, ряд украшений – из бронзы. Полностью исчезают каменные орудия (за исключением абразивных плиток и кремней для высекания огня). Разнообразные наконечники стрел, ножи, рыболовный крючок, найденные на могильниках, втульчатый наконечник копья, пешня, фрагменты топоров позволяют говорить о большой роли охоты и рыболовства. Значительное развитие получает пушной промысел. Данью, выплачиваемой Руси, была пушнина, она же была основным предметом обмена с соседними племенами. Находки зубил, обломков скобелей свидетельствуют о кузнечном деле и деревообработке.

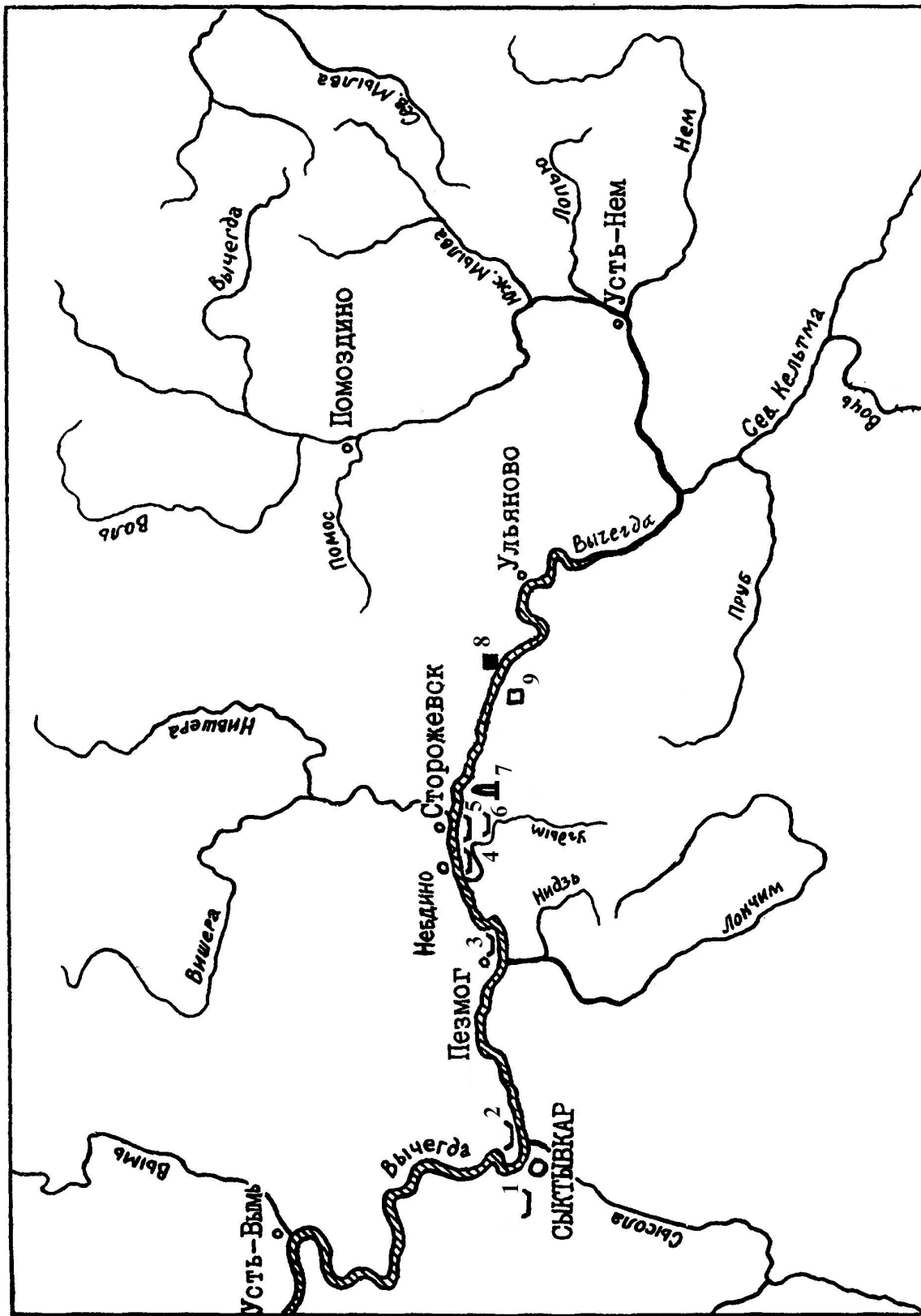
Известно, что на нижневычегодских и вымских памятниках Перми вычегодской найдены сельскохозяйственные орудия и предметы, связанные со скотоводством. На средневычегодских памятниках подобных орудий пока не найдено.

Археологические материалы с памятников свидетельствуют об активизации торгового обмена с соседними регионами. Выделяются привозные изделия, состоящие в основном из украшений – германского динария-привески, серебряных серег, бронзовых фибул, разнообразных стеклянных, пастовых и каменных бус. Судя по привозным вещам, существовало два направления торговых связей. Через северо-западные древнерусские земли (Новгород) на Вычегду попадали славянские, западноевропейские и прибалтийские изделия. Другой путь шел, вероятно, через Прикамье на юг, в Волжскую Булгарию и более южные страны.

Для могильников характерно рядовое расположение могил, в основном параллельных друг другу. Все это говорит о довольно устойчивых родовых связях. В то же время отмечаются погребения со сравнительно богатым инвентарем, включающим серебряные и другие импортные изделия, и с очень бедным инвентарем, часто состоящим из нескольких неопределимых обломков предметов. Налицо признаки имущественного и социального неравенства. Следует отметить, что наличие социальной и жреческой верхушки у предков коми фиксируют древнерусские письменные источники. В Вычегодско-Вымской летописи и в «Житии Стефана Пермского» говорится о «Пане-сотнике», «сотнике Паме», пытающемся организовать борьбу с христианизацией коми (Житие)... С. 123–145).

Известно, что мир мертвых и духов занимал значительное место в мировоззрении предков коми-зырян. Исходя из культа предков можно считать каждое погребение на некрополе индивидуальным (семейным) микро-святилищем. По всей вероятности, святилище Джуджыдыг имело непосредственное отношение к перечисленным могильникам у озера Шойнаты. Судя по незначительному количеству вещей – «приносов» на памятнике, вероятно, оно являлось небольшим святилищем, посещаемым ограниченным кругом лиц, связанных семейно-родовыми узами (родовое капище). Оно является пока единственным сохранившимся святилищем Перми вычегодской по всем ареалам проживания предков коми-зырян. Как известно из летописных данных, практически все более или менее известные языческие культовые сооружения предков коми-зырян были уничтожены Стефаном Пермским и его последователями в период христианизации (Житие.... СПб., 1995. С. 119).

Городище Новик – пока единственное небольшое укрепленное поселение XII–XIII вв., выявленное в Восточном Привычегодь. Единичные городища этой эпохи, связываемые с пришлым русским и местным населением, известны на Выми, нижней Вычегде и Сыsole. Бизэтичность их населения объясняется установивши-

Средневычегодский локальный вариант Перми вычегодской: 1 – могильник Усть-Сысольский, 2 – могильник Озельский, 3 – могильник Пезмогский, 4 – могильник Небдинский, 5 – могильник Шойнаты 2, 6 – могильник Шойнаты 3, 7 – святилище Джуджыдыят, 8 – городище Новик, 9 – поселение Леваты.

мися тесными этнокультурными связями между русским и местным коми-зырянским населением (смешанные браки), что в дальнейшем привело к ассимиляции некоторых групп предков коми-зырян.

Наличие на памятнике русской круговой и местной (коми) посуды свидетельствует о совместном проживании русских и коми. Оборонительные сооружения в виде рва и вала, не характерные для поселений коми-зырян, не исключают древнерусскую принадлежность городища Новик (Королев, 2003. С. 14). Согласно вещевым и остеологическим материалам, обитатели городища держали домашних животных (свинья, лошадь), но занимались преимущественно охотой и рыболовством (найжены кости лося, зайцев и рыб). Судя по инвентарю и небольшой площади памятника (не более 200 кв. м), оно могло служить временным убежищем для немногочисленной группы людей или нести функции сторожевой заставы на восточных рубежах перми вычегодской на известном в средневековье водном пути по Вычегде, связывавшем Северную Русь с Припечорьем и Зауральем. В связи с этим можно отметить, что все деревянные сооружения на городище (жилая и хозяйственные постройки) были уничтожены в огне пожара. Было ли это последствием лесного пожара или вражеского нападения – установить трудно.

Переходя к проблеме численности населения средневычегодской долины в XI–XIV вв., надо отметить небольшое количество погребений на каждом из рассматриваемых могильников (около двух десятков) (см. табл.), что позволяет говорить о существовании в эту эпоху на берегах Вычегды маленьких поселений, остатки которых до сих пор не выявлены (вероятно, они были уничтожены в последующие столетия, когда на этих же местах возникали довольно крупные сёла и деревни с коми-зырянским населением). В пользу малочисленности населения в рассматриваемую эпоху свидетельствуют и скромные размеры средневычегодских поселенческих памятников – городища Новик и поселения Леваты. Укрепленная часть городища Новик имеет площадь всего около 300 кв. м, на которой имелись одна жилая и одна хозяйственная постройка, яма-погреб. Неукрепленное поселение предков коми-зырян на берегу оз. Леваты располагалось на площади 300–400 м², что также говорит о небольшом числе его жителей.

Известно, что на Выми, где в XI–XIV вв. проживало основное ядро предков коми-зырян, были расположены крупнейшие некрополи той эпохи, насчитывающие по 200–300 погребений и более. Из наиболее значительных поселенческих памятников на Выми надо отметить бизтничное Карыбйывское городище площадью около 1800 м² с наземными жилыми и хозяйственными постройками, ямами-погребями (Археология Республики Коми, 1997. С. 662). Наличие ряда сравнительно крупных населенных пунктов также свидетельствует о большей заселенности Вымского края в рассматриваемую эпоху (Археология Республики Коми, 1997. С. 662–668).

По мнению историков И.Л. Жеребцова, М.А. Мацука в патриархальной коми семье в среднем могли проживать 4–7 человек, а «лук» в коми землях соответствовал одному взрослому охотнику – главе семьи. Исходя из усредненных данных о членах семьи в «луке», в конце XV в. в Коми крае проживало от 7 до 10 тыс. чел. (Жеребцов, Королев, 2000. С. 7).

Можно предполагать, что в XIV столетии на данной территории проживало значительно меньшее количество населения – не более 3–4 тыс. (Королев, 2008. С. 7–9), основная масса которых проживала на Выми и нижней Вычегде.

Неполная изученность региона (район Ульяновского монастыря и выше), а также отсутствие антропологических и половозрастных данных погребенных на могильниках и некоторые другие факторы затрудняют назвать какие-либо определенные цифры о количестве населения данного региона в XII–XIV вв.

Исходя из вышеизложенного можно предполагать, что на рассматриваемом участке долины средней Вычегды, от устья ее левого притока Сысолы и выше (на протяжении около 200 км), в маленьких поселениях проживали небольшие группы людей, связанных семейно-родовыми узами, состоящие из нескольких больших патриархальных семей. Они имели общие места захоронений и капища – святилища, где поклонялись языческим богам. На современном уровне знаний общее количество населения в данном регионе, вероятно, не превышало нескольких сотен человек. Дальнейшие исследования, вероятно, позволят откорректировать выдвинутое предположение и дать более четкую демографическую картину заселения средневычегодского региона в начале I тысячелетия нашей эры.

Таким образом, средневычегодский регион в XI–XIV вв. представлял собой малонаселенную периферию перми вычегодской с редкими охотничье-рыболовческими поселениями. Более интенсивное заселение восточных окраин перми вычегодской задерживалось сложившейся к этому времени исторической ситуацией. С одной стороны – формированием основного ядра перми вычегодской на Выми, с другой – усилением военной опасности со стороны зауральских «вогуличей» (предков манси), фиксируемой в русских письменных источниках XIV–XV вв.

Археологические данные подтверждают гипотезу известного коми финно-угроведа В.И. Лыткина, изложенную им еще в 50-е гг. XX в. о существовании «восточного древнепермского говора» или диалекта, бытовавшего на Вычегде (выше Сыктывкара) в стефановское время и близкого к коми-язьвинскому диалекту. Рас-

положение древних диалектов коми языка по В.И. Лыткину было следующим: «Вычегда с самого устья была заселена населением, говорившим на древнепермском языке... К северу были распространены удорский и вымский диалекты, отличающиеся от древнепермского языка, к востоку – восточный древнепермский говор; к югу находились сысольцы, говорившие на диалекте, значительно отличающегося от древнепермского языка. Дальше на востоке, на Печоре, а главным образом за Уральским хребтом, жили охотничьи племена воинственных йогра (манси и ханты), часто нападавшие пермян, вследствие чего верховье Вычегды населено было очень редко» (Лыткин, 1952. С. 121). Носителем восточного древнепермского говора или диалекта, по нашему мнению, являлось население, оставившее рассматриваемые памятники.

Таким образом, средневычегодское территориально-племенное объединение перми вычегодской располагалось в восточной части Вычегодского края, значительно удаленной от Вымского бассейна – основного центра формирования коми-зырян. По всей вероятности, оно имело диалектное различие в языке и самоназвание.

Позднее вычегодские коми называли себя «эжватас», вымичи – «емватас» и т.п.

Источники и литература

- Археология Республики Коми. М., 1997. 278 с.
Буров Г.М. Вычегодский край. М., 1965. 198 с.
Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. IV. С. 241–271.
Жеребцов И.Л., Королев К.С. Влияние климатического фактора на историко-демографическое развитие Коми // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007.
Кленов М.В. Озельский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1999. С. 103–114 (МАЕСВ. Вып. 16).
Королев К.С. Новый район обитания вычегодских пермян. Сыктывкар, 1979. 48 с. (Научные доклады / Коми филиала АН СССР. Вып. 46).
Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997. 195 с.
Королев К.С. Городище Новик на средней Вычегде: средневычегодский локальный вариант Перьми Вычегодской. Сыктывкар, 2003. 26 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 459).
Королев К.С. Предки коми-зырян в эпоху Стефана Пермского (демографический аспект) // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2008. № 1. С. 7–9.
Лащук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972. 292 с.
Лыткин В.И. Древнепермский язык. М., 1952.
Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. 351 с.
Рочев Ю.Г. Национальная специфика коми преданий о «чуди». Сыктывкар, 1985. 26 с.
Святитель Стефан Пермский // Житие Стефана Пермского. СПб., 1995. 279 с.

Демографические процессы в Пудемском заводе в конце XVIII – середине XIX в.

Пудемский железоделательный завод (ныне п. Пудем Ярского района Удмуртской Республики) был основан в 1759 г. в Глазовском уезде Вятской губернии казанскими купцами Д.И. и А.И. Ляпиными и П.А. Келаревым. Резолюцией от 17 октября 1756 г. Берг-коллегия разрешила строительство предприятия, к 1759 г. возведена плотина, начато производство. В 1774 г. завод на аукционе был продан за долги уральскому промышленнику И.П. Осокину, а в 1848 г. в составе Омутнинского горного округа перешел во владение ярославских купцов, почетных граждан: коммерции советника А.М. Пастухова и его племянника Н.П. Пастухова [1]. Мастерские Пудемского завода, «рабочие заводские люди», приписные «вечноотданные» и крепостные на посессионном праве относились к приходу православной Троицкой церкви с. Елово (единоверцы – к приходу единоверческой Петропавловской церкви Омутнинского завода). С конца 1860 г. богослужения стали совершаться в самом селении Пудемского завода, в молитвенном доме. Официальное открытие прихода состоялось здесь по указу Св. Синода от 20 сентября 1861 г., а деревянная Сретенская церковь построена только в 1864 г. [2].

На примере Пудемского завода в данной статье рассматриваются вопросы демографии горнозаводского населения в конце XVIII – середине XIX в. Источниками послужили хранящиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР) метрические книги – записи рождений, венчаний и смертей православных прихожан (в том числе крестьян – жителей Пудемского завода) Троицкой церкви с. Елово Глазовского уезда Вятской губернии [3].

Метрические книги за 1790–1860 гг. были проанализированы с использованием метода механической выборки с периодичностью в несколько лет: 1790, 1796, 1800, 1805, 1810 гг. и т.д. (несоблюдение 5-летнего временного интервала в ряде случаев вызвано сохранностью источников). Сведения метрических книг неоднородны: к примеру, в XVIII в. не указывался возраст умерших ж.п., более подробными метрики стали с 1835 г. (записаны не просто «жители», а крепостные крестьяне Пудемского завода), с 1840 г. отмечается возраст жениха и невесты, различаются крестьяне государственные (казенные) и крепостные (доля последних в среднем за изучаемый период насчитывала 44,9% исследованных рождений и 43,9% смертей).

В качестве основных критериев, раскрывающих специфику демографических процессов, выбраны соотношение родившихся и умерших по полу, половозрастные показатели смертности, сезонность рождений, смертей и венчаний, сословная принадлежность заключивших брак, доля повторных венчаний, общая демографическая динамика.

Результаты проведенных расчетов рождаемости и смертности в Пудемском заводе отражены в табл. 1, анализ статистических данных которой позволил сделать ряд выводов.

Во-первых, исследование соотношения родившихся по полу показало, что в изучаемый период общая демографическая динамика характеризовалась наличием маятниковых колебаний, т.е. периодическими спадами и подъемами рождений девочек по отношению к числу родившихся мальчиков. Так, девочек родилось больше в 1790–1805, 1815, 1820, 1835 и 1855 гг., мальчиков – в 1810, 1825, 1830, 1845 и 1850 гг. (табл. 1). Средняя цифра за 1790–1860 гг., равная 109,6 девочек на 100 мальчиков, свидетельствует, что в большинстве случаев воспроизводство населения ж.п. несколько опережало воспроизводство населения м.п.

Незаконнорожденные дети выявлены лишь в отдельных метриках: в 1855 г. – 1 младенец ж.п., дочь солдатки (1,9% от общего числа родившихся), в 1860 г. – 4 чел. ж.п. (6,3% от общего числа родившихся в приходах с. Елово и с. Пудем).

Во-вторых, изучено соотношение умерших по полу. На протяжении конца XVIII – середины XIX в. смертность среди женщин в основном была выше, выявлены маятниковые колебания смертности женской части населения по отношению к мужской. Наибольшие пики смертности жительниц Пудемского завода отмечены в 1800 г. (женщин умерло в 3,5 раза больше, чем мужчин) и в 1845 г. (в 2 раза). Среднее арифметическое за 1790–1860 гг. (131,2 умерших ж.п. на 100 умерших м.п.) говорит о заметно меньшей смертности заводских крестьян м.п.

В-третьих, отмечен преимущественно положительный демографический баланс православных жителей м.п. Пудемского завода. Убыль населения (в связи с преобладанием смертности над рождаемостью) наблюдалась лишь в 1815 и 1820 гг.; нулевым прирост мужской части населения был в 1796 и 1805 гг. Наименьший уровень смертности мужчин был отмечен в 1845 г. (табл. 1). Средний за изучаемый период показатель (65,2

* **Васина Татьяна Анатольевна** (Ижевск) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, e-mail: vasina@ni.udm.ru.

Таблица 1
Демографические процессы в Пудемском заводе в 1790–1860 гг. (по данным метрических книг православной Троицкой церкви с. Елово)

Годы	1790	1796	1800	1805	1810	1815	1820	1825	1830	1835	1840	1845	1850	1855	1860*
На 100 мальчиков рождилось девочек	116,7	125,0	216,7	137,5	75,0	125,0	111,1	62,5	73,7	107,1	100,0	83,3	93,3	116,7	100,0
На 100 умерших м.п. приходилось умерших ж.п.	100,0	87,5	350,0	125,0	145,5	144,4	45,5	140,0	90,0	100,0	111,1	200,0	110,0	128,6	90,9
На 100 родившихся м.п. приходилось умерших м.п.	50,0	100,0	33,3	100,0	91,7	112,5	122,2	31,3	52,6	57,1	50,0	12,5	66,7	29,2	68,8
На 100 родившихся ж.п. приходилось умерших ж.п.	42,9	70,0	53,9	90,9	177,8	130,0	50,0	70,0	64,3	53,3	55,6	30,0	78,6	32,1	62,5
На 100 родившихся умеряло всего	46,2	83,3	47,4	94,7	128,6	122,2	84,2	46,2	57,6	55,2	52,8	20,5	72,4	30,8	65,6

Примечание. * Цифры даны по двум православным приходам: с. Елово и с. Пудем (здесь в конце 1860 г. открылась новая церковь).
 Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1690. Л. 1–5, 8–9об.; Д. 1789. Л. 1–5об., 8об.–10; Д. 1803. Л. 324–328об., 330–331; Д. 1817. Л. 395–399, 403об.–408об.; Д. 1834. Л. 895–901об., 906об.–911; Д. 1877. Л. 448–459об., 473–484об.; Д. 1903. Л. 681–693, 699–704; Д. 1936. Л. 606–619, 625–629об.; Д. 1957. Л. 219–233, 241–252об.; Д. 2002. Л. 96–118, 131–137об.; Д. 2010. Л. 638–726об., 750–761об.; Д. 2048. Л. 1–57, 77об.–107; Д. 2132. Л. 1383–1436, 1455об.–1476; Д. 2185. Л. 300–354, 373об.–412; Д. 2294. Л. 1–92, 108–147; Д. 2353. Л. 894–966, 991–1044, 1194б–1200, 1205–1209.

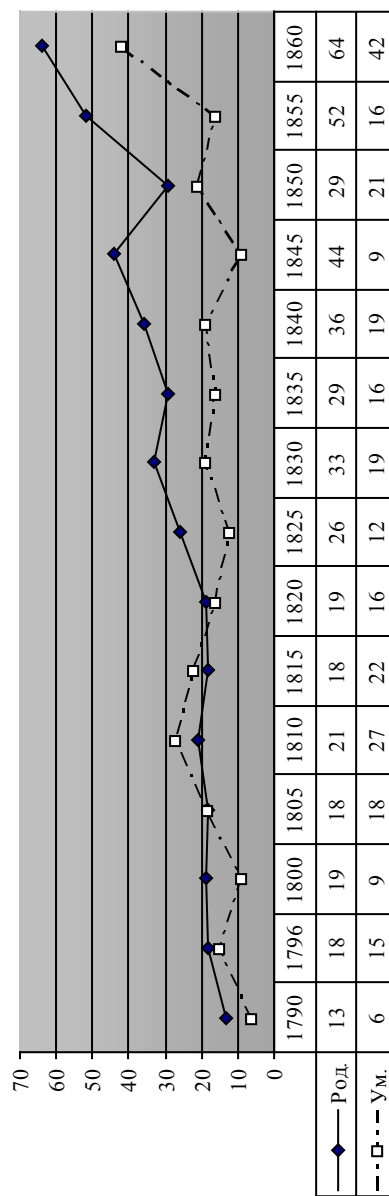

Рис. 1. Рождаемость и смертность в Пудемском заводе в 1790–1860 гг. (чел. об.п.).

умерших м.п. на 100 родившихся м.п.) говорит о достаточных темпах прироста населения м.п. (рождаемость в 1,5 раза превышала смертность).

В-четвертых, в табл. 1 отражен демографический баланс женской части православного населения Пудемского завода. Аналогично отмечены маятниковые колебания числа умерших по отношению к количеству родившихся. В целом, демографический баланс оставался преимущественно положительным, за исключением 1810 и 1815 гг. (существенный перевес смертности над рождаемостью). Средняя цифра за 1790–1860 гг. равна 70,8 умерших ж.п. на 100 родившихся ж.п., что позволяет говорить о меньших темпах прироста жителей ж.п., по сравнению с населением м.п. (исключение – 1790, 1796, 1805, 1820, 1835, 1860 гг.).

В-пятых, была прослежена общая демографическая динамика православного населения (обоего пола) Пудемского завода. Демографический баланс оставался положительным на протяжении изучаемых лет, за исключением 1810 и 1815 гг., когда отмечена убыль населения (рис. 1). Выявлена тенденция к маятниковым колебаниям смертности, и, судя по графику, во второй четверти XIX в. отрыв рождаемости от смертности увеличился (кроме 1850 г.), т.е. можно говорить об увеличении темпов прироста православного заводского населения. Особенно низкой смертность была в 1845 г. (табл. 1, рис. 1). В среднем за 1790–1860 гг. на 100 родившихся приходилось умерших 67,2 чел. об.п. (т.е. рождаемость в 1,5 раза превышала смертность).

Рис. 1 наглядно демонстрирует темпы прироста православного населения в поселке Пудемского завода. Можно отметить увеличение показателей (количества рожденных и умерших) к концу изучаемого периода, что свидетельствует о росте численности жителей в населенном пункте и характеризует динамику естественного движения народонаселения. График иллюстрирует маятниковые колебания рождаемости и смертности в отдельные годы (увеличение/уменьшение расстояния между линиями отражает ускорение/замедление темпа прироста заводского населения).

Исследование рождаемости по категориям пола показало, что подъемы рождений мальчиков приходились на 1796 (минимальный), 1810, 1830, 1845, 1855 и 1860 (максимальный) гг.; девочек – на 1800, 1830–1845, 1855–1860 (максимальный) гг. Пики рождений на протяжении рассматриваемых лет наблюдались в каждом месяце, но чаще всего – в июле (мальчики), феврале, июле, ноябре (девочки).

Смертность аналогично характеризовалась периодическими спадами и подъемами. Так, рост смертности мужской части населения отмечен в 1796, 1810, 1820, 1830, 1840, 1850, 1860 гг., снижение – соответственно, в остальные годы. Смертность населения ж.п. возрастала к 1810 г., понижалась к 1820 г., до 1855 г. отличалась маятниковыми колебаниями и в 1860 г. вновь возрастала. Исследование сезонности смертности за 1790–1860 гг. выявило, что в большинстве случаев увеличение количества смертей среди православных м.п. Пудемского завода приходилось на зимние и летние месяцы (особенно январь и июль), православных ж.п. – зимние, весенние и летние месяцы (в первую очередь, январь, март-апрель, июнь-август).

На основе метрических книг были проанализированы половозрастные показатели смертности православных в поселке Пудемского завода (табл. 2). Изучена смертность населения мужского и женского пола в возрасте до 89 лет (с проведением 5-летней градации возрастных категорий). Было выявлено, что в 1790–1860 гг. большинство заводских жителей умирало в детстве. Так, младенцы возрастом до 1 года составляли в среднем за изучаемый период 53,5% от числа умерших м.п. (наибольший показатель был в 1830 г. – 100%, наименьший в 1815 г. – 11,1%) и 32,1% от числа умерших ж.п. (наибольший показатель был в 1855 г. – 88,9%, наименьший в 1850 г. – 9,1%, а в 1800 и 1805 гг. умерших ж.п. этого возраста вовсе не наблюдалось). Дети от одного года до четырех лет насчитывали в среднем 32,2% от общего числа умерших м.п. (наибольший показатель отмечен в 1796 и 1805 гг. – 62,5%, наименьший – в 1810 и 1820 гг. (9,1%), но в ряде лет умерших м.п. этого возраста не зафиксировано) и 29,6% от числа умерших ж.п. (наибольший показатель отмечен в 1815 г. – 46,2%, наименьший в 1835 г. – 12,5%, а в 1840 г. умерших ж.п. этого возраста не наблюдалось). В возрастной категории 85–89 лет выявлен лишь один умерший м.п. в 1845 г. (табл. 2). Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что спецификой демографических процессов в заводском поселке являлось превалирование детской смертности.

Данные метрических книг позволили исследовать сезонность венчаний. Согласно проведенным расчетам, наибольшее число браков в Пудемском заводе в 1790–1860 гг. заключалось в зимний период (январь-февраль) – 45,1% всех венчаний, на втором месте по численности были осенние браки (сентябрь-ноябрь) – 36,6% венчаний, в весенний период (апрель-май) было заключено 12,2% браков, наименьшее число венчаний приходилось на лето (июнь-август) – 6,1%. В период постов (март и декабрь) венчания были запрещены (табл. 3).

Представляет интерес сословная принадлежность «бракосочетавшихся». Как видно из табл. 4, основная доля венчаний (в среднем 75,6% за 1790–1860 гг.) приходилась на заводских жителей, прежде всего, крестьян Пудемского завода, которые женились и выходили замуж в пределах своей социальной группы, а также роднились с семьями крестьян Омутнинского и Залазнинского заводов. Смешанные в социальном отношении браки (заводские жители + крестьяне сельской округи) занимали второе по распространенности место (24,4%).

Таблица 2
Половозрастной состав умерших в Пудемском заводе в 1790–1860 гг. (по данным метрических книг православной Троицкой церкви с. Елово)

Возраст	1790*		1800		1805		1810		1815		1820		1825		1830		1835		1840		1845		1850		1855		1860			
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж		
До 1 г.	1		2	7	9	1	2	6	2	2	1	10	5	4	3	8	4	2	3	5	1	4	8	15	10					
1–4		5	1	5	4	1	5	6	1	2	1	3	1	1					1	4	4			4	8					
5–9			1			1	1						1								1			1						
10–14						1																								
15–19				1		1										1														
20–24						1										1						1								
25–29						2				1			1																	
30–34			1								1																		1	
35–39			1			1					1	1																		
40–44							1									1						1	1							
45–49			1												1															
50–54									1																					
55–59			1														3													
60–64				1	1	1	1	2					1		1	2													1	
65–69	1						1	1																						
70–74	1	1						1	1	1				1																
75–79											1																			1
80–84																														1
85–89																														
Итого	3	8	2	7	8	10	11	16	9	13	11	5	7	5	8	8	9	10	3	6	10	11	7	9	22	20				

Примечание. * Возраст умерших ж.п. в метрических книгах раннего периода не указан: М – чел. мужского пола, Ж – чел. женского пола.

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1690. Л. 8–9об.; Д. 1789. Л. 8об.–10; Д. 1803. Л. 330–331; Д. 1834. Л. 906об.–911; Д. 1817. Л. 403об.–408об.; Д. 1877. Л. 473–484об.; Д. 1903. Л. 699–704; Д. 1936. Л. 625–629об.; Д. 1957. Л. 241–252об.; Д. 2002. Л. 131–137об.; Д. 2010. Л. 750–761об.; Д. 2048. Л. 77об.–107; Д. 2132. Л. 1455об.–1476; Д. 2185. Л. 373об.–412; Д. 2294. Л. 108–147; Д. 2353. Л. 991–1044, 1205–1209.

Таблица 3

Сезонность венчаний в Пудемском заводе в 1790–1860 гг.

Годы Месяц	1790	1796	1800	1805	1810	1815	1820	1825	1830	1835	1840	1845	1850	1855	1860*	Итого		
																	Зима	Весна
Январь	1		1	1	1	1	1	2	3	2	1		1	4	4	23	37	10
Февраль	2		1	1	1				1				6		2	14		
Март																		
Апрель			1				2							1		4		
Май				1					1	1				1	2	6		
Июнь				1		1										2		
Июль								1						1	1	2		
Август																1		
Сентябрь									1							1		
Октябрь			1	1	1	3	1	1	1	3		1	5			16		30
Ноябрь				1	1		1	1			2	2			6	13		
Декабрь																		
Итого	1	2	3	5	4	2	7	5	6	7	3	3	12	7	15	82		82

Примечание. * Цифры даны по двум православному приходам: с. Елово и с. Пудем (здесь в конце 1860 г. открылась новая церковь).

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1690. Л. 6–7об.; Д. 1789. Л. 6об.–8; Д. 1803. Л. 329–329об.; Д. 1817. Л. 400об.–403об.; Д. 1834. Л. 902–905об.; Д. 1877. Л. 461–469об.; Д. 1903. Л. 695–698об.; Д. 1936. Л. 620–625; Д. 1957. Л. 234–240; Д. 2002. Л. 119–125; Д. 2010. Л. 734–742; Д. 2048. Л. 58об.–77; Д. 2132. Л. 1437об.–1453; Д. 2185. Л. 355–373; Д. 2294. Л. 93–107; Д. 2353. Л. 967–990, 1201–1204.

Таблица 4

Сословная принадлежность вступающих в брак в Пудемском заводе (1790–1860 гг.)

Категория	Сословия	Кол-во пар	%	В том числе	
				2-й брак	3-й брак
Заводское население	Жители (крестьяне) Пудемского з-да	48	58,6	4	1
	Жители/служащие/крепостные Пудемского и Омутнинского з-дов	10	12,2	4	1
	Крестьяне Пудемского и Залазинского з-дов	2	2,4	–	–
	Крестьяне + военнослужащие Пудемского з-да	2	2,4	–	–
	Итого	62	75,6	8	2
Смешанные пары	Жители (крестьяне) Пудемского з-да + крестьяне окрестных деревень	18	22,0	5	–
	Жители (крестьяне) Пудемского з-да + духовенство с. Елово	1	1,2	1	–
	Отставной унтер-офицер Пудемского з-да + новокрещены с. Елово	1	1,2	1	–
Всего	Итого	20	24,4	7	–
		82 пары			

Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1690. Л. 6–7об.; Д. 1789. Л. 6об.–8; Д. 1803. Л. 329–329об.; Д. 1817. Л. 400об.–403об.; Д. 1834. Л. 902–905об.; Д. 1877. Л. 461–469об.; Д. 1903. Л. 695–698об.; Д. 1936. Л. 620–625; Д. 1957. Л. 234–240; Д. 2002. Л. 119–125; Д. 2010. Л. 734–742; Д. 2048. Л. 58об.–77; Д. 2132. Л. 1437об.–1453; Д. 2185. Л. 355–373; Д. 2294. Л. 93–107; Д. 2353. Л. 967–990, 1201–1204.

Повторные браки в среде заводского населения насчитывали 12,9% венчаний, в третий брак вступало 3,2% пар. В их числе: вдовцы и девушки (46,7% случаев), вдовцы и вдовы (26,7%), отроки и вдовы (20%), вдовцы и жены ссыльных (6,7%). К примеру, в 1800 г. служитель Пудемского завода, вдовец Ф. Змиев в третий раз женился на дочери умершего служителя Омутнинского завода Е. Коровиной [4]; в 1805 г. вдовец, житель Омутнинского завода П. Керов вторым браком венчался с вдовой Пудемского завода А. Жилиной. Преобладали пары, вступавшие в matrimониальные отношения первый раз: они насчитывали 79,3% венчаний (1790–1860 гг.). Например, в 1790 г. первым браком венчались отрок Пудемского завода И.К. Аврамов и «девка» Ф.П. Шутова [5].

В большинстве молодых супружеских пар (55,0%) жених был старше невесты (разница в возрасте насчитывала от 1 года до 37 лет), в 30,0% пар невеста была старше жениха (на 1–4 года), в 12,5% венчаний жених и невеста были одного возраста (в одном случае (2,5%) в метрике пропущен возраст невесты) (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение возрастов молодоженов в Пудемском заводе (1840–1860 гг.)

Разница в возрасте	Кол-во пар	На 1 год	На 2 года	На 3 года	На 4 года	На 5 лет	На 6 лет	На 7 лет	На 9 лет	На 11 лет	На 12 лет	На 23 года	На 37 лет
Одногодки	5												
Муж старше жены	22	6	2	3	–	3	1	2	1	1	1	1	1
Жена старше мужа	12	7	2	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	39*												

Примечание. * Всего в рассматриваемые годы было выявлено 40 пар, но в одной метрике не отмечен возраст невесты. Источники: ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 2048. Л. 58об.–77; Д. 2132. Л. 1437об.–1453; Д. 2185. Л. 355–373; Д. 2294. Л. 93–107; Д. 2353. Л. 967–990, 1201–1204.

Абсолютный брачный возраст (в котором заключалось наибольшее число браков) составлял 18–23 года для лиц м.п. (80,0% случаев) и 16–23 года для лиц ж.п. (92,3%) (рис. 2). Средний возраст вступления в первый брак в 1790–1860 гг.: у молодых людей – 21,2, у девушек – 19,9 лет. Повторные браки мужчин приходились на 22, 25, 32 и 52 года (средний возраст 32,8 года), женщин – на 22 и 29 лет (средний возраст 25,5 лет); третий брак у мужчин – на 57 лет. Военнослужащие женились поздно, например, в 1860 г. венчались: 1) рядовой Пудемского завода 30 лет и дочь крестьянина Пудемского завода 21 года; 2) бомбардир Пудемского завода 38 лет и крепостная крестьянка Пудемского завода 32 лет.

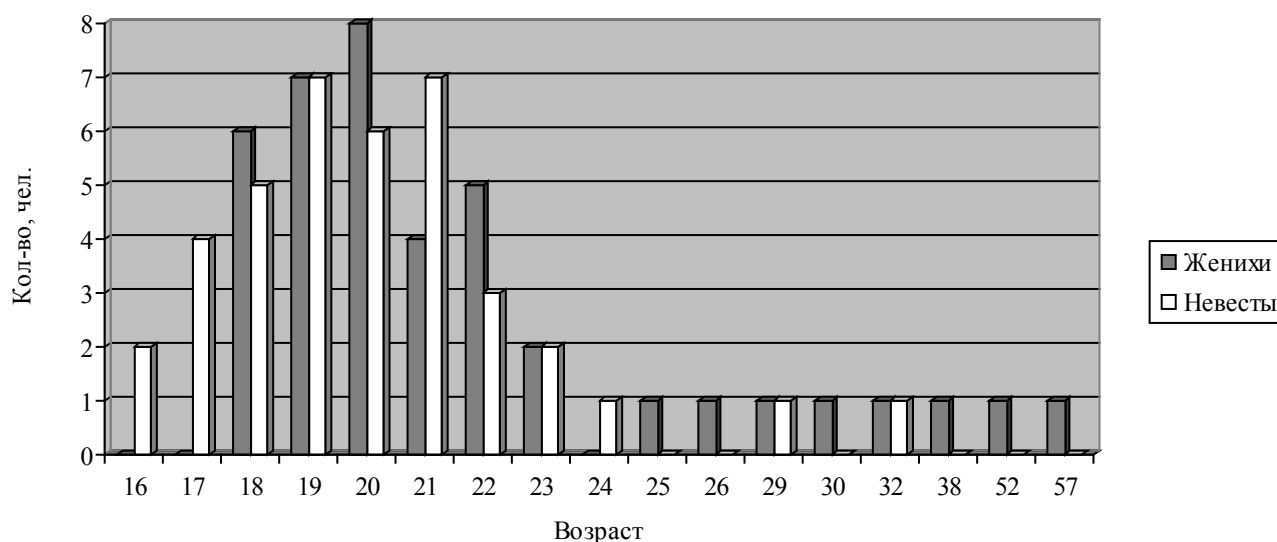

Рис. 2. Возраст вступления в брак в Пудемском заводе (по данным метрических книг православной Троицкой церкви с. Елово 1840–1860 гг.).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в конце XVIII – середине XIX в. демографические процессы в селении Пудемского завода характеризовались маятниковыми колебаниями уровней рождаемости и смертности, при этом темпы прироста населения м.п. в среднем несколько опережали аналогичные показатели для женской части заводских жителей (за исключением ряда лет). Обращает на себя внимание превалирование детской смертности. Тем не менее скорость воспроизводства населения способствовала сохранению в изучаемый

период большей частью положительного демографического баланса. Браки крестьянами завода заключались в раннем возрасте и преимущественно в пределах своей социальной группы, по правилам православного вероисповедания. Можно предположить, что специфика демографической ситуации определялась условиями труда (для мужчин – на металлургическом производстве, для женщин – в домашнем хозяйстве), санитарным состоянием, уровнем медицинской помощи в рабочем поселке.

Источники и литература

1. Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.). Ижевск, 1994. С. 157–160; Байбородова М. Начало (К 240-летию Пудемского листопрокатного завода и поселка Пудем) // Сельская правда (Яр). 1999. 13 апр. С. 3; Она же. Хозяева // Сельская правда (Яр). 1999. 20 апр. С. 3; Горбушина Е. Пудем 100 лет назад // Сельская правда (Яр). 1999. 12 февраля. С. 2.
2. Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 217.
3. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 134. Оп. 1. Д. 1690. Л. 1–9об.; Д. 1789. Л. 1–10; Д. 1803. Л. 324–331; Д. 1817. Л. 395–408об.; Д. 1834. Л. 895–911; Д. 1877. Л. 448–484об.; Д. 1903. Л. 681–704; Д. 1936. Л. 606–629об.; Д. 1957. Л. 219–252об.; Д. 2002. Л. 96–137об.; Д. 2010. Л. 638–761об.; Д. 2048. Л. 1–107; Д. 2132. Л. 1383–1476; Д. 2185. Л. 300–412; Д. 2294. Л. 1–147; Д. 2353. Л. 894–1044, 1194в–1209.
4. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1803. Л. 329–329об.
5. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1690. Л. 6–7об.

Миграционные процессы в Коми крае в начале XX в. (на примере Кажимских заводов)**

На рубеже XIX–XX вв. Коми край являлся аграрным регионом. 96,8% населения Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов проживало в сельской местности, в то время как в городах – 3,2% [1]. Однако малоблагоприятные природно-климатические условия не позволяли крестьянину обеспечить свою семью достаточным количеством хлеба за счёт собственного земельного участка. «Чем дальше на север, – отмечал Н.М. Дружинин, – тем больше суживались возможности полевого хозяйства: в Яренском и Усть-Сысольском, а отчасти Сольвычегодском, уездах даже посевы ржи и овса были невозможны...» [2]. Многие из семей и в урожайные годы испытывали дефицит в хлебе. Помимо этого сельские жители были обязаны платить в государственную и местную казны различные виды налогов: государственный поземельный налог, земские и мирские сборы, лесной налог и т.д., что также требовало наличия постоянных денежных средств. «Полученные доходы, – указывает в своей работе Н.И. Голикова, – шли не только на уплату повинности, но и на покупку хлеба» [3]. В результате в начале XX в. традиционный опыт природопользования основной массы населения не позволял обеспечить ни минимальных жизненных потребностей, ни исправной уплаты многочисленных податей и сборов. На это указывали и сами сельские жители. Так, крестьяне Нёбдинской волости, отвечая на вопросы Усть-Сысольской земской управы, в графе о первоочередных нуждах отметили: «кроме наделения землёй население нуждается в местных заработках» [4]. В итоге крестьяне были вынуждены всё чаще прибегать к дополнительным источникам дохода. Одним из них являлся уход крестьян на заработки на уральские горные заводы, где они устраивались подсобными рабочими. «Вот уж по весне добудем опять денежек-то, – отзывался в 1898–1899 гг. крестьянин Вепревской волости Вологодского уезда, – чужая сторонюшка выручит меня. Не понуждаемся товды и в денежках, и оброк уплатим, и кобылу на пашню куплю...» [5]. Аналогичного мнения придерживались и коми-крестьяне.

В начале XX в. в состав Кажимских горных заводов входили три предприятия: Кажимский и Нючпасский железодобывающие заводы, располагавшиеся в Койгородской волости и Нювчимский чугунолитейный и железодобывающий завод, находившийся в Благовещенской волости. Большинство трудившихся на заводах лиц составляли сезонные рабочие [6]. В исследуемый период наблюдалось следующее соотношение между временными рабочими и заводскими людьми, работавшими на постоянной основе. В 1905–1906 гг. первая группа составляла (без учёта лиц, занятых на горных работах при рудниках) 320 чел., а вторая – 300 чел. Через два года (1907–1908 гг.) их численность достигала: 372 чел. и 322 чел., соответственно [7].

Таким образом, отход крестьян на заработки приводил к движению сельского населения, т.е. к миграции, которая носила временный (сезонный) характер. Автор, на материалах подрядных договоров крестьян с конторой Кажимских горных заводов изучил отдельные аспекты этого процесса. В частности, были рассмотрены истоки миграции, т.е. откуда направлялись крестьяне на заводы, и ее сроки. Мы не будем подробно останавливаться на характеристике использованных нами документов (подрядных договоров), так как их содержание весьма полно осветил в своей статье М.А. Мацук [8].

Во время работы над заявленным в названии статьи сюжетом было изучено 72 документа, охватывавших хронологические рамки с 1908 по 1917 г. В начале XX в. на работу в Кажимские заводы направлялись крестьяне как близлежащих волостей, так и соседней Вятской губернии. При этом, как правило, на Кажимском и Нючпасском заводах трудились сельские жители Койгородской волости, а на Нювчимском – Благовещенской. Так, из всех рассмотренных договоров 32 подряда было заключено крестьянами Койгородской волости и общества, шесть – Ужгинского и по одному Коберского и Палаузского обществ. Крестьянами Гривенской волости было подписано всего три подряда с Нючпасским и Кажимским заводами на добычу, обжиг и доставку железной руды в Нючпас, перевозку из куруней угля и доставку телеграфных столбов из казённой дачи в Кажим. С Нювчимским заводом договоры заключали крестьяне Благовещенской волости и общества (три договора), Шешкинской волости и общества (два договора), а также Гарынского, Ибского, Нювчимского и Пажгинского обществ Благовещенской волости (по одному договору каждый). Изредка на работы нанимались крестьяне волостей, расположенных на дальних расстояниях от завода. В частности, были выявлены два подряда крестьян Койгородской волости с конторой Нювчимского завода на добычу и доставку дров, датированные 1917 г. [9].

* Попов Сергей Александрович (Сыктывкар) – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, hiys84@rambler.ru.

** Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

Помимо коренных на заводах трудились и сельские жители соседней Вятский губернии. Как правило, они направлялись на заработки в Кажимский и Нючпасский заводы. Причина – близость расположения предприятий к губернии, что требовало меньших затрат со стороны крестьян на дорогу до места работы. Автором были выявлены Кайгородская, Трушниковская, Маракулинская, Сочневская и Архангельская волости, входившие в состав Слободского уезда, а также Якшинская волость Вятского уезда. Пальма первенства по количеству заключенных подрядов за исследуемый временной отрезок принадлежала сельским обществам Маракулинской волости – 13 документов.

В начале нового столетия, как правило, подряды с конторами заводов крестьяне заключали артелями, которые насчитывали от нескольких человек до десятка лиц. Иногда под одним подрядом подписывались сразу несколько артелей. Например, в октябре 1908 г. под документом, заключённым крестьянами Койгородской волости Усть-Сысольского уезда с Главным управлением Кажимских заводов на добычу руды, подписались представители шести артелей в количестве 53 чел. [10]. В отдельных случаях заводская контора заключала подряд с отдельным крестьянином [11]. Подобные условия подписывались с работниками, владевшими конкретным ремеслом: изготовление лодок, водяных колёс и др.

Подряжались крестьяне в основном в осенне-весенний сезон (с сентября по апрель месяцы), когда завершалась уборка урожая и до начала нового посева. На это ещё в 1880-е гг. во время экспедиции по северо-восточным уездам Вологодской губернии (Усть-Сысольский, Яренский и Сольвычегодский) указал П.В. Котляровский. Он подсчитал, что в течение календарного года земледельческим работам крестьяне указанных уездов уделяли не более 4 ½ месяца (с мая по середину сентября), а остальные 7 ½ месяцев они занимались разными промыслами и другими работами [12].

Для каждого вида работ на заводе устанавливались постоянные временные рамки. Так, строительство судна (в историческом источнике оно именуется – «подчалка») при заводе осуществлялось с середины августа до весеннего вскрытия рек (существовала оговорка – не позднее 10 апреля), а вывозка дров из лесосек и казенных дач реализовывалась в период существования зимних путей. Как правило, артели, заключая договор с заводом на исполнение какого-либо вида деятельности, оговаривали лишь время начала работы и объём, который необходимо выполнить. В результате в большинстве подрядов встречается следующая фраза: «подрядились ... в течение зимы [таких-то годов] ...» или «... в зиму [таких-то гг.]...» [13]. Наиболее распространенные сроки выполнения подрядов – это ноябрь-март месяцы.

Во время изучения заявленной проблемы было выявлено всего два подряда, выполнение которых осуществлялось в течение года. Первый был заключен крестьянами Койгородского общества с Нювчимским заводом на рубку и перевозку дров из заводской дачи на период с 27 мая 1917 г. по 25 марта 1918 гг. Второй – крестьянами Благовещенской волости Пажгинского общества с тем же заводом на рубку дров, их обжиг на угли и доставку последнего на завод с 25 апреля 1912 г. по 20 марта 1913 г. Данные подряды делились на этапы, во время которых рабочие должны были выполнять определённый вид деятельности. Например, подряд крестьян Пажгинского общества: «Рубку начать со времени заключения договора (с 25 апреля 1912 г.). Количество дров для выжигания угля приготовить не позднее первого июля с/г. Кладку дров в кучи начать с 1 октября и не позднее как к 8 ноября приступить к выжигу куч на уголь и по мере приготовления его приступить к перевозке; половину подряда [выполнить] к 6-му января 1913 г., а всю поставку кончить не позднее 20-му марта б/г.»

Несмотря на сезонный характер работ, состав нанимавшихся крестьян в ряде случаев был устойчив. Данный тезис подтверждается архивным материалом. В частности, в документе, датированном 1904 г., крестьянин д. Гарвинской просил у конторы Нювчимского завода «надбавить оплату за перевозку извести». Свою просьбу он обосновывает тем, что «почти каждый год нахожусь для Нювчимского завода подрядчиком по доставке для горного завода опочной земли и извести» [14]. Об устойчивости состава мигрантов из крестьянских обществ можно судить по руководителям артелей. Автор сопоставил инициалы всех начальников артелей, которые от имени крестьян заключили подряды с Главным управлением Кажимскими заводами. В результате из 34 руководителей шесть по нескольку раз подписывали договора. Это Глеб Васильев Турубанов – Койгородское общество – четыре подряда (1908, 1910, 1914 и 1915 гг.); Семен Петров Торопов и Софрон Егоров Турубанов – то же общество – по три подряда (1908–1910 гг.); Николай Васильев Новоселов – то же общество – два договора (1908 и 1914 гг.); Андрей Степанов Грязных – то же общество – два договора (1907 и 1910 гг.) и Александр Егоров Шараров – Койгородская волость – два подряда (1917 г.: январь и май). Более того в каждом случае они, за исключением Г.В. Турубанова, подряжались на выполнение одного и того же вида работ.

Итак, развитие отходничества среди крестьян Коми края в поисках дополнительного заработка порождало распространение миграции сельского населения. Одним из её направлений являлся уход селян на Кажимские горные заводы. Данный вид миграции (внутренняя миграция) носил сезонный характер и был распространён в период между сельскохозяйственными работами. Как правило, это осенне-весенний период (сентябрь-апрель). Конкретные сроки ухода крестьян из семьи зависели от вида работ, которые они выполняли при заводах. На-

правлялись на предприятия, как правило, жители соседних с ними волостей, но также среди сезонных рабочих встречались крестьяне соседней Вятской губернии.

Источники и литература

1. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: население, состав, численность. Сыктывкар, 2005. С. 9.
2. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе (1861–1880 гг.). М.: Наука, 1978. С. 206.
3. Голикова Н.И. Политика царизма в государственной деревне Европейского Севера (60–80-е гг. XIX в.) // *Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР (Северный археографический сборник)* / Под ред. П.А. Колесникова. Вологда: Изд-во ВГПУ, 1980. С. 79.
4. Цой Ун-Ен. Крестьянский отход в Коми крае в начале XX века // *Крестьянство Коми края (досоветский период)* / Под ред. В.И. Чупрова. Сыктывкар, 1986. С. 61. (Труды ИЯЛИ. Вып. 38).
5. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Часть 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007. С. 595.
6. История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. С. 330; Т. 2. С. 89.
7. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. ф-162. Оп. 1. Д. 25. Л. 8.
8. Мацук М.А. Отход коми крестьян на уральские горные заводы в конце XIX – начале XX веков // *Хозяйство северного крестьянства в XVII – начале XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов* / Под ред. П.А. Колесникова. Сыктывкар: Изд-во Пермского ун-та, 1987. С. 90–96.
9. НАРК. Ф. ф-164. Оп. 1. Д. 373. Л. 2–2об., 28–28об.
10. НАРК. Ф. ф-162. Оп. 1. Д. 25. Л. 61об.
11. НАРК. Ф. ф-162. Оп. 1. Д. 27. Л. 94; Ф. ф-164. Оп. 1. Д. 373. Л. 1.
12. Индова Е.И. К истории государственных крестьян Вологодской губернии второй половины XIX в. // *Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник* / Под ред. П.А. Колесникова. Вологда: Изд-во ВГПУ, 1973. Вып. 3. С. 285.
13. НАРК. Ф. ф-162. Оп. 1. Д. 25. Л. 86; Д. 27. Л. 68.
14. НАРК. Ф. ф-164. Оп. 1. Д. 302. Л. 169–169об.

Русское население в бассейне среднего и нижнего Терека: прошлое и настоящее

Первые контингенты русского населения на Северном Кавказе – казаки – появились в бассейне р. Терек в середине XVI в. [1] не как служивые люди, а как вольные поселенцы. Чуть позже на Терек пришло Русское государство, и в нижнем течении р. Сунжа начали возводиться укрепленные казачьи городки. Строились они и на протяжении XVII в. [2–6]. Наиболее известный казачий городок – Сунженский острог. Укрепленные городки по различным причинам то покидались казаками, то возводились заново. Но в любом случае их правомерно рассматривать как первые опорные пункты русской колонизации восточно-кавказских предгорий.

Датировка возникновения казачьих поселений и место, где они изначально располагались, – предмет научной дискуссии. По преданию [7], записанному со слов 90-летнего гребенского казака станицы Червлённой, местом первоначального поселения вольных казаков являются окрестности Андреевой деревни [ныне с. Энديرей, Республика Дагестан. – *Авт.*]. Гребенской старожил сообщил, что его дед и даже отец с сотоварищами жили в укрепленных городках в горах выше Андреевой деревни, куда они пришли с Волги и Терского городка в небольшом количестве. Затем их число сильно увеличилось за счёт казаков, прибывших из России. Соседи гребенских казаков по жительству в горах – чеченцы [чеченцы-аккинцы? – *Авт.*] и кумыки – поначалу опасались казаков, а затем перестали их бояться. Поэтому гребенские казаки послали выборных делегатов к астраханскому воеводе просить помилование у царя и разрешения поселиться им на Терке. Получив дозволение, гребенцы тут же перешли к устью Сунжи. Но не прожили здесь и 20 лет: царь Петр Алексеевич в наказание за принятие беглых казаков из Астрахани перевел гребенских казаков на левый берег Терека и поселил пятью станицами.

Общезвестно, что переселение гребенских казаков с Сунжи на левый берег Терека состоялось в 1711 г. Однако В.Б. Виноградов и Т.С. Магомадова [4], проанализировав исторические документы и картографические материалы, убедительно показали, что гребенские казаки населяли левый берег Терека еще в XVII в. В это время здесь существовали казачьи городки: Медвежинский, Курдюков, Толстопятов, Нижний, Наурский, Верхний Червлёной, атамана Досая, атамана Парамонова, Нижний Червлёной, Шевелёв, Ишщёрский, Оскин. Согласно источникам конца XVI в. – первой половины XVII в., численность Гребенского войска составляла 500 чел. [4].

Ш.А. Гапуров и Д.Б. Абдурахманов [8] приводят более ранние даты основания гребенских станиц и укреплений, фигурирующие во многих дореволюционных трудах, издававшихся в тогдашней Терской области: Червлённая – 1567 г., Щедринская – 1569 г., Терский городок (Терки) – 1588 г. Вышеприведенные даты согласуются с мнением З.М. Шираковой [1] о том, что казаки обосновались на Терке приблизительно в середине XVI в.

Интересные данные по истории гребенского казачества содержатся в эмигрантских казачьих публикациях [9–11]. В частности, подьесаул Д.И. Дёмушкин [9] сообщает о том, что основоположники Терского казачьего войска – гребенские казаки – достигли устья Терека около 1520 г., а затем пятью станицами разместились в гребнях восточной части Терского хребта. Д.И. Дёмушкин [9], полковник Н.И. Зимин [10] и хорунжий Н.Н. Протопопов [11] отмечают то, что гребенские казаки в 1552 г. участвовали во взятии Казани, в 1555 г. посылали посольство в Москву к Иоанну Грозному, а в 1578 г. казакам была пожалована первая царская грамота. В 1577 г. гребенские казаки разгромили 25-тысячный отряд крымского царевича при переправе через Сунжу около с. Брагуны. Это важное историческое событие стало причиной того, что в 1874 г. император Александр II официально установил старшинство 1-го Кизлярско-Гребенского полка и всего Терского казачьего войска с 1577 г.

Ф.С. Гребенец [12] полагает, что гребенские казаки пришли на Северный Кавказ в первой половине XVI в. Ссылаясь на чеченские предания, Ф.С. Гребенец также сообщает, что первоначально гребенские казаки жили по берегам рек Аргун (чуть ли не в Воздвиженском ущелье), Басс и Хулхулау. Так что мысль, высказанная В.Б. Виноградовым и Т.С. Магомадовой [3] о том, что гребенские казаки могли селиться в восточно-кавказских предгорьях, далеко не беспочвенна. Иное дело, что для обоснования этой мысли указанные авторы использовали надуманные, искусственно созданные «топонимические» конструкции (Кашлаковское ущелье отождествлялось с Аргунским ущельем, а Павловское ущелье – с «Бавловским» ущельем, то есть с ущельем р. Хулхулау), за что подверглись справедливой критике со стороны М.Б. Мужухоева и А.А. Плиева [5]. К этому добавим, что не стоило придумывать «Бавловское» ущелье, поскольку Бавлойское ущелье («Бавлой-эрк») реально существует в высокогорной зоне Чечни, которое совсем недавно было населено чеченским тайпом Бавлой [13, 14].

* Головлёв Алексей Алексеевич (Самара) – доктор географических наук, профессор кафедры экологии Самарского государственного экономического университета, e-mail: ecology@samsu.ru.

Как мы уже знаем из старинного предания [7], гребенских казаков переселили с низовья Сунжи на левый берег Терека при царе Петре Алексеевиче в наказание за принятие беглых казаков. Вполне вероятно, что казанский губернатор П.Н. Апраксин в 1711–1712 гг. руководствовался именно этой причиной, переселяя гребенских казаков на места их прежнего проживания [4], чему они особенно не противились. Дело в том, что для перебазирования на левый берег Терека у гребенских казаков имела своя веская причина: нападения чеченцев.

Чеченцы, продвигавшиеся из глубины Кавказских гор на север, на предгорные равнины, прервали первый этап русской колонизации восточно-кавказских предгорий. Вытеснив сравнительно немногочисленное Гребенское войско с восточной оконечности Терского хребта и понизовья Сунжи на левый берег Терека, чеченцы в последующие десятилетия XVIII в. окончательно оттеснили (и частично ассимилировали) кабардинцев с Терского и Сунженского хребтов и западной части нынешней Чеченской равнины, а кумыков – с восточной части нынешней Чеченской равнины и западной части Кумыкской (ныне Гудермесской) плоскости [15].

В результате подобных действий создались благоприятные условия для чеченской колонизации восточно-кавказских предгорий. За счет переселенцев с Кавказских гор в предгорьях возникают новые и разрастаются ранее существовавшие чеченские аулы и хутора. Немало их появилось в долине р. Сунжи. На берегах этой реки возникло одно из древнейших чеченских селений на предгорной плоскости – Кулары [16]. Как указывают Ш.А. Гапуров и Д.Б. Абдурахманов, в равнинной части бассейнов рек Терека и Сунжи проживали чеченцы (по официальной терминологии – «мирные чеченцы»), переселившиеся сюда в XVII–XVIII вв. [8, с. 210].

Рис.1. Семья гребенских казаков.
Начало XX в.

В то же самое время Российское государство закрепляется на левобережье Терека. Причем, кроме казачьего населения здесь одновременно расселяются группы армянского, грузинского, калмыцкого, осетинского и русского крестьянского населения. Как крепости в бассейне среднего и нижнего Терека возникают первые русские города (Кизляр в 1735 г., Моздок в 1763 г., Владикавказ в 1784 г.). В гребенских казачьих станицах поселяются чеченцы, в основном представители тайпов варандой и гуной, по тем или иным причинам покинувшие Чечню, принявшие христианство и давшие начало новым казачьим родам (например, Байсунгуровых, Федюшкиных, Малаевых, Титкиных, Янхотовых и др.).

Первый этап русской колонизации был преимущественно казачьим. В этот этап одновременно в нижнем и среднем течении Терека возникали, упразднялись или сливались следующие казачьи полки-войска: Гребенское, Аграханское, Терское Кизлярское, Терское Семейное, Волгское, Горское (Горско-Моздокское), Владикавказское и Сунженское. В 1832 г. было создано единое Кавказское линейное казачье войско, включавшее кубанских (черноморских) и терских казаков, а в 1860 г. образовано Терское казачье войско (рис. 1, 2).

Рис.2. Семья казаков станицы Грозненской. Начало XX в.

Второй этап русской колонизации восточно-кавказских предгорий начался во втором десятилетии XIX в., когда эта территория уже была относительно заселена чеченцами. Решающую роль во втором этапе русской колонизации предгорий сыграла деятельность генерала А.П. Ермолова, его сподвижников и последователей.

Во второй этап на востоке Северного Кавказа усилилась Терская оборонительная линия, которая до прибытия на Кавказ генерала А.П. Ермолова «трещала по швам» от нападений чеченцев. При генерале А.П. Ермолове началось создание кордонной Сунженской линии, а после А.П. Ермолова, в конце Кавказской войны – ещё и Предгорной линии. При генерале А.П. Ермолове казаки возвращаются на сунженские земли, которые (применительно к территории современного г. Грозного) Ш.А. Гапуров и Д.Б. Абдурахманов называли «...исконно чеченскими землями» [8, с. 222], как будто чеченцы и не переселялись сюда с Кавказских гор в XVII–XVIII вв., о чем эти авторы

сообщали раньше. Согласно Н.И. Штанько, генерал А.П. Ермолов «...не считал занятие Сунжи завоеванием новых земель, а только возвращением их прежним владельцам» [17, с. 92], то есть казакам.

В 1818 г. отряд под начальством генерала А.П. Ермолова заложил на левом берегу Сунжи крепость Грозную, которая реально обезопасила Терскую оборонительную линию от беспрестанных нападений чеченцев и сделала жизнь казачьего и гражданского населения на Тереке несравненно спокойнее. Возникновение крепости Грозной, получившей в 1871 г. статус окружного города, открытие в 1893 г. вблизи г. Грозного промышленных залежей нефти [18] сыграли выдающуюся роль в освоении Россией восточно-кавказских предгорий. Начиная с 1845 г. генерал Н.П. Слепцов закладывает на Сунже, где прежде находились только укрепления, казачьи станицы, из цепи которых затем образовалась Сунженская линия. С окончанием в 1859 г. войны в Чечне и Дагестане и уходом части карабулаков (ортскойцев) в Турцию, на освободившихся от них землях компактно селятся чеченцы (нынешний Ачхой-Мартановский район), ингуши (нынешние Назрановский и Малгобекский районы) и казаки (нынешние Сунженский и Галашкинский районы). По итогам кровопролитной Кавказской войны казаки заняли и освоили часть земель, ныне относящихся к Грозненскому, Сунженскому и Гудермесскому районам.

В 40–60-е гг. XIX в. вдоль северного подножия Черных гор постепенно формируется самая южная, Передовая кордонная линия (крепость Воздвиженская, укрепления Хаби-Шавдонское, Шалинское, Нестеровское, Ачхоевское, Эрсеноевское и др.). В пределах Черных гор на землях карабулаков, ушедших в Турцию, в долинах рек Асса и Фортанга основываются «лесогорные» казачьи станицы (Галашевская, Фельдмаршальская, Датыхская и др.).

В глубине гор Чечни и Дагестана возводятся крупные русские крепости (Ведено, Шатой, Темир-Хан-Шура и др.), вокруг которых с течением времени возникают большие слободы [19]. В конце Кавказской войны в горах строятся и небольшие русские укрепления (Аргунское, Зонах, Башин-Кале, Таузен) как промежуточные опорные и складочные пункты, выполнявшие вспомогательные задачи на военно-стратегических коммуникациях. В 1858 г. около аула Итум-Кале – бывшего наибского центра в имамате Шамиля – сооружается укрепление Евдокимовское (рис.3), самое удаленное русское укрепление в горах Чечни.

Рис.3. Евдокимовское укрепление в Чечне. Конец XIX в.

Под защитой кордонных линий – Терской, Сунженской и Передовой – сложились нормальные условия для хозяйственно-бытовой жизни и численного воспроизводства не только войскового казачьего (в том числе казачье-осетинского, казачье-татарского, казачье-грузинского и казачье-кабардинского) населения, но и всего многонационального гражданского (русского крестьянского и иногороднего, малороссийского, армянского, еврейского, татарского, польского, немецкого, персидского и иного) населения на территории бассейна среднего и нижнего Терека. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи [20], общая численность населения Терской области в 1897 г. составляла почти 934 тыс. чел., из них на долю русской национальности (великоруссы, малороссы, белоруссы) приходилось 33,69%, чеченцев – 23,91%, осетин – 10,35%, кабардинцев – 9,0%, ингушей – 5,05%. Незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции, или Октябрьского переворота 1917 г., в Терской области проживало более 1 млн 235 тыс. чел., в том числе чеченцев – 245 538 чел., осетин – 139 784, кабардинцев – 101 189, ингушей – 56 367, кумыков – 34 232 чел. [21]. Терское казачье войско в 1915 г. насчитывало 252 тыс. чел. войскового населения [9]. Кроме того, в бассейне среднего и нижнего Терека проживало многочисленное городское и крестьянское русское население. Русская колонизация на востоке Северного Кавказа во второй этап достигла своего исторического максимума.

Третий этап связан с катастрофическими для Российской империи событиями 1917 г., последующей многолетней и кровавой гражданской войной и утверждением советской власти. В бассейне среднего и нижнего Терека вскоре после февральской революции 1917 г. вспыхнула межнациональная вражда. В апреле начались нападения горцев на казачьи хутора и русские слободы – Воздвиженскую, Ведено, Хасав-Юрт. Немного позже чеченцы уничтожили казачий хутор Сорохтиновский. В сентябре 1917 г. началось массовое изгнание кумыка-

ми и чеченцами-аккинцами «русскоязычного» (русского, молдавского и немецкого) сельского населения Хасав-Юртовского округа: с лица земли было буквально сметено свыше 170 поселений [22]. В их числе – 12 цветущих немецких колоний (так называемых «колонок», или «львовских номеров»), располагавшихся, согласно устной информации почвоведом и географом С.В. Зонна, на северной низменности нынешнего Дагестана.

На протяжении всего 1917 г. на территории среднего и нижнего Терека происходили нападения на станицы, хутора и аулы, а в 1918 г. здесь разгорелась война между белыми и красными. Терские казаки, верные данной царю присяге («Кому присягал, тому и служи»), в своем большинстве не поддержали советскую власть и оказали ей упорное сопротивление. Особенно ожесточенной была кровавая бойня, вспыхнувшая между белоказачьей станицей Грозненской и пролетарским г. Грозным [23], закончившаяся победой пролетариата.

Во время гражданской войны терское казачество подверглось жесточайшим репрессиям со стороны советской власти. Сегодня хорошо известно о трагедии многих народов СССР, в том числе чеченцев и ингушей, подвергшихся сталинской депортации. Но вот о трагедии терского и сунженского казачества, которое ещё раньше чеченцев и ингушей (и зачастую при их непосредственном активном участии) попало под молот убийственных репрессий и депортаций, известно мало. Между тем победившая на Тереке советская власть учинила погромы казачьих станиц: начались массовые расстрелы казаков, в особенности казачьих офицеров, конфискации и принудительные переселения станичников. В частности, по свидетельству казачки М.С. Осколковой (в девичестве Драчёвой), родившейся в июле 1894 г. в станице Закан-Юртовской (впоследствии Романовской), после окончательного занятия станицы войсками красных на выгонах начались расстрелы казаков, включая подростков и стариков – всех, кто был способен носить оружие. Остальных романовских казаков – женщин, детей, немощных стариков – поголовно выселяли из станицы в чужие края (записано нами в г. Грозном 1 апреля 1991 г.).

Ликвидированные станицы бывшей Сунженской линии (например, Михайловская, Самашкинская, Романовская, Ермоловская, Сунженская, Тарская, Фельдмаршальская) и их юртовые наделы советская власть передала горцам Чечни и Ингушетии в благодарность за помощь, оказанную в борьбе с терским казачеством.

Победа советской власти заставила часть терских казаков (около 2000 чел.), ведомых войсковым атаманом генералом Г.А. Вдовенко, покинуть родную землю и эмигрировать из России [9]. Для многих казаков гражданская война продолжилась с нападением фашистской Германии на СССР, когда они вступили в Русский корпус и в составе немецких войск воевали с коммунистической Россией. Великая трагедия русского народа получила дальнейшее развитие: представители древних казачьих родов, веками проливавших кровь за матушку-Россию, а в Первую мировую войну героически бившиеся с германцами и австро-венграми, во Вторую мировую войну вместе с германцами сражались против России, к тому времени советской.

В гражданскую войну и первое десятилетие советской власти терское казачество попало под сокрушительный удар репрессивной государственной машины, от которого не оправилось и по сей день. Советская власть подкосила под корень старожильческое русское население бассейна Терека. Уцелевшие после красноармейского террора некогда многотысячные терские станицы опустели вследствие понесенных прямых людских потерь, принудительного переселения и добровольного исхода казачьих семей, спасавшихся от репрессий. В половой структуре казачьего населения произошел серьезный перекосяк, выразившийся в резком преобладании женщин над мужчинами (из-за гибели казаков на фронтах Первой мировой и гражданской войны). Вышеуказанные катаклизмы в совокупности своей привели к разрушению воспроизводственных функций казачьего (как и вообще русского) населения, утрате вековых семейно-бытовых традиций, в том числе и традиции многодетности.

В советское время стала практиковаться новая расселенческая политика, в соответствии с которой поощрялось переселение горцев Чечни, Ингушетии и Дагестана на предгорные равнины и низменности. Тем самым было положено начало сужению ареалов не только русского, но и кумыкского и ногайского населения.

Немало способствовавшие победе советской власти в борьбе с терскими казаками и деникинскими войсками чеченцы и ингуши в 1944 г. сами попали под губительную депортацию в восточные районы СССР, где находились до 1957 г. В годы сталинской депортации чеченцев и ингушей территория их прежнего расселения была занята другими народами. Большую часть упраздненной Чечено-Ингушской АССР заняли русские переселенцы, приглашенные руководством страны из центральных областей России, разоренных немецко-фашистскими войсками. Восточные районы Чечни заселили дагестанцы, южные районы Чечни и Ингушетии – грузины, равнинную часть Ингушетии – осетины. В 1944–1957 гг. произошло некоторое расширение ареала русского народа. На предгорной равнине на местах опустевших чеченских аулов образуются селения с преобладающим русским населением: Междуречье (Шали), Красноармейское (Урус-Мартан), Благодатное (Гехи), Новосельское (Ачхой-Мартан), Предгорное (Старые Атаги), Майское (Новые Атаги), Свободное (Гойты), Калиновка (Чечен-Аул), Курганное (Белгадой), Подлесное (Сержень-Юрт). Как и в царское время, населенные пункты с русским населением появляются в горах Чечни и Ингушетии: Советское (Шатой), Каменка (Хал-Килой), Малое (Малые Варанды), Первомайское (Галашки), Луговое (Мужичи). Причем, многие русские селения возникли в таких

местностях, где их не было в царское время: Пионерское (Чишки), Двуречье (Дачу-Барзой), Трехгорье (Улус-Керт), Солнечное (Гатен-Кале, или Асламбек-Шерипово), Заречное (Вашиндарой) и др.

Вышедшее из под контроля советских властей лавинообразное возвращение чеченцев и ингушей на родину из сталинской ссылки привело к очередной трагедии русского населения, размещенного на вайнахских землях. Русское население, только что отстроившееся и освоившееся на новых местах жительства, изгонялось чеченцами из домов посредством угрозы физической расправы и частого применения грубого насилия. В результате возник некоторый миграционный отток русских жителей с территории средней части бассейна Терека, которые вынуждены были оставлять чеченцам недвижимое и движимое имущество.

Последующие десятилетия характеризовались постепенным убыванием численности русского населения и увеличением численного состава титульных наций в автономных республиках. Подобная тенденция объяснялась, во-первых, несравненно более высокими темпами естественного прироста кавказского горского населения по сравнению с русским населением; во-вторых, вселением многочисленных представителей горских народов в станицы, селения и города, в которых исторически доминировало русское население; и, в-третьих, возросшей дискомфортом жизни русского населения в бытовой, социально-экономической и образовательной сферах.

Четвертый этап, начавшийся с горбачевской перестройки (1985 г.) и продолжающийся по сей день, можно считать финальным в многовековом процессе русской колонизации восточно-кавказских предгорий. Очередные революционные потрясения, зародившиеся в центре страны, разрушительным валом прокатились по кавказской периферии. Обвальный, катастрофический исход русского (как и украинского, армянского, еврейского, татарского и другого не титульного) населения из Чечни, Ингушетии и Дагестана определили следующие исторические события: развал СССР и резкое ослабление центральной государственной власти в России, дестабилизация общественно-политической обстановки в Чечне и провозглашение ее государственной независимости, чеченские войны (крайне неудачная ельцинская военная акция по наведению конституционного порядка и успешная в целом путинская контртеррористическая операция), невиданный доселе всплеск криминала и терроризма.

За годы перестройки и проведения в России демократических реформ кардинально изменился национальный, языковой и религиозный состав населения, проживающего в бассейне среднего и нижнего течения Терека. На месте ветхих и низких казачьих хатенок, обнесенных плетнями, и скромных домовладений русских горожан, теперь громоздятся высокие кирпичные коробки добротных и просторных домов с капитальными глухими заборами и навесами. Владельцы этих домов – вчерашние или позавчерашние горцы, вселившиеся в вековые терские и сунженские станицы и некогда многонациональные города и поселки с преимущественно русским населением, вынужденно покинувшим родные места в годы очередного лихолетья. Русская речь теперь звучит здесь не часто. Зато часто звучит чеченская, аварская, даргинская или ингушская речь...

В городах и станицах, на месте уничтоженных в советское время православных церквей и соборов, армянских церквей, еврейских синагог, польских костелов и староверческих скитов ныне возведены чеченские, дагестанские и ингушские мечети. Весьма символичен в этом отношении г. Грозный, в котором центральная мечеть имени Ахмат-Хаджи Кадырова и прилегающая к ней площадь построены большей частью на том месте, которое еще на заре советской власти занимали культовые объекты трех направлений христианства: православный собор святых Космы и Дамиана, армянская апостольская церковь и католическая церковь Сердца Иисуса.

Итоговым результатом национальной политики, проводившейся в терском регионе в советское и постсоветское время, можно считать превращение ранее многонациональных территорий в сугубо однонациональные. Так, в сегодняшней Чечне русские составляют всего 3,7%, а в Ингушетии около 1% от общей численности населения. В этих республиках сегодня нет ни одного населенного пункта с численным преобладанием русского населения. В многонациональном Дагестане на долю русских сегодня приходится около 4% [24].

Ничтожное количество русских, пока еще проживающих на территории среднего и нижнего Терека, представлено главным образом людьми престарелого (не детородного) возраста. Для данной возрастной категории характерна повышенная естественная убыль населения. За вычетом временно находящихся в регионе военнослужащих, пограничников, сотрудников силовых структур и административных учреждений, а также членов их семей, прибывших из других регионов России, численность коренного русского населения приблизится к нулю.

Нынешняя ситуация с численностью коренного русского населения на территории среднего и нижнего Терека примерно соответствует таковой, которая существовала здесь в XVII в. В расселении коренного русского и титульного населения национальных республик произошли беспрецедентные изменения. Русские почти полностью покинули, а титульные народы массово заселили оставленные ими территории, пионерами в заселении и освоении которых являлись терские казаки. Нынешнее масштабное расселение титульных народов горских республик на территории среднего и нижнего Терека несоизмеримо превзошло ситуацию с их территориальным размещением в XVI в., когда с прибытием на Кавказ казаков начался первый этап русской колонизации.

«Россия там, где русские» [24, с. 513]. Смысл этого простого тезиса на многочисленном жертвенном опыте Кавказской войны осознали еще царские генералы: пока во время похода войска занимают какую-то местность,

она российская. С отходом войск местность становится сразу неприятельской. Большие человеческие и материальные потери в ходе Кавказской войны вынудили царское правительство перейти к закреплению кавказских земель за Россией путем создания казачьих станиц – постоянных поселений с вооруженным населением. Замирение края произошло, в том числе, и благодаря этому. В советское и постсоветское время установившийся при царском режиме баланс национальных сил был разрушен. Произшедший массовый исход русского населения с территории среднего и нижнего Терека привел к тому, что геополитические позиции России в этом регионе оказались отброшенными на сотни лет назад [25]. Одновременно кардинально улучшились стартовые позиции для деятельности национал-сепаратистских сил, стремящихся отделить северокавказские субъекты от России.

Источники и литература

1. *Ширавова З.М.* К вопросу о формировании русского населения в Дагестане (середина XVI – начало XVII в.) // *Известия Самарского научного центра РАН.* 2009. Т. 11. № 6. С. 13–16.
2. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* Где стояли Сунженские городки? // *Вопросы истории.* 1972. № 7. С. 205–208.
3. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* О месте первоначального расселения гребенских казаков // *Советская этнография.* 1972. № 3. С. 31–42.
4. *Виноградов В.Б., Магомадова Т.С.* О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека // *История СССР.* 1975. № 6. С. 160–164.
5. *Мужухоев М.Б., Плиев А.А.* Об одной попытке определения места первоначального расселения гребенских казаков // *Вопросы истории Чечено-Ингушетии.* Т. X. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1976. С. 351–358.
6. *Ахмадов Я.З.* Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1988. 176 с.
7. О поселении на Тереке кизлярских, гребенских и моздокских, а внутри Ставропольской губернии, по ныне существующей почтовой дороге, волжских и хопёрских казаков // *Кавказский календарь на 1858 год.* Тифлис, 1857. С. 313–325.
8. *Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б.* Россия и Чечня (последняя треть XVIII – первая половина XIX в.). Грозный: Изд-во АН Чеченской Республики, 2009. 522 с.
9. *Дёмушкин Д.И.* Четыреста лет // *Родной Терек (США, Монтерей).* 1981. № 10. С. 7–10.
10. *Зинин Н.И.* 400 лет тому назад // *Родной Терек (США, Монтерей).* 1981. № 10. С. 5–6.
11. *Протопопов Н.Н.* 400 лет службы России // *Родной Терек (США, Монтерей).* 1981. № 10. С. 3–4.
12. *Гребенец Ф.С.* Новогладковская станица в ее прошлом и настоящем // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Тифлис, 1915. Вып. 44. С. 77–116.
13. *Головлёв А.А.* О названиях малых рек высокогорной Чечни // *Проблемы рационального использования и охраны малых рек: тез. докл. регионал. конф. 13–17 мая 1987 г. / Чеч.-Инг. гос. ун-т им. Л.Н. Толстого.* Грозный, 1987. С. 29–30.
14. *Головлёв А.А.* Тайпы и их роль в жизни чеченского народа: матер. Междунар. науч. конф. 23–24 окт. 2003 г. / *Калмыцк. гос. ун-т. Элиста,* 2003. С. 170–172.
15. *Головлёв А.А.* Историко-географический очерк станицы Грозненской. Ульяновск: Изд-во Качалин А.В., 2009. 118 с.
16. *Властов Г.К.* Война в Большой Чечне. СПб., 1856. 60 с.
17. *Штанько Н.И.* История города Грозного (Отрывок из книги) // *Известия Грозненского областного института и музея краеведения.* Грозный, 1948. Вып. 1. С. 89–128.
18. *Головлёв А.А.* Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818–1998 гг.) // *Известия Русского географического общества.* 2000. Т. 132. Вып. 1. С. 72–83.
19. *Головлёв А.А.* Воздвиженская слобода в Чечне (Историко-географический портрет) // *Сельская Россия: прошлое и настоящее: докл. и сообщ. девятой российской науч.-практ. конф. / Всерос. научн. и культ.-просвет. о-во «Энциклопедия российских деревень» и др. М., 2004.* Вып. 3. С. 117–121.
20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXVIII. **Терская область.** СПб.: Издание центрального статистического комитета МВД, 1905. 236 с.
21. Обзор Терской области за 1912 год // *Терский календарь на 1914 год / Издание Терского областного статистического комитета.* Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1913. Вып. 23. С. 1–108.
22. *Дуношкин Е.И.* 1917 год: русско-чеченские контакты // *Вопросы северокавказской истории.* Вып. 1 / *Армавирск. гос. пед. ин-т.* Армавир, 1996. С. 73–79.
23. *Занкисов П.В.* Грозненский фронт // *Памяти годовщины восстания терского казачества 23 июня 1918 – 23 июня 1919.* Пятигорск, 1919. С. 46–48.
24. *Дударев С.Л.* Россия там, где русские (к современному положению русских и «русскоязычных» на Северном Кавказе) // *Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: Статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения / Отв. ред. В.Б. Виноградов.* М.: Илекса, 2011. С. 513–518.
25. *Головлёв А.А.* К исторической и политической географии терских станиц // *Сельская Россия: прошлое и настоящее: докл. и сообщ. Седьмой российской юбил. науч.-практ. конф. (Тула, 26–28 ноября 1999 г.) / Всерос. научн. и культ.-просвет. о-во «Энциклопедия российских деревень» и др. М., 1999.* С. 78–79.

Куйское сельское общество Архангельской губернии (по материалам переписи 1897 г.)

В 1897 г. в России была проведена первая всеобщая перепись населения империи. Программа проведения этой переписи была разработана Центральным статистическим комитетом при Министерстве внутренних дел. Перепись осуществлялась путем опроса жителей, в ходе которого заполнялись переписные листы. Переписные листы включали 14 вопросов, в том числе такие, как пол, возраст, сословие, занятие, грамотность и т.д. Анализ населения Коми края по материалам переписи 1897 г. дан в статье автора [1]. В состав Коми края входила и Пустозерская волость Печорского уезда. В Государственном архиве Архангельской области сохранились переписные листы по Куйскому сельскому обществу, входящему в состав этой волости. Эти материалы еще не использовались исследователями, они позволяют осветить ряд вопросов, связанных с общей характеристикой населения этого общества, что и является задачей данной статьи.

В состав Куйского сельского общества входило шесть деревень (Екушинская, Большая Нарыга, Нарыга Кыжнатъе, Андегская, Макаровская, Никитцынская), два селения (Тельвисочное и Куйское) и выселок Пойловский. д.Екушинская и с.Тельвисочное основаны во времена Ивана Грозного; д.Андегская, Большая Нарыга, Никитцынская – в XVI – не позже XVII в.; д.Макаровская – в XVII в.; д.Нарыга Кыжнатъе – в 1838 г. [2].

Материалы переписных листов позволили нам установить имена лиц, принимавших участие в проведении переписи по Куйскому сельскому обществу. Среди них священники П.Кулаков и И.Михайлов. Наиболее распространенные фамилии в этом обществе – Хабаровы, Корепановы, Никоновы, Сумароковы, Чупровы, Шевелёвы.

Общая численность населения Куйского сельского общества составляла 685 чел. (табл.1). По переписи 1897 г. особо выделялись селения и деревни с населением в 600 чел. и более, на территории Коми края их насчитывалось 52 [3]. По сравнению с ними численность населения в селах и деревнях Куйского общества была невелика и в наиболее крупном селении – Куйском – составляла около 200 чел.

Таблица 1

Количественный и половой состав населения Куйского сельского общества

Название селений	Численность населения, чел.	Пол		Категория населения		
		Муж.	Жен.	Постоянные жители	Постоянные жители, находившиеся в период переписи в отходе	Жители, временно проживавшие
Куйское	183	81	102	170	13	–
Никитцынская	155	74	81	127	12	16
Б.Нарыга	147	63	84	137	1	9
Тельвисочное	143	70	73	119	20	4
Екушинская	88	44	44	75	11	2
Андегская	73	33	40	63	9	1
Макаровская	56	20	36	38	13	5
Нарыга Кыжнатъе	35	18	17	31	1	3
Пойловский	5	3	2	5	–	–

Источники: ГАО. Ф. 6. Оп. 20. Д. 13. Л. 7–90, 94–117, 121–167, 169–235; Д. 14. Л. 4–84, 87об.–130, 135об.–148, 213об.–214, 149об.–212. Численность населения д.Андегской должна быть несколько больше, так как в деле нет переписных листов 27–29, 35, 37.

При подсчете численности населения учитывались постоянные и временные жители, а также лица, отсутствовавшие в период проведения переписи в данной местности, так как переписные листы содержат о них все необходимые сведения.

По данным переписных листов, из постоянных жителей отсутствовало 80 чел., из них 25 находилось в селах и деревнях Пустозерской волости, один на военной службе, об остальных же нет сведений. Очевидно, их отсутствие связано с различного рода промысловой деятельностью.

* **Бондаренко Ольга Евтихеевна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, этнографии и археологии Сыктывкарского государственного университета.

Из жителей Куйского сельского общества 40 были временными: 17 гостей, 15 наемных рабочих, семь постояльцев, одна призреваемая. Временные жители были преимущественно из волостей Печорского уезда (Усть-Цилемской, Мокченской, Красноборской), а также из Пинежского и Мезенского уездов Архангельской губернии. Притока населения из других губерний по материалам переписных листов не наблюдалось, происходило движение населения внутри губернии.

В составе населения общества незначительно преобладало женское население, эта же картина была характерна в целом для полового состава населения Российской империи.

Прирост населения был небольшим, происходил весьма замедленными темпами и за 39 лет составил 16 чел. (табл. 2). Это можно объяснить большой смертностью населения в дореволюционной России, а также тем, что в этот суровый край не наблюдался приток населения из других районов.

Таблица 2

Рост населения Куйского сельского общества в конце XIX в.

Название селений	Численность населения, чел.				+ прибыло / - убыло		
	1858 г.		1897 г.		Муж.	Жен.	Обоего пола
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.			
Куйское	80	93	81	102	+1	+9	+10
Никитцынская	74	92	74	81	–	-11	-11
Б.Нарыга, Нарыга Кыжнатъе	86	99	81	101	-5	+2	-3
Тельвисочное	52	76	70	73	+18	-3	+15
Екушинская	24	41	44	44	+20	+3	+23
Андегская	51	52	33	40	-18	-12	-30
Макаровская	25	24	20	36	-5	+12	+7
Пойловский	–	–	3	2	+3	+2	+5
ИТОГО:	392	477	406	479	+14	+2	+16

Источники: Печорский край. СПб., 1904. Ч. 1. С. 5; ГААО. Ф. 6. Оп. 20. Д. 13. Л. 7–90, 94–117, 121–167, 169–235; Д. 14. Л. 4–84, 87об.–130, 135об.–148, 213об.–214, 149об.–212.

Представление о сословном составе населения дают данные табл. 3. Подавляющее большинство населения (91,6%) составляли государственные крестьяне. Такой сословный состав населения исторически обусловлен – эти земли издавна принадлежали государству, здесь не получило развития частное землевладение.

Таблица 3

Распределение населения Куйского сельского общества по сословиям и родному языку

Название селений	Сословия					Родной язык			
	Государственные крестьяне	Мещане	Духовенство	Личные почетные граждане	Лица, не принадлежащие к этим сословиям	Русский	Коми	Ненецкий	Латинский
Куйское	162	4	17	–	–	181	–	–	2
Никитцынская	140	–	–	–	15	148	–	7	–
Б.Нарыга	147	–	–	–	–	147	–	–	–
Тельвисочное	107	2	13	5	16	132	–	11	–
Екушинская	88	–	–	–	–	87	1	–	–
Андегская	73	–	–	–	–	73	–	–	–
Макаровская	54	–	–	–	2	54	–	2	–
Нарыга Кыжнатъе	35	–	–	–	–	35	–	–	–
Пойловский	5	–	–	–	–	5	–	–	–
ИТОГО:	811	6	30	5	33	862	1	20	2

Источники: см. источники к табл. 1.

Большинство населения назвало своим родным языком русский. На ненецком языке, который был довольно распространен в Печорском уезде, говорило всего 20 человек Куйского сельского общества.

Переписные листы содержат материал и для изучения семейных отношений (табл. 4). Законодательство уделяло определенное внимание семье, семейным отношениям, регулировало условия вступления в брак. Одним из

таких условий было достижение определенного возраста, «запрещалось вступать в брак лицам мужского пола ранее 18, а женщинам ранее 16 лет от рождения» [4], а также лицам старше 80 лет [5]. Кроме этого они не должны были состоять в родстве, предусматривалось по законодательству и их согласие, что носило формальный характер, т.к. этот вопрос в основном решали родители. К сожалению, материалы, которыми мы располагаем, не позволяют выяснить, в каком возрасте жители Куйского сельского общества чаще всего вступали в брак. В год проведения переписи в обществе не было лиц, состоявших в семейных отношениях моложе установленного законодательством возраста. Как отмечается в литературе, для населения Архангельской и Вологодской губерний было характерно более позднее вступление в брак по сравнению с другими районами России. Причины относительно низкой доли ранних браков в северной России в конце XIX в. нуждаются в специальном изучении [6].

Таблица 4

Распределение населения Куйского сельского общества по семейному положению

Название селений	Численность населения брачного возраста	Состоящие в браке		Холостые и девицы		Вдовы		Численность семей	Количество детей в семьях			
		Кол-во человек	Процентное отношение	Кол-во человек	Процентное отношение	Кол-во человек	Процентное отношение		Нет детей	Один ребенок	Двое детей	Трое детей и более
Куйское	114	68	59,6	27	23,7	19	16,7	38	6	12	8	12
Никитцынская	94	45	47,9	29	30,8	20	21,3	32	4	6	9	13
Б.Нарыга	103	58	56,3	25	24,3	20	19,4	35	5	13	6	11
Тельвисочное	104	64	61,5	12	11,5	28	27	41	8	17	8	8
Екушинская	57	37	65,0	11	19,3	9	15,7	20	3	6	3	8
Андегская	50	30	60,0	7	14,0	13	26,0	17	5	7	2	3
Макаровская	42	19	45,2	14	33,4	9	21,4	12	3	3	4	2
Нарыга Къжнатъе	30	19	63,3	8	26,7	3	10	11	3	4	3	1
Пойловский	3	—	—	2	66,7	1	33,3	1	—	—	—	1
ИТОГО:	597	340	57%	135	22,6	122	20,4	207	37	68	43	59

Источники: см. источники к табл. 1.

В большинстве случаев старшим по возрасту был супруг. В деревне Андегской из 14 полных семейств (имеется в виду наличие мужа и жены) муж был старше жены в 10 семьях, в одной семье супруги были одного возраста, и только в трех семействах жены были старше мужей [7]. Разница в возрасте супругов в этой деревне была не очень значительной – от двух до восьми лет.

В конце XIX – начале XX в. брак для крестьян являлся главным условием порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса [8]. Определенную роль в необходимости создания семьи играло и то обстоятельство, что крестьянское хозяйство требовало применения как мужских, так и женских рук, поэтому для большинства крестьян было характерно стремление вступления в брак. Как показывает табл. 4, доля женатых и замужних составляла в Куйском сельском обществе 57%.

Семьи в конце XIX в. были достаточно прочными, об этом свидетельствует отсутствие разводов в обществе в рассматриваемый период. Определенную роль в сохранении семьи играло и отрицательное отношение церкви к разводам. По материалам переписи 1897 г., в трех уездах Коми края только 26 чел. находились в разводе [9].

Основной формой семьи в Пустозерской волости, в том числе и в Куйском сельском обществе, являлась малая семья. Из 207 семейств только одна представляла большую – это семейство Хайминых из д.Никитцынской [10], в которой совместно с отцом проживали две семьи его сыновей, в семье старшего сына было трое детей; общая численность семьи совместно с работницей составляла десять человек.

Главой семьи в дореволюционной России традиционно считался старший мужчина (отец), хотя вместе с ним проживали и взрослые сыновья. Так, в деревне Б.Нарыга главой семьи Корепановых был отец Василий Павлович восьмидесяти лет, хотя совместно с ним проживал его 42-летний сын [11]. Аналогичная картина наблюдалась и в других семьях. Женщина считалась главой семьи только в том случае, если она была вдовой при малолетних сыновьях. Престарелые родители проживали с одним из сыновей, в отдельных случаях зятя принимали в семью родителей жены, обычно это происходило при отсутствии сыновей.

Как отмечает Б.Н. Миронов, при относительно благоприятных условиях замужняя крестьянка могла родить за свою жизнь примерно 8–10 детей [12]. Это составляло примерную норму для всех женщин.

Средний состав семьи в Печорском уезде по данным переписи составлял 5,5 чел. [13]. Число детей в семьях Куйского сельского общества было невелико, составляло в основном 1-2 ребенка. Небольшая численность детей может быть объяснена различными причинами – большой детской смертностью, отсутствием одного из супругов и т.д. Отсутствие медицинской помощи, недостаток продовольствия вызывали большую детскую смертность. По данным экспедиции 1903 г., в состав которой входил врач Мартынов, процент смертности детей у 59 опрошенных матерей в семи селениях Печорского уезда, в том числе в Куйском и Тельвисочном, составил 64,3 [14].

В северной деревне процесс формирования и развития хозяйственных традиций происходил главным образом в рамках семейных отношений. Трудовое воспитание детей осуществлялось нераздельно с реальной производственной деятельностью семьи. В крестьянских семьях детей рано приучали к работе. С шестилетнего возраста мальчиков учили ездить верхом на лошадях, гонять скот на водопой, с 10-12 лет детей начинали брать на сенокос, где они сгребали сено. Рано приучали мальчиков и к промысловым занятиям – ставить петли, силки, они оказывали помощь отцам в охоте, рыболовстве и других промыслах. Девочки следили за порядком в доме, ухаживали за младшими братьями и сестрами, учились шить, вязать. Все это находит отражение в переписных листах, где отмечены такие занятия подростком, как «вяжет носки и рукавицы», «нянчит сестру», «помогает отцу по хозяйству» и др. Раннее приучение к труду было связано не только с потребностью крестьянских хозяйств в дополнительных рабочих руках, но и с соображениями воспитательного характера. Трудовым воспитанием мальчиков занимались отец, старшие братья; девочка находилась на попечении матери и с ее помощью усваивала все необходимое для будущей хозяйки.

Неблагоприятные для земледелия климатические и природные условия, наличие рыбных и лесных богатств способствовали развитию промысловой деятельности населения как Печорского уезда в целом, так и Куйского сельского общества. В «Обзоре Архангельской губернии» за 1896 год отмечалось, что «рыбный промысел имеет огромное значение, большинство населения этой губернии, в том числе Печорского уезда, принимает участие в этом промысле, и находит в нем средства к жизни. Рыба представляет главную пищу для жителей губернии и в значительном количестве вывозится за пределы губернии [15]. В переписных листах давалось подразделение занятий на главные и побочные. Мы рассмотрим главные занятия населения общества (табл. 5).

Таблица 5

Распределение населения Куйского сельского общества по семейному положению

Общая численность населения, занятого самостоятельным трудом	Рыболовство	Работа по найму	Прядение	Церковная служба	Скотоводство	Шитье одежды	Сбор подалий	Оленеводство	Торговля	Плотничество	Иконопись	Изготовление печей
380	297	35	15	7	5	5	5	4	4	1	1	1

Источники: см. источники к табл. 1.

Основная часть жителей (78% от численности населения, занятого самостоятельным трудом) считала главным занятием рыболовство. Рыболовством занимались мужчины, женщины, а также подростки. Важным занятием для женщин являлась пряжа конопля. В работниках насчитывалось 35 чел., из них 12 были заняты рыбным промыслом, 16 чел. при доме хозяина, пять человек прислуги и два работника при оленьем стаде. Основная часть семейств Куйского сельского общества не прибегала к найму рабочей силы, в некоторых хозяйствах использовался труд одного-двух работников. Исключение составляли два хозяйства. Основным занятием М. Шаламова из д. Никитцынской было оленеводство [16]. Семья состояла из хозяина, его матери, жены, двух сыновей (11 и 18 лет), а также четырех работников и кухарки. Труд двух работников использовался при выпасе оленьих стад, а остальных – в хозяйстве. В хозяйстве В. Сумарокова из дер. Б.Нарыга было занято четверо рабочих [17]. В качестве побочного занятия большинство жителей называли скотоводство. Таким образом, хозяйство населения Куйского сельского общества носило комплексный характер.

С помощью переписных листов происходил сбор сведений и о грамотности населения общества, причем под грамотностью подразумевалось умение жителей читать. По материалам переписи 1897 г. процент грамотного населения в Печорском уезде составлял 12,5 [18]; в Куйском сельском обществе грамотность населения была несколько выше и составляла 14,1 (табл. 6). На наш взгляд, это объясняется преобладанием русского населения в составе общества, так как материалы переписи показывают, что процент грамотного населения у

национальных меньшинств был значительно ниже, чем у русских. Имеющийся материал позволяет установить формы обучения населения грамоте (табл.7).

Таблица 6

Грамотность населения Куйского сельского общества

Населенные пункты	Все население			Всего грамотных, чел.			Процент грамотных ко всему населению, чел.		
	Обоего пола	В том числе		Обоего пола	В том числе		Обоего пола	В том числе	
		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.
Куйское	183	31	102	38	31	7	20,8	17,0	3,8
Никитцынская	155	74	81	23	12	11	14,8	7,6	7,1
Б.Нарыга	147	63	84	8	5	3	5,4	3,4	2,0
Тельвисочное	143	70	73	32	22	10	22,4	15,4	7,0
Екушинская	88	44	44	13	12	1	14,8	13,6	1,1
Андегская	73	33	40	6	4	2	8,2	5,5	2,7
Макаровская	56	20	36	3	2	1	5,4	3,6	1,8
Нарыга Къжнатъе	35	18	17	2	2	–	5,7	5,7	–
Пойловский	5	3	2	–	–	–	–	–	–
ИТОГО:	885	406	479	125	90	35	14,1	10,2	3,9

Источники: см. источники к табл.1.

Таблица 7

Формы обучения грамоте населения Куйского сельского общества

Населенные пункты	Где обучались					
	Школы грамоты	Церковно-приходские школы	Сельские училища	На военной службе	Духовная семинария	Дома
Куйское	1	15	5	–	1	16
Никитцынская	2	–	–	1	–	20
Б.Нарыга	–	–	–	–	–	8
Тельвисочное	10	3	5	1	1	12
Екушинская	7	–	2	–	–	4
Андегская	1	1	1	–	–	3
Макаровская	1	2	–	–	–	–
Нарыга Къжнатъе	–	–	–	–	–	2
Пойловский	–	–	–	–	–	–
ИТОГО:	22	21	13	2	2	65

Источники: см. источники к табл.1.

Значительная часть жителей научилась читать дома, обучаясь грамоте, как отмечалось в переписных листах, «у родителей», «у крестьянина», «у деда», «у священника». Школ не хватало, даже в более поздний период школы имелись только в дер. Б.Нарыга и с.Куйском [19]. Особенно неравномерным было распределение грамотности среди мужского (10,2%) и женского (3,9%) населения.

Итак, основную часть жителей Куйского сельского общества составляли государственные крестьяне, главным занятием которых были рыболовство и скотоводство. Подвижность населения в конце XIX в. в Куйском обществе была еще невелика. Характерной чертой развития семейных отношений являлась малая численность детей, в крестьянских семьях происходило формирование трудовых традиций.

Источники и литература

1. Бондаренко О.Е. Население Коми края в конце XIX века (по материалам переписи 1897 г.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983. Вып. 29.
2. Печорский край. СПб., 1904. Ч. 1. С. 4.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вологодская губерния. СПб., 1901. Тетр. 1. С.14–16; Архангельская губерния. СПб., 1899. Тетр. 1. С. 14–15.
4. Свод законов Российской империи. Т. X, ч.1, ст.3.
5. Там же. Ст. 4.

6. *Вишневский А.Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России и в СССР // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 112–113.
7. ГААО. Ф. 6. Оп. 20. Д. 14. Л. 87об.–130.
8. *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 85.
9. Первая всеобщая перепись... Тетр. 2. С. 16–17; Тетр. 3. С. 15.
10. ГААО. Ф. 6. Оп. 20. Д. 13. Л. 216.
11. Там же. Д. 14. Л. 190 об.–191.
12. *Миронов Б.Н.* Указ.соч. С. 95.
13. Первая всеобщая перепись... Тетр. 1. С. 4–5.
14. *Мартынов С.В.* Печорский край. СПб., 1905. С. 17.
15. Обзор Архангельской губернии за 1896 г. Архангельск, 1897. С. 19.
16. ГААО. Ф. 6. Оп. 20. Д. 13. Л. 179.
17. ГААО. Ф. 6. Оп. 20. Д. 14. Л. 163об.–164.
18. Первая всеобщая перепись... Тетр. 3. С. 11.
19. Печорский край... С. 26–32.

Демографическая модернизация Сибири: парадоксы истории**

Демографическая модернизация, знаменовавшая собой кардинальное переустройство всей демографической подсистемы общества, стала главным событием в истории населения России XX столетия. Для её описания используется теория демографического перехода, в основе которой лежит идея стадийности развития населения и, соответственно, мысль о смене типов воспроизводства населения. В XX в. традиционный тип воспроизводства с его высокими показателями смертности и рождаемости ушел в историческое небытие, уступив место рациональному (современному) типу воспроизводства со свойственными ему пониженными параметрами смертности и рождаемости. Согласно общепринятым теоретическим воззрениям, первую фазу демографического перехода открывает снижение смертности и только после этого следует сокращение рождаемости. Таким образом, для определения стартовой позиции демографического перехода чрезвычайно важно отыскать отправную точку уменьшения смертности.

Модификация смертности являет собой радикальные изменения структуры причин смертности. Это социально-исторический в своей сути процесс, в ходе которого происходит перераспределение причин смертности – от экзогенных факторов, вызванных влиянием негативных условий существования людей (инфекции, болезни органов дыхания, желудочно-кишечные заболевания) к эндогенным (сердечно-сосудистые и другие заболевания, обусловленным естественным старением человеческого организма). Следствием глубокой структурной перестройки причин смертности является перемещение смертности в старшие возрастные группы, что ведет, в конечном итоге, к увеличению продолжительности жизни.

В историко-демографической литературе пока нет определенного ответа на вопрос, когда развернулся процесс демографической модернизации. В России в конце XIX – начале XX в. преобладал традиционный тип воспроизводства населения, опиравшийся в своей основе на патриархальный образ жизни большинства россиян. Вместе с тем в эти годы в центральных и западных регионах империи впервые дали о себе знать отдельные, хотя и очень слабые, признаки демографической транзиции. В.А. Скубневский и Ю.М. Гончаров, обосновывая свои выводы сокращением общих коэффициентов смертности, пришли к мнению, что и в Сибири «период конца XIX – начала XX вв. является начальным этапом демографического перехода» [1]. Более осторожную оценку занял В.А. Зверев. Однако и он склонился к идее, что начало демографической модернизации в Западной Сибири может быть датировано концом XIX – началом XX в. [2]. В качестве доказательного основания В.А. Зверев использует данные о динамике общих коэффициентов смертности в городах Западной Сибири (в границах Томской, Тобольской и Акмолинской губерний) [3].

Не отвергая в принципе достоверность цифр и точность расчетов такого знающего историка, каким является В.А. Зверев, отметим, что никакого заметного снижения коэффициента смертности в Сибири в конце XIX – начале XX в. не обнаруживается. Р.И. Сифман вообще отрицает факт снижения смертности в Сибири между 1901 и 1913 гг. [4].

Но самое главное – общие коэффициенты смертности, как свидетельство инициации процесса демографической модернизации использованы быть не могут. Это слишком грубый инструмент, сильно зависимый от искажающего воздействия структурных факторов. Диагностика демографического перехода предполагает непрерывное исследование таких узловых признаков модернизации смертности, как трансформация структуры причин смертности и ее возрастных параметров а, в конечном счете, показателей ожидаемой продолжительности жизни.

Перед началом Мировой войны параметры смертности в Сибири носили крайне архаичный характер. В силу неполноты статистического учета начала XX столетия мы располагаем относительно достоверными сведениями о структурных показателях смертности только по Омску. Согласно данным, тщательно обработанным В.Е. Клячкиным, в Омске в 1913 г. общий коэффициент смертности составлял 29,3‰, а коэффициент детской смертности достигал 319‰ [5]. Основными причинами, определявшими высокую как общую, так и детскую смертность, являлись инфекционные и желудочно-кишечные заболевания, а также болезни органов дыхания. Факторы так называемой эндогенной этиологии были отодвинуты на далекую периферию структуры причин смертности.

* Исупов Владимир Анатольевич (Новосибирск) – доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, vladimir_2004@mail.ru.

** Статья публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

В свете этого представляется, что утверждения о развороте в Сибири на рубеже XIX–XX вв. процесса демографической модернизации не подтверждаются статистическими фактами а, следовательно, не доказаны. Вместе с тем нельзя не принимать во внимание несомненный социально-экономический и культурный прогресс, характерный для Сибири начала XX столетия. Но даже с учетом этого речь может идти всего лишь о формировании отдельных, чрезвычайно слабо выраженных предпосылок (главным образом в городах), которые в будущем, при благоприятном стечении обстоятельств могли бы дать старт полновесному процессу модернизации смертности. Но этому «будущему» не суждено было стать реальностью – Россия вступила в эпоху войн и революций.

Следующая, и как оказалось, еще одна бесплодная попытка модернизации демографической подсистемы Сибири дала о себе знать во второй половине 1920-х гг. Но и в эти годы в составе причин смертности населения Сибири явно преобладали факторы экзогенного происхождения. Достаточно сказать, что в 1928 г. из всей совокупности людей, умерших в городах Сибирского края удельный вес скончавшихся от инфекционных заболеваний составлял 25% [6]. Особенно много человеческих жизней уносили такие заболевания, как корь, дифтерия, коклюш, дизентерия, сыпной и брюшной тиф, туберкулез. Как и прежде, статистики фиксировали многочисленные смерти от желудочно-кишечных заболеваний и болезней органов дыхания. Структурные показатели смертности во второй половине 1920-х гг. мало отличались от аналогичных характеристик, зафиксированных перед началом мировой войны. Архаичная структура причин смертности, в конечном счете, предопределяла невысокую продолжительность жизни населения. Ожидаемая продолжительность жизни городского населения Сибири в 1926–1927 гг. составляла всего 38 лет [7].

Несомненно, в годы нэпа инфекционная и желудочно-кишечная заболеваемость обрела тенденцию к сокращению. Таким образом, в Сибири во второй половине 1920-х гг. наметился (хотя и слабо), первый этап демографического перехода. Но, едва начавшись, процесс прервался. В СССР развернулись форсированная индустриализация и проводимая насильственными методами коллективизация. Жестокая внутривластная линия Сталина, в конечном счете, вызвала демографическую катастрофу 1932–1933 гг. В динамике демографической подсистемы советского общества возобладали регрессивные тенденции, фактически консервировавшие смертность, присущую традиционному типу воспроизводства населения. Так, в 1933 г. в Сибири в структуре причин смертности инфекционные и паразитарные заболевания заняли главное место – на их долю приходилось почти 30% смертей. Болезни органов пищеварения составляли около 20%, болезни органов дыхания – свыше 10% [8].

Демографическая ситуация в СССР вновь обрела тенденцию к стабилизации только после преодоления некоторых очевидных последствий голода 1932–1933 гг. Но и в конце 1930-х – начале 1940-х гг. принципиальных изменений в динамике смертности по сравнению с 1920-ми гг. статистическими источниками не фиксируется. Тем не менее конец 1930-х – начало 1940-х гг. можно оценить как период, когда вновь развернулся слабый процесс формирования предпосылок, готовивших грядущий демографический переход. Правительство, напуганное эпидемиями, вымывавшими рабочую силу, приняло ряд мер по преодолению инфекционной и желудочно-кишечной заболеваемости. Советское население примерно к концу 1930-х гг. адаптировалось ко всем неожиданностям, вызванным колебаниями политической линии. Результат не замедлил сказаться. Ожидаемая продолжительность жизни населения СССР в 1938–1939 гг. достигла 47 лет [9].

Однако этот, едва наметившийся росток демографического перехода был в очередной раз раздавлен. С самого начала Великой Отечественной войны индекс смертности населения тыловых районов стал быстро увеличиваться, что обуславливалось сбоями в организации эвакуации, ухудшением условий жизни, распространением инфекционных и желудочно-кишечных заболеваний, а также болезней органов дыхания. Абсолютные и относительные числа умерших от инфекционных и желудочно-кишечных болезней в 1942 г. заметно увеличились.

Тем не менее исторический парадокс заключается в том, что первые существенные результаты в области модернизации смертности в России были получены в тыловых районах СССР в период Великой Отечественной войны. В самом конце 1942 – в начале 1943 гг. демографическая подсистема Сибири вступила в качественно новую стадию своей истории. С этого времени уровень смертности населения тыловых районов стал очень быстро сокращаться.

Чтобы понять суть процессов, кардинально изменивших направление демографического развития Сибири, вновь обратимся к анализу структуры причин смертности городского населения. Именно в годы войны в структуре смертности населения Сибири сократился удельный вес умерших от причин экзогенного происхождения, таких как корь, скарлатина, коклюш, дизентерия, воспаление легких, токсическая диспепсия, острый гастроэнтероколит. Вместе с тем повысилась доля умерших от эндогенно детерминированных причин: сердечно-сосудистых заболеваний и злокачественных опухолей. Следовательно, в городах Сибири в годы войны развернулся процесс качественной перестройки структуры причин смертности.

Поскольку от болезней экзогенного характера чаще погибают люди детских и молодых возрастов, а от болезней эндогенного происхождения – старших, то главным результатом этого процесса стало постепенное перемещение смертности из младших диапазонов возрастов в старшие. В 1940 г. смертность концентрирова-

лась главным образом в детской возрастной группе до 5 лет. В годы войны отчетливо проявилась тенденция к перемещению смертности в возрастные группы старше 40 лет. И если перед войной в Сибири на долю тех, кто скончался в возрасте 40 лет и старше, приходилось около 20%, то в 1945 г. более половины. Между тем на долю умерших в возрасте моложе 5 лет в 1940 г. приходилось более 60%, в 1945 г. – около 20% [10]. Таким образом, передвигаясь по возрастной шкале, смертность старела. Дети и молодые люди все чаще доживали до старших возрастов. Процесс постарения смертности, разумеется, был характерен не только для Сибири, но для всех регионов РСФСР, не подвергавшихся оккупации, что подтверждается новейшими историко-демографическими исследованиями [11].

Один из многочисленных парадоксов советской демографической истории заключается в том, что процесс демографической модернизации стартовал в период Великой Отечественной войны, а точнее – на рубеже 1942 – 1943 гг., когда удалось не только приостановить резкое повышение смертности тылового населения, но добиться её сокращения. Это было бы невозможно без жестких и даже жестоких мер, предпринятых сталинским государством.

Такого рода прагматичная политика исходила не из «сталинской» заботы о людях, но имела своей целью повысить работоспособность занятых на производстве и максимально увеличить число годных к службе в армии. В иерархии ценностей коммунистического правительства собственно решение проблемы сверхсмертности, как и прежде, занимало одно из последних мест после военных, экономических и политических целей. Но объективно такая стратегия дала результат, который, по-видимому, не ожидали и сами творцы советской социально-демографической политики. Эта побочная ветвь сталинского патернализма и стала главным «демографическим достижением» военных лет. В результате сложилась парадоксальная ситуация, при которой, как отмечает французский исследователь демографической истории России А. Блюм, уровни смертности «были чересчур низки для существовавшей экономической ситуации» [12]. Со своей стороны мы добавим, что уровень смертности в тыловых районах СССР был парадоксально низким для характерного в то тяжелое время уровня материальной обеспеченности населения. Это превращает демографическую историю нашей страны в столь специфический, исключительно «советский» феномен, который, по-видимому, не будет воспроизведен ни в одной стране мира.

Итак, в демографической истории Сибири мы обнаруживаем несколько попыток перехода к рациональному типу воспроизводства. Но три из них оказались безрезультатными. «Взять высоту» удалось только с четвертого раза. Такого рода «марш на месте», сдерживавший демографическую модернизацию и, в конечном счете, обусловивший заметное отставание Советского Союза, а затем и современной России от развитых стран Европы и Северной Америки, несомненно, был опосредованным (а иногда и прямым) следствием политических решений, на протяжении XX столетия неоднократно ввергавших страну в демографические катастрофы.

Источники и литература

1. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. I: Население. Экономика. Барнаул, 2003. С. 160.
2. Зверев В.А. Естественное движение населения Западной Сибири на начальном этапе демографической модернизации (конец XIX – начало XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007. Ч. 1. С. 74.
3. Там же. С. 73.
4. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. статей. М., 1977. С. 72–73.
5. Клячкин В.Е. Естественное движение населения города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск, 1928. С. 6.
6. Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 3. С. 66–67.
7. Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М.; Л. С. 136–137.
8. ГАРФ. Ф. А 374. Оп. 23. Д. 222. Л. 1–2.
9. Население СССР. Справочник. М., 1983. С. 68.
10. Исутов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. (1939–1945 гг.). Новосибирск. С. 157.
11. Вербицкая О.М. Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 130; Корнилов Г.Е. Уральское село и война. (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993. С. 69.
12. Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005. С. 110.

*Н.П. Безносова**

Динамика и размеры младенческой смертности в Республике Коми в 1921–1990 гг.**

Одним из демографических факторов, наиболее наглядно отражающих уровень развития страны и происходящие в ней социально-экономические изменения является младенческая смертность. В то же время показатель младенческой смертности коррелирует с качеством, объемом и доступностью медицинской помощи женщинам и детям, по её уровню, динамике и структуре можно судить о степени эффективности деятельности органов здравоохранения. Таким образом, младенческая смертность является одним из критериев, по которому оценивают состояние здоровья и качество жизни населения. Вопрос о младенческой смертности в Коми в советский период до настоящего времени специально не рассматривался, хотя эта проблема в большей или меньшей степени нашла своё отражение в работах В.В. Фаузера, Л.А. Поповой, А.А. Парначёва и др. [1].

За анализируемый нами период, то есть за 70 лет, уровень младенческой смертности в Коми снизился более чем в 15 раз. Кардинально изменилась и её доля в общей смертности. Рассмотрим динамику и особенности этого процесса.

В динамике младенческой смертности в Коми за рассматриваемый период можно выделить несколько этапов: 1-й этап – с начала 1920-х гг. и до 1952 г. – характеризуется высоким уровнем младенческой смертности со значительными её колебаниями под влиянием различных факторов политического, социально-экономического, санитарно-эпидемиологического и другого характера, в числе которых катастрофические последствия Второй мировой и Великой Отечественной войн. Размеры младенческой смертности на протяжении всего периода были существенно выше аналогичных средних показателей по России; 2-й этап – с 1952 г. и до конца 1960-х гг. – период стремительного снижения младенческой смертности, при этом фиксируемый уровень младенческой смертности по-прежнему был значительно больше, чем в среднем по России; 3-й этап – 1970–1990 гг. – период плавного и стабильного снижения младенческой смертности в республике, при этом в 1980-е гг. её уровень уже не имеет существенных отличий, а в 1990 г. становится даже ниже аналогичного среднего показателя по России.

На протяжении периода с 1921 г. и до начала 1950-х гг. Коми характеризовалась крайне высокой младенческой смертностью (дети, умершие в возрасте до одного года). Она являлась важнейшим фактором повышенной смертности населения республики в эти годы. Российские врачи и социал-гигиенисты во многом связывали чрезвычайно высокий уровень младенческой смертности с особенностями вскармливания грудных детей в православных семьях, где традиционно было принято чуть ли не с первых дней жизни давать ребенку прикорм или лишать его вообще грудного молока, оставлять без матери на попечении старших детей-подростков или стариков. Еще одной причиной высокой смертности, в том числе и материнской, была неразвитость системы медицинской помощи и родовспоможения, а также сложная санитарная обстановка труда, быта и жилищных условий, низкая грамотность по гигиене и уходу за новорожденными [2].

Как видно из табл. 1, в довоенный период показатель младенческой смертности в республике, сохраняя свои высокие значения, испытывал значительные колебания как в сторону снижения, так и повышения. В отдельные годы он достигал огромных размеров. Так, в 1927, 1936, 1940 гг. коэффициент младенческой смертности (далее в тексте – КМС) превышал 300%, то есть из-за эпидемий детских инфекционных болезней, отсутствия медицинской помощи, неполноценного питания из каждых десяти новорожденных до годовалого возраста не доживало три и более ребенка.

Катастрофическим в отношении младенческой смертности становится 1942 г., на который приходится пик смертности детей в возрасте до одного года за весь рассматриваемый период – 395%. Особенно высоким КМС был в Удорском и Летском районах, рабочем поселке Нювчим (600 и более промилле), а в поселках спецпереселенцев Усть-Вымского района достигал запредельной цифры – 1091% [3]. Обращает на себя внимание тот факт, что с 1943 г. КМС резко снижается и в последний военный год составляет всего 95%. Столь значительное уменьшение смертности детей в возрасте до одного года в заключительный период войны, по мнению Г.Е. Корнилова, с которым следует согласиться, в первую очередь было вызвано дефицитом рождаемости и, как следствием, возможностью лучшего ухода за детьми [4]. Подтверждением этого тезиса являются данные демографической статистики первых послевоенных лет, когда на фоне подъема рождаемости показатели младенческой смертности в Коми вновь начинают расти.

* **Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, nbeznoсова@mail.ru.

** Статья публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

**Динамика коэффициента младенческой смертности в Республике Коми,
1921–1990 гг., на 1000 родившихся, ‰**

Год	Всё население	Городское население	Сельское население	Год	Всё население	Городское население	Сельское население
1921	250,0	Нет свед.	Нет свед.	1956	68,1	51,8	84,1
1922	250,6	->-	->-	1957	62,3	46,1	79,5
1923	277,2	->-	->-	1958	56,6	48,1	66,2
1924	238,8	->-	->-	1959	51,3	40,5	64,6
1925	361,3	->-	->-	1960	46,1	38,3	55,9
1926	166,3	150,8	166,8	1961	44,1	35,9	54,3
1927	336,5	171,0	341,9	1962	44,4	36,8	53,6
1928	180,7	112,2	183,3	1963	46,6	37,1	57,8
1929	232,7	205,1	233,4	1964	44,5	38,1	52,3
1930	284,9	363,0	284,1	1965	37,7	30,5	47,1
1931	296,6	205,5	299,6	1966	37,6	30,1	48,2
1932	187,9	182,0	188,2	1967	33,5	29,2	39,8
1933	202,8	367,4	194,4	1968	35,0	27,8	46,1
1934	196,0	323,4	188,6	1969	30,2	25,9	39,8
1935	204,6	203,8	204,2	1970	27,6	24,0	33,8
1936	323,6	295,0	325,1	1971	27,4	25,8	30,4
1937	229,7	237,3	229,6	1972	27,0	23,2	33,8
1938	278,9	246,3	281,6	1973	27,5	22,7	36,8
1939	197,5	203,2	196,9	1974	28,7	25,0	34,9
1940	312,8	312,6	312,8	1975	27,7	22,6	38,1
1941	254,9	193,0	267,1	1976	25,5	21,3	36,8
1942	394,9	301,1	421,6	1977	26,0	24,1	30,3
1943	201,7	168,5	219,5	1978	25,1	22,9	30,1
1944	110,8	95,4	120,7	1979	24,8	22,4	30,9
1945	95,0	82,1	107,0	1980	22,3	20,5	26,7
1946	93,4	83,7	102,0	1981	23,9	20,0	33,2
1947	166,6	142,7	188,2	1982	22,9	19,8	31,1
1948	121,9	105,7	139,5	1983	20,6	16,7	30,3
1949	112,4	102,7	121,5	1984	20,7	18,3	26,5
1950	125,9	113,9	138,0	1985	21,9	18,8	29,9
1951	132,3	110,2	154,5	1986	18,9	17,7	22,1
1952	109,2	94,1	124,3	1987	20,1	17,2	27,7
1953	98,8	79,6	118,1	1988	20,2	18,4	25,0
1954	90,4	67,7	112,8	1989	18,9	17,6	22,5
1955	80,7	65,3	93,1	1990	16,5	16,7	16,1

Развитие системы здравоохранения и постепенный рост экономического благосостояния населения положительно отразились на уровне младенческой смертности в послевоенное время. Исключение составляет период с 1947 по 1951 г., когда на фоне увеличения общей смертности стала расти и младенческая. В числе основных причин очередного всплеска младенческой смертности – размещение в республике новых групп спецпереселенцев (эта категория населения отличалась повышенной смертностью, в том числе детской), а также эпидемии детских инфекционных болезней. С демографической точки зрения самым неблагополучным за весь послевоенный период стал 1947 г. Засуха и неурожай 1946 г. резко ухудшили продовольственное снабжение населения страны. КМС, составлявший в Коми в 1946 г. 93‰, в 1947 г. подскочил до 167‰ (в СССР в 1947 г. – 190‰). Наибольший уровень смертности детей первого года жизни в сельской местности был зарегистрирован в Усть-Цилемском, Ижемском, Удорском районах (260–270‰), из городских поселений – в Сыктывкаре (свыше 290‰) [5].

Принципиальное снижение младенческой смертности в Коми начинается с 1952 г. Но если в 1950–1960-е гг. её сокращение происходило стремительными темпами, то в дальнейшем процесс замедлился: в 1951–1959 гг. КМС уменьшился в 2,6 раза, в 1960–1969 гг. – на 35%, в 1970–1979 гг. – на 10%, в 1980–1990 гг. – на 25%. Отмечавшееся в некоторые годы увеличение КМС было кратковременным и незначительным. В целом за 1951–1990 гг. КМС в Коми уменьшился почти в 8 раз (со 132,3 до 16,5‰), в том числе в городской местности в 6,6 раза (со 110,2 до 16,7‰), в сельской – в 9,6 раза (со 154,5 до 16,1‰). Главной причиной столь быстрого снижения, наряду с изменением с 1953 г. политической ситуации в стране и постепенным ростом жизненного уровня людей, можно считать претворение в жизнь мер по охране материнства и детства, развитие системы здравоохранения, практи-

чески полный охват детей профилактическими прививками против детских инфекционных болезней, внедрение новых медицинских препаратов, рост санитарно-гигиенической культуры населения.

Данные табл. 1 показывают, что процессы младенческой смертности в городской и сельской местностях протекали с разной степенью интенсивности. Смертность детей в возрасте до одного года на селе была стабильно выше, чем в городе. На этом фоне особо выделяется 1927 г., когда показатель младенческой смертности в селе был в 2 раза выше, чем в городе. Но были и исключения. В предвоенное десятилетие в отдельные годы, а именно в 1930, 1933–1934, 1937 и 1939 гг., КМС в городе был выше, чем в селе. В 1933 и 1934 гг. это превышение было наиболее ощутимым (соответственно на 47 и 42%), что явилось следствием голода, в большей степени затронувшем городское население. В первые военные годы (1941–1942) КМС в сельской местности был на 40% больше, чем в городской, но в 1943–1950 гг. различия немного сгладились (до 20–30%). Однако с 1951 г. разрыв вновь увеличивается и вплоть до середины 1980-х гг. уровень младенческой смертности на селе почти в 1,5 раза превышал этот показатель по городской местности, а в 1954, 1957, 1975–1976, 1981 и 1983 годах разрыв доходил до 1,7 раза. Только во второй половине 1980-х гг. отличия в КМС в городе и селе уменьшились, а в 1990 г. на селе зафиксирован даже более низкий уровень младенческой смертности.

Отрицательным фактором, увеличивавшим детскую смертность в сельских районах, являлась территориальная отдаленность поселений от медицинских пунктов. По данным медицинской статистики в 1948 г. из общего числа родов в сельской местности 18% прошли без оказания медицинской помощи и 34% были приняты на дому, в результате несвоевременной госпитализации женщин-рожениц и неоказания медицинской помощи умерло 1686 младенцев, что составило 12,1% от общего числа родившихся за год [6].

Необходимо отметить, что показатели младенческой смертности испытывали в разные годы сильные колебания на территории одного и того же района. Так, в 1970 г. в Троицко-Печорском районе КМС составлял 16,9‰ (один из самых низких показателей по республике), а в 1978 г. – 51,9‰ (один из самых высоких в республике), при этом в предыдущем 1977 г. он был равен 18,1‰. В Усть-Цилемском районе, напротив, в 1970 г. уровень младенческой смертности был одним из самых высоких в республике (60,9‰), а в 1978 г. – одним из самых низких (18,1‰). Однако наиболее неблагоприятное положение с детской смертностью наблюдалось в Ижемском районе, где КМС неизменно превышал аналогичные средние показатели по Коми АССР в полтора-два раза [7].

В табл. 2 представлены расчёты удельного веса младенческой смертности в Коми с 1924 по 1990 г.

В 1920-е гг. удельный вес младенческой смертности в общей смертности был чрезвычайно высок и составлял более 40%. Так, в 1927 г. дети в возрасте до одного года составили 46% из совокупности умерших, а в возрастном диапазоне от 0 до 4 лет – 67% [8].

Таблица 2

Динамика удельного веса младенческой смертности в Республике Коми, 1924–1990 гг., %

Год	Удельный вес умерших в возрасте до 1 года в общей смертности, %	Год	Удельный вес умерших в возрасте до 1 года в общей смертности, %	Год	Удельный вес умерших в возрасте до 1 года в общей смертности, %
1924	42,2	1947	26,7	1969	8,4
1926	40,3	1948	27,3	1970	7,2
1927	45,6	1949	39,4	1971	7,4
1928	42,8	1950	42,1	1972	7,2
1929	43,3	1951	43,0	1973	7,2
1930	37,2	1952	37,9	1974	7,7
1931	43,3	1953	33,7	1975	7,1
1932	33,4	1954	34,8	1976	6,4
1933	20,1	1955	33,1	1977	6,2
1934	28,9	1956	30,4	1978	5,9
1935	36,4	1957	27,7	1979	5,5
1936	43,5	1958	27,6	1980	5,0
1937	39,5	1959	25,9	1981	5,5
1938	41,3	1960	23,8	1982	6,0
1939	37,0	1961	22,0	1983	5,3
1940	38,0	1962	20,4	1984	5,3
1941	30,3	1963	19,7	1985	5,5
1942	24,8	1964	17,6	1986	5,6
1943	5,8	1965	14,0	1987	5,6
1944	6,0	1966	12,3	1988	4,8
1945	9,9	1967	10,5	1989	4,0
1946	19,9	1968	10,2	1990	3,0

В первой половине 1930-х гг. наблюдается тенденция снижения удельного веса младенческой смертности. В 1933 г. доля детей в возрасте до одного года составила 20% от общего числа умерших, что является самым низким показателем за весь предвоенный период. Дело в том, что наибольший удельный вес в составе умерших в 1930–1934 гг. приходится на взрослое трудоспособное население. Возросшие показатели смертности взрослого населения объясняются последствиями голода 1933–1934 гг. и высокой смертностью в поселках спецпоселенцев, которые начали массово прибывать в республику с 1930 г. Новое повышение доли младенческой смертности во второй половине 1930-х гг. объясняется вспышкой детских инфекционных заболеваний (корь, брюшной тиф, скарлатина, коклюш), а также ростом болезней новорожденных. В 1936 г. дети в возрасте до одного года составили 44% от общей смертности, в 1938 г. – 41%.

В основе смертности населения в первые годы Великой Отечественной войны также лежала детская смертность (25–30% из совокупности умерших), но в последующие годы смертность перемещается во взрослое население, особенно в старшие возрастные группы. В связи с этим в 1943–1944 гг. наблюдается резкое уменьшение удельного веса младенческой смертности – до 6,0%. Основной причиной такого сокращения явился, на наш взгляд, уже упоминавшийся выше дефицит рождаемости. Вплоть до середины 1950-х гг. удельный вес младенческой смертности, испытывая в различные годы заметные колебания в сторону снижения или повышения, составлял от 20% в 1946 г. до 43% в 1951 г. от общего числа умерших за год. В дальнейшем доля младенческой смертности постоянно снижалась: с 1957 г. она стала менее 30%, с 1963 г. – менее 20, с 1969 г. – менее 10, достигнув в 1990 г. своего минимума за весь рассматриваемый период – 3,0% от общей смертности.

Таблица 3
Динамика коэффициента младенческой смертности в Российской Федерации и Республике Коми, 1926–1990 гг., на 1000 родившихся, ‰

Годы	Россия	Коми
1926	188,0	166,3
1927	205,2	336,5
1930	227,0	284,9
1933	295,1	202,8
1935	159,4	204,6
1940	212,2	312,8
1942	312,3*	394,9
1945	111,8	95,0
1950	88,4	125,9
1955	62,1	80,7
1960	36,6	46,1
1965	26,6	37,7
1970	23,0	27,6
1975	23,7	27,7
1980	22,1	22,3
1985	20,7	21,9
1990	17,4	16,5

Примечание. * В тыловых районах РСФСР.

Сопоставление коэффициентов младенческой смертности в Коми с аналогичными показателями по России показывает, что уровень смертности детей в возрасте до одного года в республике до середины 1940-х гг. был примерно на одну треть выше, чем в среднем по России, а в 1927 г. превышение достигало 64%, в 1940 г. – почти 50% (табл. 3). По данным ЦУНХУ в 1930-е гг. в Коми наряду с Марийской и Удмуртской АССР, Архангельской, Вологодской и Пермской областями был один из самых высоких на Европейской части РСФСР показателей младенческой смертности [9]. Исключение составляют 1926, 1933, 1945 гг., когда КМС в Коми был ниже, чем в среднем по России.

В середине 1940-х гг. КМС в Коми приблизился к среднероссийским показателям, но затем разрыв вновь увеличился до 30% и более. Этот разрыв сохранялся до конца 1960-х гг. В 1970-е гг. различия в показателях младенческой смертности в Коми и в среднем по России постепенно уменьшались и в 1980-е гг. они уже не имели серьезных отличий. В то же время необходимо отметить, что, несмотря на значительное снижение смертности детей первого года жизни, её уровень в республике оставался очень высоким. Так в 1988 г. по этому показателю мы занимали 58 место в РСФСР [10]. Только в 1990 г. зафиксированный в Коми КМС стал на 5% ниже среднероссийского показателя.

Источники и литература

1. Фаузер В.В., Парначев А.А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар, 1998; Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001; Попова Л.А. Сущность, причины и последствия современного демографического кризиса (на примере Республики Коми). Екатеринбург, 2004.
2. Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социс. 2003. № 6. С. 47.
3. НАРК. Ф.р. 140. Оп. 5. Д. 23. Л. 2–8.
4. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993. С. 72.
5. НАРК. Ф.р. 140. Оп. 5. Д. 10. Л. 25об.
6. Там же. Оп. 2. Д. 2161. Л. 30 об.
7. Там же. Оп. 4. Д. 483. Л. 19 об.
8. Там же. Оп. 2. Д. 256. Л. 30–30об., 59.
9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 428. Л. 84, 86. Д. 194. Л. 118.
10. НАРК. Ф.р. 140. Оп. 4. Д. 8665. Л. 43.

Влияние принудительных миграций на социально-демографическую ситуацию в Республике Коми**

В истории СССР особо выделяется время существования тоталитарного режима и масштабных репрессий в отношении населения. В этот период развитие многих регионов приобрело особую специфику, вектор будущего их развития безвозвратно изменился. В 1930–1950-е гг. в СССР в рамках репрессивной политики государства производились массовые насильственные перемещения различных групп населения с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны, то есть происходил процесс спецпереселения (принудительных миграций). Не затрагивая морально-этической стороны проблемы, следует сказать, что государственная политика в области спецпереселения исходила, прежде всего, из экономических потребностей. Советское государство, не имея достаточных финансовых средств для форсированной индустриализации, пошло по пути использования подневольной рабочей силы. Освоение малозаселенных и важных в плане промышленного развития страны регионов стало главной целью политики спецпереселения. При заселении спецпереселенцев на огромные северные территории приоритетной задачей было освоение богатых лесных запасов региона.

Коми край (с 1921 г. – Коми автономная область, с 1936 г. – Коми АССР, с 1992 г. – Республика Коми) был перспективным в плане промышленного освоения регионом, но малая заселенность мешала активному освоению природных ресурсов. Руководством государства был избран путь привлечения рабочей силы извне, что было осуществлено путем массовых насильственных переселений и организации лагерей ГУЛАГа.

Начало насильственных переселений было связано с государственной политикой коллективизации сельского хозяйства, в ходе которой производились выселения с мест постоянного проживания части раскулаченного крестьянства. Спецпереселение считалось не карательной акцией, а особой формой переселения раскулаченных с применением для них ряда правовых ограничений. Принудительная высылка крестьян с осени 1930 г. получила наименование «спецпереселение», высланные с мест постоянного проживания стали именоваться «спецпереселенцами». В дальнейшем к высылке на спецпоселения определялись разные группы населения, это были и представители депортированных народов, репатриированные, высланные по особым указам и др.

По мнению исследователя С.А. Красильникова, с точки зрения репрессивных органов спецпереселенцы имели ряд преимуществ по сравнению с другими категориями подневольной рабсилы и наиболее подходили для целей колонизации труднодоступных необжитых районов. С одной стороны, высланные крестьяне быстро вживались в местную природную и социальную среду, так как выслались семьями и зачастую высланные из одной местности расселялись в одном или ближайших спецпоселках. С другой – содержание аппарата комендатур обходилось много дешевле лагерного. Объяснялось это тем, что спецпереселенцы селились компактно, в небольшом количестве, в удаленных от населения труднодоступных местах и охраны требовалось немного, кроме того, спецпереселенцы селились семьями, а от своих детей мало кто хотел уезжать. Помимо прочего, спецпереселенцы сами занимали определенные должности в поселках (завхозы, помощники мастеров на лесоучастках и др.) и со временем эта практика все больше укоренялась. Как правило, медико-санитарные и школьные учреждения в спецпоселках в основном укомплектовывались из числа самих спецпереселенцев. Учитывая два вышеприведенных фактора, спецпереселенцы являли собой «идеальный материал» для освоения новых территорий. К тому же, что было крайне важно, крестьяне сравнительно быстро адаптировались к любым разновидностям физического труда. Правовое положение спецпереселенцев было таково, что их в любой момент «по производственным соображениям» могли перебросить с одного места на другое, что было с производственной точки зрения очень удобно. Труд спецпереселенцев использовался в различных отраслях народного хозяйства, но чаще всего на работах тяжелых, мало оплачиваемых и низко квалифицированных [1].

Республика Коми в 1930–1950-е гг. была одним из мест наиболее активного заселения спецпереселенцев [2], в этот период насильственно в регион было переселено около 110 тыс. чел. (в 1930–1931 гг. 40 325 раскулаченных («бывших кулаков»), в начале 1940-х гг. 18842 польских граждан («польских осадников и беженцев») и 8141 трудпереселенец из Карело-финской ССР, в 1944 г. 4670 членов семей ОУНовцев, 1945 г. – 3655 граждан Молдавии и Литвы, 1945–46 гг. – 12942 немцев (граждан СССР), 1946–47 гг. – 9847 «власовцев» другие).

* **Игнатова Надежда Максимовна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, руководитель группы исторической демографии и исторической географии, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ignatova11@rambler.ru.

** Статья публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

Спецпереселенцы должны были жить в специально организованных спецпоселках, при полной изоляции от окружающего мира и местного населения. «Организация» спецпоселков включала действия, в ходе которых в тайге были отведены места наиболее богатые лесом и удобные для сплава древесины. Подготовительные работы «к приему спецпереселенцев» предполагались масштабные. Подразумевалось создание системы спецпоселений как структур, способных обеспечить жизнедеятельность и высокую производительность труда спецпереселенцев. Переселения всегда были достаточно спланированными операциями, но подготовительные работы, как правило, оставались на бумаге. Вследствие этого условия жизни сложились крайне неблагоприятные. Первое время спецпереселенцы жили в палатках, шалашах и землянках и только потом перемещались в бараки, которые сами строили. Жилищная проблема была крайне острой, в бараках царили скученность и антисанитария, что вело к вспышкам эпидемиологических заболеваний. Самым болезненным вопросом в спецпоселках было снабжение продуктами питания, одеждой и обувью. Спецпереселенцы практически голодали. Отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий приводило к высокому уровню смертности спецпереселенцев. Следует отметить, что такая картина была характерна для всех новых партий спецпереселенцев, независимо от того, в какой период переселение было осуществлено.

Несмотря на то, что жилья в спецпоселках не было, а также отсутствовала инфраструктура, в 1930-е гг. практически сразу после заселения спецпереселенцы стали работать на заготовке леса. Спецпереселенцы в правовом аспекте находились в распоряжении ГУЛАГа, который заключал договора разного уровня на использование спецпереселенцев в качестве рабочей силы. По постановлению СНК СССР от 16 августа 1931 г. и генеральному соглашению между Главлеспромом и ГУЛАГом ОГПУ от 10 июля 1931 г. спецпереселенцы передавались трестам лесной промышленности и закреплялись как постоянные кадры лесных рабочих [3].

Потоки принудительных миграций в различные районы страны направлялись осознанно, с учетом целей и задач колонизационной политики. Это доказывает тот факт, что ни одна партия спецпереселенцев не была прислана в Коми регион без согласования между центральным руководством страны и руководством Коми автономной области (Коми АССР). На основе существующих соглашений был заключен ряд договоров об использовании спецпереселенцев в качестве рабочей силы в лесозаготовительной промышленности в Коми крае [4].

В целом необходимо отметить, что быстрые темпы роста лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслей промышленности были обеспечены в 1930–1950-е гг. за счет массовых вселений спецпереселенцев, которые составили основу кадровых рабочих лесной промышленности в данный период. Среди постоянных кадровых рабочих спецпереселенцев насчитывалось около 90%, среди общего количества работающих, с учетом сезонников, – от 18 до 80%. Именно спецпереселенцы способствовали активному развитию лесной отрасли в Коми крае. Если бы с самого начала заселения, т.е. с 1930 г., были созданы соответствующие жилищно-бытовые условия, налажено снабжение и отрегулирована организация труда, то экономический эффект от использования труда спецпереселенцев был бы гораздо выше. Тем не менее использование труда спецпереселенцев явилось одним из важнейших стимулирующих факторов развития и существования крупных территориально-промышленных структур, входящих в единый народно-хозяйственный комплекс страны, а также одним из важнейших условий осуществления форсированной индустриализации как страны в целом, так и в Коми АССР в частности.

Следует сказать, что труд спецпереселенцев использовался не только в лесной, но и во многих других отраслях промышленности и народного хозяйства. В начале заселения спецпереселенцев в Коми автономную область, аналогично другим спецпереселенческим регионам, в обязательном порядке в каждом спецпоселке были созданы сельхозартели, в дальнейшем переименованные в спецпереселенческие колхозы. Сельское хозяйство в спецпоселках считалось не основным видом деятельности, хотя некоторые колхозы были очень крупными и по деятельности считались передовыми в регионе. Однако задача, ставившаяся в начале 1930-х гг. по созданию в спецпоселках собственной продовольственной базы, не была выполнена. К середине 1940-х гг. практически все колхозы в спецпоселках пришли в упадок, так как основная масса трудоспособных колхозников перешла в леспромхозы. При правильной организации труда и большем внимании к развитию сельского хозяйства, эффективность сельскохозяйственного производства в спецпоселках была бы гораздо выше. Большинство спецпереселенцев до переселения занимались крестьянским трудом. Но данный фактор не был учтен. Ситуация развивалась исходя из экономических потребностей государства, а не из возможностей и способностей спецпереселенцев.

Спецпереселенцы использовались в качестве рабочей силы на предприятиях местной промышленности (мастерские, кустарно-промысловые артели, заводы). Войская точильная фабрика, Сыктывкарский лесозавод, Жешартский деревообрабатывающий завод, Сыктывкарский кирпичный завод, Сыктывкарский стройтрест и многие другие предприятия использовали труд спецпереселенцев.

В середине 1940-х гг. трудом спецпереселенцев, прежде всего, «власовцев», возникли в пригородах г. Сыктывкара крупнейшие сплавные запаны: Седкеркешская, Максаковская, Трехозерная. Создание этих сплавных

контор способствовало более активному развитию Сыктывкарского лесозавода, в дальнейшем Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, который на сегодняшний день является крупнейшим в своей отрасли на Севере Европы.

Следует обратить внимание еще на один аспект. Спецпереселенцы в условиях несвободы и ограничения гражданских прав достаточно быстро после высылки стали занимать ответственные должности. Административно-хозяйственный аппарат спецпоселков нередко включал достаточно большое количество спецпереселенцев. Среди них чаще всего завхозами, председателями спецпереселенческих колхозов, бухгалтерами, мастерами на лесозаготовках и т.д. становились те, кто имел наибольшие ограничения и наименьшие шансы получить быстрое освобождение. Как правило, это были насильственно переселенные лица немецкой национальности (граждане СССР). Например, в январе 1943 г. в ходе проверки по Локчимскому леспромхозу было установлено, что 66 чел., т.е. 30% управленческого аппарата – это немцы (граждане СССР) [5].

Объяснить это, пожалуй, можно тем, что люди, приговоренные к «вечному поселению», старались как можно быстрее восстановить утерянный в ходе репрессий свой социальный статус на месте высылки, не дожидаясь возможности получить освобождение. Кроме того, карьерному росту способствовал ударный труд, а выживали в спецпоселках, как правило, те, кто был способен ударно трудиться, так как от этого зависели зарплата и норма выдачи продуктов и, в конечном итоге, жизнь, своя и своих родственников. Многие из спецпереселенцев, оставшихся в республике после восстановления в гражданских правах и смены политического режима, в 1960–1970-е гг., заняли руководящие должности на предприятиях.

Для осуществления быстрых темпов индустриализации нужны были значительные трудовые ресурсы. Спецпереселенцы использовались в качестве дешевой рабочей силы на самых тяжелых участках производства. Безжалостно оторванные от родных мест, голодные и полураздетые, преодолевая нечеловеческие трудности и страдания, они преобразовывали непроходимую тайгу. Благодаря труду спецпереселенцев лесная промышленность в Коми АССР вышла на новый этап развития, совершила индустриальный рывок, были увеличены масштабы лесозаготовок и введены в промышленный оборот новые лесные массивы.

В 1930–1950-е гг. были заложены основы новых промышленных поселений – лесных поселков. Большинство существующих и функционирующих на данный момент лесозаготовительных поселков являются бывшими спецпоселками. При этом следует отметить, что несмотря на удаленность от основных путей сообщения, они были жизнеспособными поселениями, так как силами самих спецпереселенцев были построены школы, детские сады, библиотеки, клубы, магазины, больницы, детские дома, инвалидные дома и другие учреждения.

Вследствие массового заселения спецпереселенцев большие изменения произошли в демографической ситуации. Начавшееся в 1930-е гг. промышленное развитие республики сопровождалось созданием лагерей и спецпоселков и вследствие этого мощным инонациональным потоком эмигрантов (заклученных и спецпереселенцев). Практика массового ввоза «рабочей силы извне» продолжалась до 1960-х гг., когда принудительные перемещения граждан были заменены органами. Миграции являются основным фактором изменения численности и этнического состава населения республики. За период 1926–1989 гг. республика имела самый высокий среди всех союзных и автономных республик показатель снижения удельного веса коренного этноса в общем составе населения (с 92,2% в 1926 г. до 23,3% в 1989 г.). До 1939 г. коми составляли подавляющее большинство населения республики – 72,5%. По переписи 1959 г. коми стали этническим меньшинством – 30,1%, самой большой группой стали русские (48,6%), другие национальности составляли 22,3%. Доля горожан увеличилась с 1939 по 1959 г. с 9 до 59%. Все городские поселения развивались с преобладающей долей русского населения [6]. По данным микропереписи населения на начало 1994 г. русских в республике было учтено 57,7%, коми – 26,3%, украинцев – 7,2%, белорусов – 1,8%, татар – 1,9%, чувашей – 0,8% [7].

Принудительные миграции (спецпереселения) оказали многофакторное влияние на развитие Республики Коми. Социально-демографическая картина в период 1930–1950-х гг. резко изменилась. Регион из мононационального стал многонациональным. Спецпереселенцы в основном, за исключением отдельных категорий, и в отличие от заключенных выслались семьями, в силу чего многие остались жить в республике и после освобождения. Поселки лесозаготовителей, в основном бывшие спецпоселки, во второй половине XX в. представляли собой особый социально-культурный многонациональный конгломерат людей, обладающий своими специфическими чертами. Многие трудности, существующие на сегодняшний день в лесных поселках, являются прямым следствием эпохи принудительных миграций, прежде всего, это удаленность от культурных и экономических центров, отсутствие или слабое развитие транспортных линий, отсутствие развитой инфраструктуры и перспектив развития.

Источники и литература

1. Данилов В.П., Красильников С.А. Предисловие // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1931–33гг. Сборник документов. Новосибирск, 1993. С. 5.

2. Термин «спецпереселенцы» используется в данной работе как обобщающий для всех принудительно высланных на спецпоселения, в том числе в ходе раскулачивания, депортаций народов, выселений по особым указам и постановления, выселения обвиняемых в коллаборационизме и их родственников и др.

3. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф.Р-374. Оп. 1. Д. 2. Л. 100.

4. *Игнатова Н.М.* Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–50-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 98–108.

5. НАРК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 1027. Л. 6.

6. *Безносова Н.П.* Процессы языковой и этнической ассимиляции коренного этноса республики Коми в 40–80-е годы (по материал Всесоюзной переписей населения) // Актуальные проблемы политико-правового, социально-экономического и культурного развития Европейского Севера Российской Федерации (история и современность). Сыктывкар, 1995. С. 112–117; *Попов А.А., Нестерова Н.А.* Национальный вопрос в Республике Коми в конце XX века. Сыктывкар, 2000. С. 24, 26.

7. *Штралер О.Ф.* Государственная национальная политика в Республике Коми на современном этапе // Проблемы мира сегодня: роль Республики Коми в устойчивом развитии России. Сыктывкар, 1997.

Демографические процессы в Коми крае в 1920–1950-е гг.**

В конце XX – начале XXI в. огромное внимание российской общественности вызывают демографические и этнические процессы в различных регионах страны. Неудивителен поэтому и растущий интерес к этнодемографической проблематике в исторической ретроспективе. Как отмечается в работах И.Л. Жеребцова и других историков, изучение обозначенных процессов играет существенную роль для исследования всех аспектов истории и современного состояния каждого народа или региона, для прогнозирования условий его дальнейшего развития, поскольку движение и состав населения оказывают огромное воздействие на экономическую, социальную, политическую и культурную сферы жизни социума.

В полной мере это относится и к Республике Коми, по мере заселения и хозяйственного освоения территории которой здесь формировались своеобразные группы местного коми и русского населения, имеющие значительные отличительные черты в духовной и материальной культуре.

Исследователь В.В. Фаузер считает, что в 1920-е гг. намечился переход к новому этапу формирования населения Коми региона. В это время активно ведутся геологоразведочные работы, разрабатываются проекты заготовки леса и его глубокой переработки. Однако малонаселенность территории и крайне неравномерное ее заселение создавали существенные трудности. К тому же основная часть населения проживала в сельской местности. Коми край, менее пострадавший от войн и экономической разрухи, стал предпочтительным местом для вселения как жителей других областей, так и бывших его выходцев с целью освоения новых, экономически перспективных в деле развития народного хозяйства страны территорий.

Данные на 1920 г. свидетельствуют о том, что население Республики Коми составляло 180 617 чел. Национальный состав был следующим: русские – 11 614 чел., коми – 168 193 чел., другие – 810 чел. Грамотными являлись 53 028 чел. (28,3%), неграмотными – 127 589 (70,7%) [1].

В августе 1921 г. была образована Коми автономная область с центром в городе Усть-Сысольске. В относительно скором времени, а именно в 1926 г., по всей территории СССР проводилась Первая Всесоюзная перепись населения, которая должна была репрезентовать итоги и достижения первых лет советской власти, а также помочь в дальнейшем планировании социально-экономических процессов в стране. Согласно официальным итогам переписи 1926 г., численность населения Коми автономной области составляла 207 314 чел., из них 200 549 чел. (96,7% от общей численности населения) проживали в сельской местности и 6 765 чел. (3,3%) – в городской [2]. По другим данным, на территории будущей республики проживало 225 000 чел., из них городского населения 10 000 чел. [3].

На момент проведения переписи область была разделена на четыре уезда: Усть-Сысольский (Сысольский), Усть-Куломский, Усть-Вымский и Печорский (Ижмо-Печорский). В четырех уездах насчитывалось 1 316 сельских населенных пунктов. Городское население имелось только в Сысольском уезде в г. Усть-Сысольск (5 068 чел.). Этническая структура населения области была однородной. Коренной этнос – зыряне – составлял абсолютное большинство. Их численность равнялась 191 245 чел. (92,3% от общей численности). Среди сельского населения доля зырян достигала 93,6%, среди городского – 52,9%. Кроме зырян наиболее многочисленными народностями Коми автономной области являлись русские – 13 731 чел. (6,6% от общей численности населения) и самоеды (ненцы) – 2 080 чел. (1%). Самоеды были исключительно сельским этносом (кочевниками-оленьеводами) и обитали на территории Ижмо-Печорского уезда. На территории Коми проживали представители еще 24 народностей, но их было немного – 258 чел. (0,1%). Возрастной состав населения Коми АО был следующим: мужчины – 0–19 лет – 52,3%, 20–39 лет – 24,4%, 40–59 лет – 16,4%, 60 и более – 6,9%; женщины – 0–19 лет – 46,5%, 20–39 лет – 28,5%, 40–59 лет – 17,4%, 60 и более – 7,6% [4]. В 1925–1926 гг. обучение в школах Коми АО проходило на 75% на коми языке, 5% – на русском, 20% – на коми-русском. Уровень грамотности составлял 37% (среди коми – до 38%) [5].

В 1929 г. формируется новое территориальное деление Коми АО – вместо уездов и волостей были созданы 12 районов: Усть-Цилемский, Ижемский, Усть-Усинский, Троицко-Печорский, Удорский, Усть-Вымский, Сторожевский, Сыктывдинский, Усть-Куломский, Прилузский, Летский, Сысольский и около 150 сельсоветов [6]. Районирование связано с тем, что в январе 1929 г. Коми автономная область вошла в состав Северного края с центром в г. Архангельске. Был запущен процесс индустриализации страны, в котором северные территории играли особую роль. В свою очередь, происходили социально-демографические процессы, имевшие далеко идущие последствия.

* Нисковский Антон Анатольевич (Сыктывкар) – младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Статья публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

шие последствия – состав населения региона начинают пополнять и изменять ряды спецпереселенцев и заключенных советской пенитенциарной системы, являющиеся фактическими «строителями социализма».

В соответствие с новым административно-территориальным делением в 1929–1930 гг. был сделан пересчет населения. С учетом новых территорий численность населения Коми АО увеличилась до 226 357 чел. Удельный вес русских поднялся до 12,2%, а зырян и самоедов снизился до 87,3 и 0,4% соответственно. В 1928 г., был сделан еще один пересчет населения. Его результаты – 224 929 чел. Доля горожан увеличилась до 4,5%, сельских жителей снизилась до 95,5%. Удельный вес коми и ненцев снизился до 86,9 и 0,4% соответственно, русских – увеличился до 12,6% [7].

В декабре 1936 г. Коми автономная область была преобразована в Коми АССР и вышла из состава Северного края. Это событие предшествовало еще одной общероссийской переписи. По предварительным итогам переписи 1937 г., которая проводилась с целью мониторинга итогов первых двух пятилеток, общая численность населения Коми АССР (без спецпереселенцев, заключенных и военнослужащих) составила 263 900 чел. В сравнении с 1926 г. численность населения увеличилась на 38 900 чел. (прирост 117,3%).

Городское население республики с 1926 по 1937 г. выросло в три раза и составило 20 300 чел. (7,7% численности населения республики). Городские поселения в 1937 г. – Сыктывкар (23 200 чел.) и рабочий поселок Ньючим (1 200 чел.). На момент проведения переписи в Коми АССР насчитывалось 12 сельских административных районов. Численность коми увеличилась на 34 400 чел. (прирост 17%), их удельный вес – 87,7%. Количество других национальностей возросло на 4 000 чел. (прирост 14%). Эти данные были официальными и не содержали информацию о спецпереселенцах и заключенных. Таким образом, если прибавить к данным переписи количество первых (21 600 чел.) и количество вторых (24 200 чел.) мы получим сумму в 309 300 чел. [8].

Следующая в истории нашей страны всесоюзная перепись была проведена в 1939 г. Общая численность населения Республики Коми по ней составила 318 996 чел. В отличие от переписи 1937 г. в итоги переписи 1939 г. были включены спецпереселенцы (прошедшие перепись на общих основаниях, а не как заключенные – в особом порядке). Мужчины составляли 48,5% населения республики, женщины – 51,5%. Согласно переписи проведенной по линии НКВД численность спецконтингента составляла 131 930 (!) чел. (среди них, мужчины – 113 283, женщины – 18 647) [9]. Таким образом, суммарная численность населения Республики Коми к 1939 г. достигла 450 926 чел., что почти на 45,8% больше, чем в 1937 г. [10]. Увеличилось городское население (29 159 (9,1%) чел. в городе Сыктывкаре и рабочих поселках Ньючим и Чибью). Сельское население составляло 90,9% (289 837 чел.) всего населения республики. Доля коренного этноса снизилась до 73,6% (231 301 чел.), русские – 22% (70 226 чел.), другие национальности – 4,4% (17 469 чел.). Возрастная структура была следующей: 0–19 лет – 45,4%, 20–39 лет – 32%, 40–59 лет – 15,4%, 60 и более – 7,2% [11]. Грамотность населения такова: в возрасте от 9 лет и старше – 79,3%, в возрасте 9–49 лет – 89,5%, в возрасте 50 лет и старше – 32,9%. В сельской местности грамотными были 77,8% населения, в городской – 93,2%. Среднее образование имело 21 171 чел., высшее – 1 731 чел. [12].

В 1940 г. число дневных общеобразовательных школ в Коми АССР было следующим: всего – 505 школ, начальные школы – 374, неполные средние школы – 102, средние школы – 27, школы для детей с недостатками умственного и физического развития – 2. Учащиеся: всего – 58 700 чел., в начальных школах – 21 200, в неполных средних школах – 23 700, в средних школах – 13 800, в школах для детей с недостатками умственного и физического развития – меньше 100. Данные на 1950 г. следующие: всего школ – 704, начальные школы – 501, неполные средние школы – 159, средние школы – 43, школы для детей с недостатками умственного и физического развития – 1. Учащиеся: всего – 68 400 человек, в начальных школах – 16 400, в неполных средних школах – 28 500, в средних школах – 23 400, в школах для детей с недостатками умственного и физического развития – 100 [13].

Очередная Всесоюзная перепись была проведена спустя 20 лет, в 1959 г. Согласно ее данным население республики Коми составило 815 800 чел. По сравнению с 1939 г. население возросло в 2,6 раза. При этом численность городских жителей увеличилась в 16,6 раза (59% от всего населения или около 484 000 чел.), а сельских – только на 12,6%, что говорит о коренных изменениях в жизни края, связанных, прежде всего, с запущенными в конце 1920-х гг. процессами индустриализации региона.

За время между переписью 1939 и 1959 гг. появились такие города, как Воркута (26 ноября 1943 г.), Печора (18 января 1949 г.), Инта (4 октября 1954 г.), Ухта (16 ноября 1953 г.), Сосногорск (1 декабря 1955 г.), что говорит о развернувшемся процессе урбанизации, начатом еще в начале 1930-х гг. Среднегодовой естественный прирост с 1951 по 1955 г. составил 15 600 чел., миграционный – 25 600 чел., с 1956 по 1960 г. соответственно 19 900 чел. и 16 400 чел. Это говорит о том, что к концу 1950-х гг. доля миграций уменьшается, увеличивается естественное воспроизведение людей на территории Коми края.

По этническому составу населения Республики Коми данные на 1959 г. следующие: русские – 396 821 чел. (48,8%), коми – 245 357 (30,1%) чел., украинцы – 81 415 (10%), белорусы – 22 622 (2,8%), немцы – 19 805 (2,4%), татары – 8 682 (1,1%), литовцы – 8 284 (1%), чувашаи – 3 493 (0,4%), поляки – 3 053 (0,4%), евреи – 2 790 (0,3%), латыши – 2 168 (0,3%), армяне – 1 894 (0,2%), мордовцы – 1 802 (0,2%), молдаване – 1 612 (0,2%), азербайджанцы – 1 374

(0,2%), грузины – 1 328 (0,2%), узбеки – 1 245 (0,1%), эстонцы – 1 213 (0,1%), другие национальности – 11 226 (1,4%) [14]. Возрастной состав таков: 0–19 лет – 35,7%, 20–39 лет – 44,6%, 40–59 лет – 15,3%, 60 и более – 4,4% [15].

На рубеже 1920–1930-х гг., как отмечают историки И.Л. Жеребцов и М.Б. Рогачев, в этнодемографическом развитии коми произошли резкие перемены. Прекратилось расширение этнической территории коми и переселения их в Сибирь и другие регионы. Миграция населения была поставлена под жесткий контроль государства, объединенные в колхозы крестьяне лишились права свободных переселений. Характерной особенностью формирования населения в 1930–1950-е гг. являлось то, что Коми край становится местом ссылки, спецпоселений и размещения лагерей для заключенных.

С 1929 по 1938 г. численность заключенных в Северных ИТЛ увеличилась с 2 425 до 115 242 чел., т.е. почти в 45 раз. Уже в 1930 г. в Коми АО находилось свыше 20 000 заключенных. В 1937 г., только в Ухтпечлаге находилось 49 500 чел. (в Усинском отделении пребывало около 3 000). В 1940-е гг. численность заключенных возросла по приблизительным подсчетам до более чем 100 000 чел., а количество лагерей к концу этого периода равняется 11. Так, на строительстве Печорской железной дороги были заняты более 70 тыс. чел. [16].

В 1941 г. в Севжелдорлаге пребывало 84 900 заключенных, в Севпечжелдорлаге – 34 959 чел. Пик численности спецконтингента в военные годы приходится на 1942 г., когда в одном только Северо-Печорском железнодорожном ИТЛ пребывало более 102 тыс. чел. К концу войны, в 1945 г., самым многочисленным лагерем становится Воркутлаг, который на тот момент насчитывал 39 700 чел. В 1950-х гг. образуются три новых лагеря: Печорлаг в 1950 г., Водораздельный в 1952 г. и Косланский в 1954 г. В наиболее крупном из них, Печорлаге, в 1952 г. насчитывалось 37 471 чел. Далее и вплоть до его закрытия уже идет уменьшение состава: в 1954 г. – 33 212 чел., в 1955 г. – 19 686 чел. [17].

Колебания численности в разных подразделениях зависели от производственных задач, требовавших приток рабочей силы на тот или иной участок, заболеваемости и смертности заключенных. Через самые большие лагеря системы ГУЛАГа, такие как Севжелдорлаг за период его существования с 1939 по 1950 г. прошло (путем суммирования списочных составов на 1 января каждого года) 371 400 чел., Севпечжелдорлаг (1941–1950 гг.) – 473 200 чел., Устьвымылаг (1931, 1938–1959) – более 380 000 чел., Воркутлаг (1939–1959) – более 700 000 чел., Печорлаг (1951–1959) – около 220 000 чел. В Ухтпечлаге за годы его существования (1932–1938) находилось 179 900 чел. [18].

По возрасту преобладала группа от 60 до 30 лет (около 60% списочного состава). Заключенные в возрасте от 30 до 20 лет составляли около 25–30% списочного состава лагподразделений. По национальному составу доминировали русские (85–90%), затем шли украинцы, белорусы, татары, немцы и др. Женщины составляли около 10% списочного состава лагерей [19]. Социальный состав определялся явным преобладанием крестьян. В 1929–1934 гг. на втором месте стояли мещане, затем дворяне, священники и рабочие. В 1934–1938 гг. и в дальнейшем стремительно увеличивается количество служащих и рабочих [20].

Другим важным компонентом формирования этнодемографической структуры населения региона явилась ссылка крестьян. В Коми области к 1931 г. численность спецпереселенцев – бывших «кулаков» составила 40 325 чел. [21]. С 1932 г. число раскулаченных на спецпоселениях в республике идет на спад и со второй половины десятилетия держится на отметке примерно в 17 000 чел. На 1 октября 1938 г. было учтено 17 955 чел. Основной причиной уменьшения числа спецпереселенцев в Коми крае считают высокий уровень смертности вследствие неблагоприятных условий жизни, сурового климата и распространения эпидемических заболеваний среди спецпереселенцев.

Национальный состав спецпереселенцев в 1936 г. был следующий: русские – 11 954, белорусы – 2 549, немцы – 1 911, украинцы – 1 209, поляки – 361, татары – 185, армяне – 28, евреи – 9, латыши – 14, киргизы – 16, башкиры – 16, мордва – 149, чувашаи – 96 и молдаване – 96 чел. К этому времени появляются «новые» для Коми национальности: латыши, белорусы, молдаване и украинцы [22]. По документации НКВД–МВД СССР на 1 апреля 1941 г. в Республику Коми было выселено трудпереселенцев («кулацкая ссылка») 5 339 семей, или 17 492 чел., а также спецпереселенцев – польских осадников и беженцев – 18 772 чел. На 1 января 1943 г. численность спецпереселенцев составила в республике 31 315 чел., в том числе немцев – 11 043, бывших «кулаков» – 7 102, «оуновцев» – 4088, из Литвы – 864 и др. [23].

Осенью 1947 г. бывших «кулаков» насчитывалось 9 741 чел., в декабре – 9 010. В январе 1948 г. было учтено уже 7 941 чел., в 1949 г. – 6 888. На 1 января 1952 г. в Коми АССР проживало 12 323 спецпереселенца [24].

Таким образом, период 1920–1950-х гг. является одним из самых важных в истории формирования этнодемографической структуры населения Коми края, в особенности северных его территорий. Характерной чертой этого процесса является постепенное вытеснение из национальной структуры региона в целом коми этноса как доминирующего и изменение демографической обстановки по национальностям, полу, возрасту и иным показателям. Главной причиной этих трансформаций является политика государства, выраженная в ограничении миграции местных жителей и обеспечении притока нового населения за счет спецпереселенцев, заключенных, военных и вольнонаемных.

Источники и литература

1. НАРК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 1623. Л. 2.
2. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л. и др. Население Республики Коми: прошлое, настоящее и будущее (о чём рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. С. 58–61.
3. Коми АССР 60 лет. Статистический сборник. Сыктывкар, 1981. С. 4.
4. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л. и др. Население Республики Коми: прошлое, настоящее и будущее (о чём рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. С. 58–61.
5. Коми вчера и сегодня. Статистический сборник. Сыктывкар, 1991. С. 31.
6. ГУЛАГ в Коми крае: взгляд историка // Печальная пристань. Сыктывкар, 1991. С. 43.
7. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л. и др. Население Республики Коми: прошлое, настоящее и будущее (о чём рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. С. 58–61.
8. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л. и др. Население Республики Коми: прошлое, настоящее и будущее (о чём рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. С. 67–69.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 229.
10. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л. и др. Население Республики Коми: прошлое, настоящее и будущее (о чём рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. С. 76–78.
11. Фаузер В.В. Этнодемографический потенциал Республики Коми. Сыктывкар, 1998. С. 14.
12. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 41, 44, 51.
13. Коми вчера и сегодня. Статистический сборник. Сыктывкар, 1991. С. 37–38.
14. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 19.
15. Фаузер В.В. Этнодемографический потенциал Республики Коми. Сыктывкар, 1998. С. 14.
16. Жеребцов И.Л., Рогачёв М.Б. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е годы). Сыктывкар, 1993. С. 16.
17. Рогачев М.Б. ГУЛАГ в Коми крае (1929–1960) // <http://www.finnougr.ru/life/index.php?ID=1684>.
18. Рогачев М.Б. ГУЛАГ в Коми крае (1929–1960) // <http://www.finnougr.ru/life/index.php?ID=1684>.
19. Интернационал ГУЛАГа в Коми // Родники Пармы. Научно-популярный сборник. Сыктывкар, 1996. Вып. IV. С. 93.
20. Покаяние: Мартиролог. Т. 1. Сыктывкар, 1998. С. 178, 186, 197, 201.
21. Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев-«бывших кулаков» в середине 1930-х–1950-е гг. // http://pokayanie-komi.narod.ru/ignatova_osuschestvlenie.htm.
22. Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев-«бывших кулаков» в середине 1930-х–1950-е гг. // http://pokayanie-komi.narod.ru/ignatova_osuschestvlenie.htm.
23. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 13.
24. Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменения в составе и численности спецпереселенцев-«бывших кулаков» в середине 1930-х–1950-е гг. // http://pokayanie-komi.narod.ru/ignatova_osuschestvlenie.htm.

Формирование состава населения бассейна реки Вымь (Коми АССР) в 1930-е гг.

К началу десятилетия на обозначенной территории, входившей в состав Усть-Вымского района Коми автономной области, коренное население состояло из коми и русских. Основная масса коренного русского населения проживала в селах Усть-Вымь и Серегово. За время, прошедшее с последней переписи населения 1926 г., в границах очерченного района численность населения увеличилась с 27,83 тыс. [1] до 30,8 тыс. чел. к концу 1930 г. [2] (среднегодовой показатель естественного прироста населения – 2,16%). Изменения происходили, в основном, за счет естественного прироста. Удельный вес коми в составе коренного населения составлял 89,3%. Этот показатель превышал аналогичный тогдашний показатель по Коми автономной области. В общем составе населения преобладали женщины, как и в целом по области. По возрастному составу сохранялась высокая доля лиц моложе 20 лет и незначительная – старше 60 лет.

В начале 1930-х гг. численность коренного населения на Выми продолжала возрастать и достигла своего максимума к началу 1933 г. – 34 тыс. чел. [3], из них коми – 30,8 тыс. чел. В результате известных событий в стране в 1933 г. материальное положение жителей района резко ухудшилось. Следствием стали голод, болезни, снижение естественного прироста и численности населения. По данным Всесоюзной переписи населения 1937 г., на Выми насчитывалось 28,4 тыс. коренных жителей (коми и русских) [4], из них коми – 25,35 тыс. чел. Таким образом, их численность сократилась почти до уровня, зафиксированного переписью в 1926 г. [5]. Половозрастная структура населения сохранилась без изменений. В 1939 г. численность коренного населения коми составляла 25,8 тыс. чел. Темпы естественного прироста коренного населения за межпереписной период 1937–1939 гг. составили 0,9% в год.

Механический прирост населения региона происходил в 1930-е гг. за счет притока спецпереселенцев и административно высланных. Численность спецпереселенцев, по оценке исследователей, составляла к 1931 г. 7 237 чел. [6], а численность коренного населения – 30,8 тыс. чел. Общее количество жителей Выми составляло в 1931 г. около 38 тыс., а к 1933 г. – 40,2 тыс. чел. Средняя численность спецпереселенческой семьи в 1930 г. составляла на Выми 4,4 чел., на 1 сентября 1932 г. – 4 чел. [7]. По отдельным спецпоселкам на день их организации этот показатель имел следующие значения: Мещура – 4,6 чел., Божьюдор – 4,6, Вожаель – 4,85, Ветью – 4,7, Усть-Коин – 3,8, Вильордым – 4,6 чел.

За первую половину 1930-х гг. в результате голода, болезней, побегов спецпереселенцев их численность значительно убавилась. Наиболее интенсивно этот процесс происходил во второй половине 1933 г. Власти Северного края, куда входила и Коми область, вынуждены были создать специальную комиссию по обследованию состояния поселков для выявления причин сложившейся критической ситуации. В Усть-Вымском районе эта комиссия работала с мая по август 1933 г. [8]. Согласно сведениям Коми областного отдела здравоохранения о смерти спецпереселенцев, за первое полугодие 1933 г. в районе умерло 513 чел. Высокий уровень смертности объяснялся тем, что урезанный продовольственный паек для спецпереселенцев не мог удовлетворить потребности организма. Поселенцы употребляли в пищу различные суррогаты. На почве этого случались заболевания пищевых органов, истощение с голодными отеками и смерть. Только за июнь и июль в поселках района умерло 220 чел. [9].

Кроме работы краевой комиссии, в январе 1934 г. была проведена ещё и прокурорская проверка. По наиболее многолюдному поселку Ветью проверкой было установлено, что на 1 января 1933 г. людей всех возрастов и полов там состояло на учете 1334 чел. За год умерло: детей до 16 лет – 17 чел., старше 60 лет – 40, с 16 до 60 лет – 38 чел. В бегах числилось 123 чел. [10].

Быстро сокращалось население спецпоселков и в последующие годы. В акте обследования финансового и хозяйственного состояния пос. Усть-Коин от 24–27 июля 1935 г. констатировалось, что с момента организации поселка (1931 г.) убыль жителей составила 727 чел. (138 семейств) по разным причинам (умерло, освобождено) [11]. В трудпоселке Мещура на начало 1935 г. насчитывалось 128 [12], а на конец года – 106 дворов (394 семейных и одиночек) [13]. В трудпоселке Божьюдор на конец 1935 г. учитывалось 107 дворов с 307 душами населения, и ещё 80 человек трудоспособных находились в отходе [14]. Таким образом, к концу 1935 г. в трудовых поселках проживало в 839 дворах 2602 чел. В среднем на один двор приходилось 3,1 чел. Для сравнения: в соседних деревнях с коренным населением средний размер семьи был больше. Так, в 1936 г. в дер. Кони средний размер семьи составлял около 5 чел. [15].

* Лапин Геннадий Васильевич (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета.

Для возмещения потерь рабочей силы из пограничных районов и областей Белоруссии на Вымь была завезена очередная партия трудпоселенцев. 2 августа 1935 г. по договору между УНКВД и трестом «Комилес» в область было направлено из БССР 2389 чел. [16]. Постановлением закрытого собрания президиума Усть-Вымского райисполкома от 10.08.1935. предусматривалось размещение прибывшего контингента трудпоселенцев в количестве 200 семейств численностью до 900 чел. по поселкам: Ветью – 56, Божьюдор – 100, Усть-Коин – 50 семейств. Указывались также порядок и маршруты следования от пристани Усть-Вымь до поселков [17]. Наряду с этим осуществлялась вербовка в обезлюдившие поселки спецпереселенцев из других районов Коми области. О данном факте вспоминали в наши дни некоторые из старожилов поселков.

В сводке НКВД за третий квартал 1936 г. о наличии контингента трудпоселенцев по тресту «Комилес» в шести поселках на Выми числилась 1 051 семья, 3 670 чел. [18]. По данным переписи населения 1937 г., общее число спецпереселенцев в Усть-Вымском районе оценивалось в 4 060 чел. (1132 хозяйства), а общая численность населения – 32 480 чел. [19]. Таким образом, перепись зафиксировала уменьшение численности населения Выми по сравнению с 1933 г. на 7,7 тыс. чел.

По переписи населения 1939 г. численность коренного населения (коми и русских) можно оценить в пределах 29 тыс. чел. Вместе со спецпереселенцами (3384 чел., 939 семей) общая численность населения бассейна р. Вымь должна была составить 32,4 тыс. чел. По официальным же данным переписи 1939 г., численность населения района составляла 40,71 тыс. чел. [20].

Если исходить из того факта, что в 1937–1939 гг. соотношение мужчин и женщин в районе как среди коренного населения, так и спецпереселенцев кардинально не изменилось и составляло соотношение 13:15,5, то в 1939 г. численность мужчин должна была составить 14,8 тыс., а женщин – 17,7 тыс. чел. Согласно же данным переписи, в районе имелось 22 133 мужчин и 18 617 женщин [21].

Резкое изменение за два года соотношения численности мужчин и женщин и общего их количества можно объяснить только включением в состав населения мужчин, не имеющих семей. Последнее обстоятельство было связано с прокладкой через территорию района железной дороги и обеспечением ее строительным материалом – древесиной. Именно для этих целей использовался указанный контингент работников. 16 августа 1937 г. был создан самостоятельный Усть-Вымский лагерь с центром в пос. Вожаель. Жители поселка, десять лет обживавшие эти суровые места, были выброшены в другие трудпоселки района. Основной деятельностью лагеря были строительство железной дороги и сельское хозяйство. Численность контингента на 1.01.1938 г. составляла 5 222 чел., на 1.01.1939 г. – 1 174 чел. [22].

10 мая 1938 г. был организован Северный железнодорожный лагерь. Управление лагеря располагалось в с. Княжпогост, а затем в пос. Железнодорожный. На территории района из общего количества 27 лагунктов располагалось на 1 сентября 1940 г. 20 лагерных пунктов. Для строительства дороги было сконцентрировано 30 тыс. заключенных [23]. Как отмечает исследователь Н.А. Морозов, с развитием строительства Северной железной дороги лагерь все шире вторгался в жизнь местных коми крестьян. Так, в октябре 1938 г. в связи со строительством железнодорожной ветки Микунь–Айкино часть заключенных строителей была помещена, по соглашению с райисполкомом, в домах местных крестьян, что вызвало обоснованный протест с их стороны [24].

Национальный аспект состава населения Выми

Удельный вес коренных жителей (коми и русских) в течение 1930-х гг. в общей массе населения постепенно снижался. Особенно быстро этот процесс проходил в период между переписями 1937 и 1939 гг. Русское население, кроме коренных жителей, было представлено спецпереселенцами – уроженцами Средней и Нижней Волги, Оренбургской, Воронежской, Сталинградской, Саратовской областей. Они составляли большую часть спецпереселенцев в начале 1930-х гг. К началу 1936 г. на Выми было учтено 1654 русских спецпереселенцев [25]. Вместе с коренными жителями (3,1 тыс. чел.) общая численность русских на Выми составляла ко времени переписи 1937 г. приблизительно 4,7 тыс. чел., их удельный вес среди всех жителей Выми – 14,5%. На то время этот показатель был ниже аналогичного показателя по Коми автономной области.

Ко времени переписи населения 1939 г. численность спецпереселенцев русских ещё более сократилась, количество же коренных жителей русских несколько увеличилось. В целом, с учетом русских строителей железной дороги, включенных уже в состав населения, удельный вес русских в общей массе населения Выми увеличился приблизительно до 30,2%. По Коми АССР он составлял 22%.

Третью по численности группу населения Выми (после коми и русских) первой половины 1930-х гг. составляли представители украинской национальности. В основном, это высланные из тех же краев и областей, что и русские, но какая-то часть по месту бывшего проживания – несомненно, уроженцы Украинской ССР. Кроме того, в документах имеются указания, что украинцы, высланные на Вымь из Оренбургской области, по месту рождения были с Полтавщины. В Оренбуржье они могли попасть ещё по Столыпинской аграрной реформе. Следует отметить, что численность украинцев и их удельный вес в составе населения поселков были распределены неравномерно. Например, в Усть-Коине они составляли до трети всех жителей, в Ветью – свыше половины,

в других поселках насчитывалось до нескольких десятков семей. Если в начале десятилетия их насчитывалось приблизительно около тысячи человек, то к середине 1930-х гг. – всего около 500 чел. Однако к переписи 1939 г. численность украинцев в районе вновь увеличилась, но уже за счет строителей железной дороги. Общая численность украинцев в районе была выше, чем в любом другом районе Коми АССР.

Представителей белорусской национальности на Выми в начале 1930-х гг. было относительно немного. Это также спецпереселенцы, высланные из различных областей БССР. Их численность и удельный вес в составе населения значительно возросли в связи с упоминавшейся выше высылкой из приграничных областей БССР в 1935 г. Общая численность первой и второй высылки на Выми к переписи 1937 г. достигала тысячи человек. Это больше чем в любом другом районе Коми. В целом в республике белорусов было 2549 чел. Некоторое увеличение их численности в 1937–1939 гг. происходит в основном за счет механического прироста извне и также было связано со строительством железной дороги. Общая численность белорусов в Коми АССР в 1939 г. составляла 3323 чел. [26].

Значительно уменьшилась на Выми за тридцатые годы численность спецпереселенцев татарской, чувашской и мордовской национальностей. Наибольшее количество татарских семей (до 20 семей), родом из Оренбуржья, проживало в начале указанного десятилетия в пос. Усть-Коин. К моменту переписи 1937 г. в поселке осталось всего несколько семей. Некоторые семьи ушли работать в другие поселки и села района, а большая часть умерла или разбежалась. Основная масса чувашских семей на Выми проживала в поселках Мещура и Вильордым (до двух десятков семей). В основном это спецпереселенцы из Самарской области. Их численность за первую половину 1930-х гг. снизилась более чем в два раза.

Представители немецкой национальности (спецпереселенцы из Саратовской области и Республики немцев Поволжья) были размещены в районе в пос. Ветью. Здесь их к началу 1930-х гг. насчитывалось свыше 300 чел. К началу 1936 г. во всех поселках района их осталось 168 чел. Со второй половины тридцатых годов начинается процесс более интенсивного размывания немецкой диаспоры. Но теперь на первый план выходят факторы, связанные не с выживанием в экстремальных условиях существования, а с перемещением их во вновь создаваемые лесозаготовительные поселки и обслуживанием строящейся железнодорожной магистрали. Немцы, более других поселенцев знакомые с эксплуатацией транспортной и сельскохозяйственной техники, были затребованы для работы в механизированных лесопунктах и Верхневымской машинно-тракторной станции.

Удельный вес коренной национальности коми, на фоне произошедших на Выми преобразований, упал к концу 1930-х гг. до 63,4% и продолжал интенсивно снижаться, что уже до начала войны создавало предпосылки для превращения в границах исторического района в национальное меньшинство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Источники и литература

1. Фаузер В. В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 18.
2. Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 2001. Т. IV. Ч. 2. С. 383.
3. НАРК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 984. Л. 71.
4. Фаузер В. В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке. С. 19.
5. Там же. С. 18.
6. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 46.
7. Покаяние. Мартиролог. Т. IV. Ч.2. С. 423, 568, 569.
8. Там же. С. 473.
9. Там же. С. 573.
10. НАРК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 405. Л. 71.
11. Там же. Ф. 794. Оп. 1. Д. 2. Л. 77.
12. Там же. Д. 3. Л. 1.
13. Там же. Д. 1. Л. 1.
14. Там же. Ф. 771. Оп. 1. Л. 2.
15. Там же. Ф. 773. Оп. 1. Д. 7, 8, 9.
16. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми. С. 48.
17. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2508. Л. 65.
18. Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2344. Л. 30.
19. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX в. С. 19.
20. Там же. С. 12.
21. НАРК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 989. Л. 53.
22. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997. С. 160.
23. Там же. С. 108.
24. Там же. С. 113.
25. Покаяние.. Т. IV. Ч. 2. С. 31.
26. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX в..С.21.

Численность калмыков в Омской и Тюменской областях (1944–1959 гг.)

В истории тоталитарного режима СССР одной из ее наиболее трагических страниц является насильственное переселение народов. В этом отношении показательными представляются события, связанные с депортацией и спецпоселением на территории Омской и Тюменской областей калмыков, немногочисленного народа, подвергнутого репрессиям уже на завершающем этапе Великой Отечественной войны. В период с 1934 г. по 1944 г. Тюменская область находилась в составе Омской области. 14 августа 1944 г. из состава Омской области была выделена современная Тюменская область [1]. Именно на эту территорию депортировали самую большую группу калмыцкого населения – более четверти от общего числа спецпереселенцев.

В опубликованной Л.В. Шевелевой в 1995 г. [2] статье утверждается, что на территорию Омской области было выселено 35 000 калмыков, эта же цифра была повторена в монографии В.М. Самосудова (1998 г.) [3], статье Г.Г. Реммель (2000 г.) [4] и диссертации Л.Ф. Гизатуллиной в 2005 г. [5]. Эти данные приводилась в «Плане расселения спецпереселенцев по Красноярскому, Алтайскому краям, Омской и Новосибирской области» [6] и, по всей видимости, некритически были воспроизведены исследователями.

Существуют и другие противоречивые оценки количественных данных. Так, в диссертационном исследовании Е.В. Борковой на одной из страниц утверждается, что «...за период депортации калмыцкого народа [т.е. за 1944–1957 гг.! – А.И.] на территории Северо-Западной Сибири [читай Тюменской области. – А.И.] было расселено 4 700 семей (14 174 человека)» [7]. В то же время в приложениях к работе указывается, что численность калмыков на данной территории к 1 января 1953 г. составляла 10 364 чел., а к 1 апреля 1955 г. сократилась до 6 595 чел. [8].

В другой своей работе Е.В. Боркова говорит о выходе постановления Совмина СССР от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев» и проводившемся в соответствии с ним снятии с учета детей до 16 лет, однако не приводит данных о количестве снятых с учета. Констатируя тенденцию к сокращению численности калмыков на поселении в 1954–1956 гг., исследователь указывает на самовольный их выезд после появления Указа ПВС от 17 марта 1956 г. «О снятии ограничений в правовом положении калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» [9].

Архивист Л.В. Набокова пишет о прибытии в Ханты-Мансийский округ к ноябрю 1944 г. 5 999 калмыков [10], а в заключении, говоря об организованном выезде калмыцкого населения, после восстановления национальной автономии в 1957–1959 гг., ссылается на данные Всесоюзной переписи населения 1959 г., согласно которой на территории округа проживало 195 калмыков [11]. В результате, читатель, не осведомленный о том, что перепись проводилась «по состоянию на 15 января» 1959 г., а организованный выезд калмыков продолжался до декабря этого года [12], может подумать, что на территории округа добровольно осталось почти 200 бывших спецпоселенцев.

Особенностью работ исследователей, изучающих вопросы депортации и спецпоселения на территории Омской и Тюменской областей, является слабое использование в их работах источников, хранящихся в федеральных архивах. Это приводит к тому, что в научных статьях зачастую отсутствуют сводные данные о положении калмыков на всей исследуемой территории в период спецпоселения. В результате некоторые проблемы, связанные с изменением численности депортированных, раскрыты не в полной мере. Эклектичность и отрывочность приводимых авторами сведений мешает нам дать полноценную демографическую характеристику объекта исследования. В данной статье мы представим обобщенные нами сведения о численности калмыцкого населения на территории Омской и Тюменской областей в 1944–1959 гг., которые позволят восполнить этот пробел в историографии.

По нашим подсчетам, на территорию Омской области в январе–марте 1944 г. в организованном порядке прибыло 27 247 чел. [13]. Причиной «живучести» мнения о прибытии на территорию Омской области 35 тыс. калмыков, вероятно, стало то, что существует представление о прибытии в омский регион в марте 1944 г. калмыков из Ростовской области [14]. Однако, как показывает переписка заместителя наркома внутренних дел В.В. Чернышева с руководителями Новосибирского, Омского УНКВД и другими ответственными лицами, 23 марта 1944 г. был утвержден план расселения калмыков в Новосибирской области [15], согласно которому эшелон № СК 445 с 1 166 спецпереселенцами-калмыками 8 апреля прибыл в Новосибирск [16]. Эта группа депортированных оказалась в другой области.

Динамика изменения численности калмыков, находившихся на поселении, реконструирована нами в табл. 1.

* **Иванов Александр Сергеевич** (Сургут) – кандидат исторических наук, преподаватель Сургутского института нефти и газа (филиал Тюменского государственного нефтегазового университета в г. Сургуте), 7live@bk.ru.

Численность спецпереселенцев-калмыков в Омской и Тюменской областях (1945–1956 гг.) [17]

На 1 января:	Всего спецпереселенцев		Из них:		
	Семьи	Кол-во человек	Мужчины	Женщины	Дети (до 16 лет)
	На 1 января 1945 г.				
Омская	3219	9601	3238	1570	4793
Тюменская	4617	13758	2477	5797	5484
Итого:	7836	23359	5715	7367	10277
Всего по СССР	28467	83985	17769	28337	37879
	На 1 января 1946 г.				
Омская	3382	9781	2070	3929	4182
Тюменская	4467	12738	2445	5259	5034
Итого:	7849	22519	4515	9188	9216
Всего по СССР	29034	81958	18563	29541	33854
	На 1 января 1947 г.				
Омская	3530	10260	2302	3708	4250
Тюменская	4277	12290	2413	5011	4866
Итого:	7807	22550	4715	8719	9116
Всего по СССР:	29120	81169	19579	28995	32595
	На 1 января 1948 г.				
Омская	3477	10250	2377	3732	4141
Тюменская	4088	11668	2469	4749	4450
Итого:	7565	21918	4846	8481	8591
Всего по СССР	28349	79517	19752	28497	31268
	На 1 января 1949 г.				
Омская	3278	9732	2632	3736	3364
Тюменская	3386	9596	2533	4070	2993
Итого:	6664	19328	5165	7806	6357
Всего по СССР:	Нет св.	77279	21792	29173	26314
	На 1 января 1950 г.				
Омская	3188	9612	2627	3728	3257
Тюменская	3411	9595	2649	4081	2865
Итого:	6599	19207	12276	7809	6122
Всего по СССР:	Около 28774	77639	23354	29346	25939
	На 1 января 1951 г.				
Омская	3160	9573	Нет св.	Нет св.	Нет св.
Тюменская	3439	9646	Нет св.	Нет св.	Нет св.
Итого:	6599	19219	Нет св.	Нет св.	Нет св.
Всего по СССР:	24989	77943	Нет св.	Нет св.	Нет св.
	На 1 июля 1953 г. [18]				
Омская	3042	9844	6539		3305
Тюменская	3507	10184	6927		3257
Итого:	6549	20028	13466		6562
Всего по СССР:	Нет св.	80372	54222		26150
	На 1 января 1954 г.				
Омская	Нет св.	9913	6687		3226
Тюменская	Нет св.	10224	6962		3262
Итого:	Нет св.	20137	13649		6488
Всего по СССР:	Нет св.	81246	55003		26243
	На 1 января 1955 г. [19]				
Омская	3146	6609	2825	3784	–
Тюменская	3427	6671	2701	3970	–
Итого:	6573	13280	5526	7754	–
Всего по СССР:	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	–
	На 1 января 1956 г.				
Омская	Нет св.	6163	2645	3518	–
Тюменская	Нет св.	6153	2519	3634	–
Итого:	Нет св.	12316	5164	7152	–
Всего по СССР:	Нет св.	52537	Нет св.	Нет св.	–

Выявление общей динамики численности ставит перед исследователем вопросы, связанные с объяснением динамических колебаний численности. При этом нельзя ограничиваться только характеристикой общих повышательных и понижательных трендов. К примеру, уменьшение численности до конца 1940-х гг. (табл. 1.) мы легко можем связать с высокой смертностью среди калмыцкого населения, ведь по общесоюзной статистике смертность калмыков превосходила рождаемость с момента завоза до 1 октября 1948 г. в 6,1 раза [20], а на исследуемой территории только в первый год на поселении умерло около 11% (почти 3 тыс. чел.) от общего числа депортантов, что соответствует средним показателям по Сибири [21]. При таком упрощенном подходе можно упустить тот факт, что уже в период нахождения людей на спецпоселении происходили механические изъятия «спецконтингента» с санкции НКВД/МВД, переводы спецпереселенцев в другие края и области поселения, такое механическое движение, наряду со смертностью, также приводило к снижению численности депортированных. Так, с территории Тюменской области в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 27 января 1948 г. и распоряжением МВД СССР от 7 февраля 1948 г. было отправлено на Сахалин, для работы в рыбном хозяйстве 1630 чел. [22]. Точно также сокращение количества спецпереселенцев-калмыков начиная с 1954 г. являлось отражением тенденции эволюции спецпоселенческого режима в сторону смягчения административных барьеров, а не роста количества летальных исходов. Более того, данные таблиц 1 и 2 за 1953–1956 гг. косвенно свидетельствуют о росте рождаемости среди калмыков в сочетании с начавшимся процессом стихийного возвращения на места выселения. По нашим подсчетам, еще до снятия со спецучета всех калмыков, в ходе отмены ограничений для отдельных возрастных и социальных групп, режимные ограничения были сняты примерно с 7000 чел. Основная масса калмыков (12 000 чел.) была освобождена в 17 марта 1956 г.

Процесс организованного возвращения в Калмыкию и на сопредельные территории был растянут во времени и проходил с весны 1957 г. по декабрь 1959 г. Рассмотреть процесс выезда с точки зрения региона бывшего спецпоселения можно, обратившись к сведениям о численности калмыцкого населения на территории Тюменской области (табл. 2).

Таблица 2

Численность калмыцкого населения в Тюменской области (1956–1958 гг.) [23]

Дата	Численность	
	Количество семей	Количество человек
1 января 1956	2806	9364
1 февраля 1957 г.	2409	8262
1 апреля 1958 г.	1300	4695
15 января 1959 г.	Нет сведений	1340*

Примечание. * В том числе: в Ханты-Мансийском округе 195 чел.; Ямало-Ненецком – 28.

За два года организованного переселения (1957–1958 гг.) с территории Тюменской области выехало 85% бывших спецпереселенцев. В Омской области динамика миграционного процесса была сходной, поскольку количество взрослых спецпереселенцев на 1 января 1956 г. было практически одинаковым (разница в 10 чел.) [24]. По итогам Всесоюзной переписи населения (к 15 января 1959 г.), на Омской земле количество калмыков составляло 1367 чел., на 17 больше, чем в Тюменской области [25].

Динамика возвращения калмыков на родину обобщена нами в сводной табл. 3. Из статистических данных видно, что пик миграционной активности приходится на 1957 г., когда в организованном порядке переселилась самая большая группа калмыков. В 1958 г. количество переселяемых сокращается, переселение проходит более упорядоченно, по отработанной технологии, а 1959 г. можно назвать годом «остаточного» переселения.

Таблица 3 [26]

Переселение калмыцкого населения на территорию Калмыкии [27] (1956–1959 гг. [28])

Период	План (семей)	Переселилось	
		Количество семей	Количество человек
1956 г.	–	420	1265
1957 г.	8000	8905	34255
1958 г.	6000	6734	23719
1959 г.	3000	2099	7220
Вернулось на 1 декабря 1959 г.	17000	18158	72665
Осталось в местах поселения	–	704	
Из них:			
в Омской области	–	62	
в Тюменской области	–	164	

Разница между количеством переселившихся в организованном порядке в 1957–1959 гг. и количеством вернувшихся к 1 декабря 1959 г. показывает, что из 72 000 вернувшихся калмыков более 7000 чел. переселились стихийно, преодолев административные барьеры. На всей исследуемой территории после завершения организованного возвращения калмыцкого населения в родные края осталось около 900 чел. [29].

Приведенные в статье статистические данные отражают общую динамику численности калмыцкого населения в 1944–1959 г. Выявление и структурирование этих данных на макроуровне ставит перед нами задачу изучения миграционных и прочих демографических, социально-экономических процессов на среднем (внутри-областном) и микроуровнях (уровне комендатур). Это позволит объяснить колебания числа спецпереселенцев на отдельных отрезках этого периода времени, понять логику действий репрессивной системы.

Источники и литература

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.). Тюмень, 2003. С. 213–214.
2. Шевелева Л.В. Спецпереселенцы в Омской области: документы «Особой папки» // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск, 1995. С. 243.
3. Самосудов В.М. Исторические этюды о репрессиях в Омском Прииртышье. Омск, 1998. С. 212.
4. Реммель Г.Г. Депортация калмыков в Омскую область // Известия ОГИК музея. 2000. № 8. С. 180.
5. Гизатуллина Л.Ф. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939–1956 годах: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С. 67.
6. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 168–171.
7. Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930–1950-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 109.
8. Там же. С. 116–117, 288.
9. Боркова Е.В. Депортация калмыков в Тюменскую область (1944–1956 гг.) // Вестник ТГПИ. 2004. № 3. С. 142.
10. Набокова Л.В. Пребывание калмыков на спецпоселении в Ханты-Мансийском округе во время и после Великой Отечественной войны // Великий подвиг народа. Воен.-ист. чтения, посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2001. С. 64.
11. Там же. С. 70.
12. Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста, 2007. С. 361.
13. Доклад уполномоченного НКВД СССР подполковника госбезопасности Щекина и заместителя начальника УНКВД Омской области подполковника Шеварова о приеме и расселении спецпереселенцев-калмыков в Омской области // Ссылка калмыков: как это было: Сб. док. и мат-лов. Т. I. Кн. 1. Элиста, 1993. С. 138; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 75.
14. Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 74–75.
15. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 115, 133.
16. Там же. Л. 133.
17. Составлено и подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 141. Л. 240 об., 242, 242 об.; Там же. Д. 313. Л. 14, 15 об. – 16.; Там же. Д. 363. Л. 28, 29 об., 30; Там же. Д. 366. Л. 235, 236 об.–237; Там же. Д. 477. Л. 125, 127, 128; Там же. Д. 480. Л. 142, 144, 146; Там же. Д. 556. Л. 14, 17, 22; Отдел «П» МВД СССР. Сведения о количестве ссыльно-поселенцев, ссыльных, высланных и спецпоселенцев по контингентам, республикам, краям и областям по состоянию на 1 июля 1953 г. // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 848. б/л; 4-й спецотдел МВД СССР. Сведения о количестве спецпоселенцев, ссыльно-поселенцев и ссыльных, состоящих на учете органов МВД по республикам, краям и областям по состоянию на 1 января 1955 г. // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 848. б/л; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 932. Л. 96., 123; Предложение комиссии МВД СССР в ЦК КПСС о снятии с учета спецпоселения калмыков и членов их семей (7 марта 1956 г.) // Ссылка калмыков: как это было: сб. док. и мат-лов. Т. I, кн. 1. Элиста, 1993. С. 235.
18. Графы «мужчин» и «женщин» объединены в графу «взрослых».
19. Дети до 16 лет были сняты с учета спецпоселения в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. № 1439-649 сс «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев» (Приказ министра внутренних дел СССР № 00597 о снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев) (16 июля 1954 г.) // Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Кн. 2. С. 213–214.
20. Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные. Статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5. С. 163.
21. Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 141. Л. 52, 240 об, 242; Там же: Д. 161. Л. 144; Доклад уполномоченного НКВД СССР подполковника госбезопасности Щекина и заместителя начальника УНКВД Омской области подполковника Шеварова о приеме и расселении спецпереселенцев-калмыков в Омской области // Ссылка калмыков: как это было: Сб. док. и мат-лов. Элиста, 1993. Т. I, кн. 1. С. 138; Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 75.
22. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416. Л. 161.
23. Составлено и подсчитано по: ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3105. Л. 109; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566в. Л. 53–73; Сведения о количестве калмыцкого населения, проживающего в Тюменской области (на 1 января 1956 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). Элиста, 2004. С. 60; Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Указ. соч. С. 375.
24. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 932. Л. 96, 123.

25. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566а. Л. 126–132.

26. Составлено и подсчитано по: Информация Калмыцкого обкома КПСС в ЦК КПСС об итогах возвращения населения на территорию республики (21 декабря 1959 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). Элиста, 2004. С. 427–428; Доклад заведующего отделом переселения и оргнабора рабочих Совета Министров Калмыцкой АССР М.С. Харцчаева на заседании коллегии Главного управления переселения и организованного набора рабочих Совета Министров РСФСР «О приеме и трудоустройстве прибывшего калмыцкого населения за три с половиной года 1957–1959 гг. и за первую половину 1960 г.» (июль 1960 г.) // Там же. С. 466; *Убушаев В.Б., Убушаев К.В.* Указ. соч. С. 367, 379.

27. Калмыцкая автономная область Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1958 г. была преобразована в Калмыцкую автономную республику. Тем самым была восстановлена ликвидированная в 1943 г. национальная государственность калмыцкого народа (Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.). Элиста, 2004. С. 296–297.

28. По данным Главного управления переселения и оргнабора при Совмине РСФСР, к февралю 1958 г. в соседние с Калмыцкой областью районы вернулось калмыков: в Астраханскую область – 2269 семей, или 8107 человек, Сталинградскую – 763, или 3114, Ростовскую – 441, или 1905. (Справка Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР о возвращении в Калмыцкую автономную область калмыцкого населения из мест выселения и их трудовом устройстве (не позднее 8 февраля 1958 г.) // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. С. 267). По итогам Всесоюзной переписи населения, на 15 января 1959 г. в Астраханской области проживало 12 687 калмыков; Сталинградской области – 4474; Ростовской области – 2660; Ставропольском крае – 1764 калмыка // Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3. Ч. 1. С. 461.

29. Исходя из расчетной численности семьи в составе четырех человек.

Взаимоотношения между мигрантами и коренным населением на территории Коми АССР в 1930–1950-е гг.

Превращение Коми в результате насильственной миграции в многонациональную республику способствовало появлению проблемы взаимоотношений между мигрантами и коренным населением. Можно выделить несколько моделей взаимоотношений местного населения, спецпереселенцев и заключенных, которые сформировались в 1930–1950-е гг. на территории Республики Коми.

Спецпереселенцы и заключенные, прибывшие в Коми край, оказались в непростом положении: суровый северный климат, тяжелые работы, голод, нехватка жилья, как следствие – высокий уровень заболевания и смертности. Как тем, так и другим первоначально пришлось столкнуться с враждебным отношением к себе со стороны местного населения.

Официальная пропаганда представляла их как врагов народа, преступников, изменников Родины. Соответствующим было и отношение к ним коренного населения. Столкновение культур, жизненных укладов пришлого и местного населения на первоначальном этапе наблюдалось повсеместно. Это выражалось в обоюдном недоверии, злобных насмешках со стороны коренных жителей, праздном любопытстве в отношении организации жизни пришлых. Порой дело доходило до драк, когда уважение к своему этносу со стороны окружающих, например, спецпереселенцам-немцам приходилось доказывать кулаками. Явление такого противостояния между местным и пришлым населением дало основание некоторым исследователям сделать вывод о формировании «разделенного общества» на территории Коми. Например, Ю.П. Шабаев утверждает о культурном дистанцировании двух социальных групп: местного населения и мигрантов-спецпереселенцев и заключенных [1, с. 42–43]. Исследователь подчеркивает, что коми, ставшие в результате насильственной миграции меньшинством в республике, чувствовали потенциальную угрозу своему благополучию со стороны заключенных и спецпереселенцев. За контакты с репрессированными, особенно с немцами, на местных жителей возлагались административные санкции. К тому же постоянно недоодевавшие спецпереселенцы воровали картофель и другие овощи с огородов аборигенов. Эти факторы способствовали формированию своеобразного социального барьера между жителями ГУЛАГа и местным населением [1, с. 42–43].

Представляется, что данный вывод является справедливым только для характеристики первой фазы взаимоотношений между коренными жителями и обитателями лагерей и спецпоселков. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и работу местных жителей в рядах ВОХРа лагерей. Но абсолютизировать такое утверждение и распространять его на длительный период существования спецпереселенцев и заключенных в крае (до середины 1950-х гг.) представляется необоснованным. Хотя определяющим маркером отношений выступало противопоставление «свой – чужой», даже на первоначальном этапе взаимоотношений, отличающемся повышенным уровнем конфликтности, у местного населения не возникало мигрантофобий и этнофобий.

Неблагоприятные внешние условия, в которых оказались мигранты, не ликвидировали традиционный уклад жизни, особенно у спецпереселенцев, которых депортировали целыми семьями, а иногда селами.

Уклад жизни заключенных диктовался лагерными инструкциями. Мы можем говорить о заключенных, лишь как об отдельных носителях определенной этнической либо региональной культуры, которая шире проявилась после освобождения из лагеря. Большинство бывших заключенных по советским законам не имело права менять место жительства (таким образом государство закрепляло кадры на севере). В большей мере о сохранении элементов традиционного уклада жизни мы можем говорить, лишь имея в виду заключенных, содержащихся в сельскохозяйственных отделениях лагерей, где была большая свобода в проявлении национальных хозяйственных традиций.

Вместе с тем в лагерях содержалась научная, художественная, техническая и др. интеллигенция. Представители ее, несмотря на занятость на тяжелых лагерных работах, занимались творчеством и в условиях неволи. Это был сформировавшийся образ жизни и элементы его сохранились в лагере, где создавались произведения высокой культуры.

Обитатели лагерей и спецпоселков должны были участвовать в реализации экономических программ государства. В ходе своей производственной деятельности, в быту они неизбежно сталкивались с местным населением. Чтобы выжить и наладить хозяйство в сложных климатических условиях, приходилось подстраиваться под чужой быт, перенимать опыт местного населения. Шел интенсивный процесс адаптации, который был

* Максимова Любовь Анатольевна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, директор Института истории и права Сыктывкарского государственного университета, lmaks@syktsu.ru.

небезболезненным. Что касается местных жителей, то они, видя нужду и бедствие переселенцев, постепенно проникались к ним сочувствием и старались облегчить их участь. Становилось ясно, что под ярлыком «враги народа», «кулачье» скрываются такие же простые люди, в большинстве своем честные и трудолюбивые. Контакты между пришлым и местным населением становятся более регулярными и доброжелательными, а их уклады жизни мирно сосуществуют.

Спецпереселенцы-немцы, отличающиеся консерватизмом и верностью традициям в быту, любовью к порядку и рачительности, вызывали уважение у местного населения. Начиная обустраивать жизнь на спецпереселении, немцы осуществляли это именно на основе традиционных принципов. Это выражалось в соблюдении немецких национальных праздников, сохранении элементов национального фольклора, употреблении, по возможности, немецкого языка. Воспоминания людей, живших бок о бок с репрессированными немцами, рисуют образ предприимчивых хозяев. Местные жители с интересом знакомятся с новыми формами земледелия, используемыми немцами, с внедрением новых для региона сельскохозяйственных культур, например, помидоров. В одном из поселков немцы посадили яблоневый сад, разводили пчел, установили паровую мельницу. Многие из их опыта перенимаются местным населением. Происходит взаимопроникновение культурных укладов жизни. Многие из спецпереселенцев овладели коми языком, могли на нем не только разговаривать, но и писать. В свою очередь коми изучали другие языки, например, немецкий. Многие коми жители стали называть своих детей именами немцев, которые жили с ними рядом. До сих пор в коми деревнях встречаются Фридрихи, Вальтеры, Марты, Августы, Эрнесты и т. д. Взаимопроникновение культур ярко прослеживается в системе питания: наряду с национальными блюдами на столе спецпоселенцев и русские, и коми. Особенно в тех семьях, где заведовавшая хозяйством была жена из местной среды [2, с. 41].

Схожие процессы происходили с переселенными поляками. Массовые высылки поляков в Коми имели место в феврале, апреле и июне 1940 г. и июне 1941 г. [3, с. 73–94]. Переселение поляков было третьей крупной волной спецпереселения в Коми (первые две в 1930-м и 1931–1932 гг.). Казалось бы, власти могли приобрести опыт и с наименьшими потерями обустроить спецпереселенцев польской национальности на территории республики. Но, видимо, суровая предвоенная ситуация, а потом и начавшаяся война обусловили транспортные, социально-бытовые, производственные трудности польского спецпереселения в Коми. Между тем население, уже имевшее представление о высланных, редко демонстрировало свою настороженность к спецпереселенцам 1940-х гг. Авторы многих мемуаров свидетельствуют о помощи со стороны местных жителей. Н.П. Лаэтина вспоминает о своем отце, работавшем мастером леса у поляков, занятых на лесозаготовках около п. Занулье: «Весной 1940 г. семья поляков по фамилии Глумка, жившая недалеко от нас, совсем изголодалась. Ко мне ходила играть маленькая девочка Стася, мама подкармливала ее. В семье у них было 7 или 8 детей. Старший сын тоже работал в лесу. Отец Чарков П.А. ведал и продовольствием для лесозаготовителей. Видя, что они на грани голодной смерти, он выдал им в мае продовольственный паек за июнь. Но кто-то донес на него. К отцу тут же приехала ревизия, обнаружила у него нарушения, и его осудили на заключение, которое он отбывал в ИТК в Чове. Поляки очень переживали из-за этого, а потом, когда уезжали в Польшу – подарили маме какие-то свои вещи, которые не могли увезти в знак благодарности за доброе дело, которое сделал для них отец» [4].

По возможности, коренное население подкармливало голодных поселенцев, разрешало пользоваться баней. Завязывались тесные контакты на бытовой почве. Особенно часто и тесно общались дети. Пропадало недоверие. Молодежь сходилась на совместные гулянки, где парни-поляки демонстрировали свое умение игры на гармошке и других музыкальных инструментах. Встречались и совместные браки. Девушки – и немки, и польки, – как правило, выходили замуж за мужчин своей национальности, но случалось, что молодые люди брали в жены местных жительниц. Среди немцев это стало частым явлением в 1950-е гг., несмотря на то, что такие браки преследовались комсомольскими и партийными организациями.

Таким образом, выявленные в ходе исследования взаимоотношения между заключенными и местным населением можно разделить на несколько видов: культурные (театральная деятельность, медицина, народное образование, научная деятельность), трудовые (производственные, а также сотрудничество театральных работников, медицинских работников, научных работников), и бытовые, включая те, которые заключаются в помощи местного населения.

Среди бытовых контактов следует выделить торговый обмен между заключенными и вольными людьми из местного населения. Этот обмен происходил обычно на «пяточке» у зоны [5, с. 260], в то время, когда заключенные работали без конвоира или совершали прогулки. Следует отметить, что посредством такого обмена элементы «городской культуры» проникали в сельскую среду. Конечно, в целом этот обмен не играл большой роли в ознакомлении с культурами других народов.

Между тем существовал и другой вид обмена. Интересно, что заключенные делали для местных на заказ мебель, домашнюю деревянную утварь, хотя такая информация официально не отражалась в документах. В обмен жители передавали заключенным продукты домашнего хозяйства: молоко, простоквашу, картофель,

лук, пироги, хлеб и пр. Самое парадоксальное, что такая торговля велась через охранников, шоферов, привозивших продукты для «зоновской» кухни. Велась она нелегально, занимались этим в основном охранники – бывшие заключенные [6, с. 247].

В ряде случаев местные жители укрывали беглых заключенных. При этом можно проследить динамику в зависимости от времени, когда это происходило. В начале 1930-х гг. жители боялись беглецов, которые, по слухам, совершали нападения и ограбления. Напуганные слухами об их коварстве, «деревенские жители с опаской углублялись в лес, боялись оставлять на пожнях косы, котелки, чайники и другие вещи, с вечера закрывали дома на прочные засовы» [7, с. 175]. Более того, «активисты сельского совета, вооруженные охотничьими ружьями, устраивали ночные засады, а иногда ловили измученных скитаниями и голодом истощенных беглецов, получая за это вознаграждение» [7, с. 175]. Власти, чтобы поощрить население охотиться на беглецов, распространяли слухи о якобы совершаемых ими грабежах и убийствах, а бывало, и инсценировали их. «Ловля беглых сделалась для колхозников видом отхожего промысла – премии за «голову» были установлены выше, чем за волков» [8, с. 252]. Следует подчеркнуть, что при этом деформировались традиционная мораль и мировосприятие коми народа, ведь до этого «не убивать в тайге «живое» без надобности» было непреложным жизненным правилом для северных жителей [9, с. 316].

В то же время в 1938–1939 гг. официальная документация сообщает об укрывательстве заключенных местными жителями:

«антисоветский элемент, а иногда по неосознанности и отдельные колхозники способствуют бегству заключенных из лагерей:

- а) указывают пути, удобные для бегства;
- б) закупают краденые вещи и тем самым предоставляют материальную возможность к бегству;
- в) дают приют на ночлег» [10, с. 32].

Однако здесь трудно сказать, какого рода причины побуждали местное население оказывать подобную помощь. Возможно, между ними существовали какие-нибудь родственные связи, либо местные жители помогали заключенным из корысти, либо из жалости и сочувствия к их судьбе. Остается только догадываться о мотивах помощи, так как упоминания о таких случаях как в документах, так и в воспоминаниях единичны. Тем не менее налицо помощь заключенным со стороны местного населения, хотя и следует отметить, что такой вид взаимоотношений является довольно специфичным в условиях лагерной действительности.

Мерой для борьбы с этим явлением была избрана разъяснительная работа среди местных жителей, так как применение репрессий к трудящимся колхозникам в существовавших условиях было нецелесообразно. Информация за последующие годы отсутствует, частично из-за того, что многие документы до сих пор нам недоступны, либо из-за того, что такая информация не всегда отражалась в документах и воспоминаниях, однако ее можно получить из косвенных данных. Так, в 1941 г. из лагерей, расположенных на территории Коми АССР, бежало 2500 заключенных, из которых 465 не были задержаны. По далеко не полным данным, только за два месяца 1942 г. бежало и не разыскано 103 человека [11, с. 98]. Учитывая, что в суровых условиях тайги мог выжить далеко не каждый неместный человек, а тем более заключенный, можно предположить, что часть этих беглецов могла заблудиться в тайге и погибнуть, а части с помощью местных жителей удалось бежать.

В то же время существовали контакты между заключенными из местного населения и заключенными других регионов страны. Заключенные из местных жителей, родившиеся в суровых условиях севера, обладали необходимыми знаниями и опытом, который мог помочь бороться с трудностями, возникавшими в природных условиях края, а также справляться с непривычной для большинства заключенных работой. Так, Л.М. Городин в своих воспоминаниях рассказывает о том, как «местный абориген-коми» обучал их, неместных заключенных, «сплаву леса, сплотке» [12, с. 11]. Л.С. Сафронов, рассказывая об этапировании в Ухтпечлаг, не упускает случая поблагодарить «зекон из местного населения, которые знали, как надо делать из веток более надежные шалаши... и это нас спасало» [13, с. 17]. Другой коми заключенный «знал все законы лесной жизни, в устройстве шалаша, быта... мы ему подчинялись, хотя он был младшим по возрасту» [13, с. 17]. Таким образом, можно сказать, что данная помощь была довольно существенной и способствовала элементарному выживанию в условиях северной тайги.

Следует отметить, что как модели взаимодействия между принимающим социумом, так и сферы соприкосновения основывались на инициативе как коренного, так и пришлого населения. В.И.Коротаев отмечает факт отсутствия специально разработанных программ адаптации мигрантов к экстремальным для них условиям проживания на севере. Кроме того, замечает исследователь, не были разработаны программы и для эффективного диалога между мигрантами и коренным этносом [14, с. 113].

Таким образом, ускоренную социалистическую урбанизацию (в рамках модернизации) не представляется возможным оценить однозначно. С одной стороны, создание городов на севере в 1930–1950-е гг. можно считать определенной фазой в развитии модели государственной регулируемой индустриальной экономики. Согласно

терминологии А.Шубина, в это время произошла смена традиционного общества (модель «становления») индустриальным (модель «пик»). Однако эту общую для всех стран смену стадии поступательного развития СССР проходил со своей скоростью и со своими национальными особенностями. Во-первых, северные территории в СССР начали осваивать раньше. Во-вторых, в отличие от зарубежного Севера, где при освоении доминировал вахтовый метод, в СССР применили всеобщую колонизацию, проведенную за счет массовой принудительной миграции репрессированного населения. Это и обусловило основные особенности урбанизационных процессов и этносоциальной динамики как в теоретической, так и в практической плоскости.

Источники и литература

1. *Шабает Ю.П.* Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского общества // Этнографическое обозрение. 2007. № 5.
2. *Жеребцова И.И.* Репрессированная культура: феномен российских немцев // Страницы истории политических репрессий в Коми АССР (30–50-е гг. 20 в.). Сыктывкар, 2003.
3. *Рогачев М.Б.* Эшелоны идут на север // Покаяние. Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2002. Т. 5.
4. Воспоминания Лаэтиной Н.П. (Из архива автора).
5. *Петкевич Т.В.* Жизнь – сапожок непарный СПб., 1993.
6. *Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее. Дневник-воспоминания. М.; СПб., 1991. Т. 1.
7. *Самсонов В.А.* Жизнь продолжится... Петрозаводск: Изд-во «Карелия», 1990.
8. *Волков О.* Погружение во тьму. М., 2000.
9. *Макимова Л.А.* Влияние насильственной миграции 1930–1950-х годов на местное население Республики Коми // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Материалы Международной научной конференции (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000.
10. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Архивохранилище 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 458. Л. 32.
11. *Полещиков В.М.* За семью печатями. Из архива КГБ. Сыктывкар, 1995.
12. *Городин Л.М.* Рассказы, воспоминания (1962–1977 гг.) // НАРК. Архивохранилище 2. Ф. 3800. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.
13. *Сафронов Л.С.* Дорога во мраке без надежды на просвет // НАРК. Архивохранилище 2. Ф. 3800. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.
14. *Кортаев В.И.* На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века. Архангельск: ПоморГУ, 2004.

Захоронения военнопленных и интернированных Второй мировой войны: региональный аспект**

В годы Второй мировой войны Европейский Север стал одним из регионов бывшего Советского Союза, где была сформирована сеть учреждений для содержания обезоруженных неприятельских солдат и офицеров. Для военнослужащих противника плен стал расплатой за участие в преступной и захватнической войне. Десятки тысяч из них провели за колючей проволокой лагерей долгие годы и месяцы. Большинство дождалось возвращения на родину. Однако счастливая участь освобождения из неволи ожидала не всех. Свыше восьми тысяч иностранцев навечно остались лежать в северной земле. В данной статье речь пойдет о судьбе захоронений военнопленных и интернированных на территории Архангельской и Вологодской областей.

Женевская конвенция «О содержании военнопленных» от 27 июля 1929 г. предписывала производить погребение лиц, умерших в плену, с честью и достоинством. О необходимости уважительности отношения к могилам скончавшихся солдат неприятеля также говорилось в Положении о военнопленных, принятом Советом народных комиссаров СССР 1 июля 1941 г. Более детально порядок погребения военнопленных разъяснялся директивами, инструкциями и распоряжениями НКВД–МВД. Вводилась унифицированная форма кладбищ: земельный участок, отведенный под захоронение, разбивался на квадраты по 25 могил каждый. Погребение умерших следовало производить в индивидуальных могилах: рядовых хоронить в нижнем белье, офицеров – в белье и верхней одежде. На каждой могиле предлагалось установить опознавательный знак – столбик с прибитой к нему дощечкой. На эту дощечку несмываемой краской должен был наноситься номер могилы [1].

Несмотря на требования инструкций и директив в организации погребений иностранных военнопленных допускались серьезные нарушения. В связи с большой смертностью в 1944–1945 гг. лагерями и спецгоспиталями производились групповые погребения (до 30 чел. в одну могилу). Процедура похорон, по свидетельствам бывших военнопленных и сотрудников лагерей, выглядела следующим образом. К ноге умершего привязывалась деревянная бирка, на которой указывались фамилия, имя, отчество военнопленного, год его рождения и дата смерти [2]. Из числа военнопленных в каждом лагере формировалась похоронная команда, которая работала ночью, а днем отдыхала. Утверждался маршрут движения похоронной процессии, проходивший наиболее малонаселенными местами, отклонение от которого строго запрещалось [3]. Большие трудности возникали с погребением умерших в зимний период. В процессе рытья могилы несколько могильщиков ломом долбили землю, другие откидывали ее лопатами. Иногда производился подрыв мерзлого грунта толом. С наступлением весны такие могилы оседали, образуя провалы, которые заполнялись водой.

Попытки привести захоронения военнопленных в порядок стали предприниматься только после окончания Великой Отечественной войны. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР в декабре 1945 г. обязало территориальные органы провести полный учет и проверку всех существующих кладбищ военнопленных, представить планы захоронений и впредь уделять состоянию кладбищ повышенное внимание [4]. Выехавшие на места дислокации кладбищ проверочные комиссии обнаружили полнейшее нарушение ведомственных инструкций. Так, в акте обследования кладбища лагерного отделения № 5 (ст. Шеломово) лагеря № 158 указывалось: «Кладбищенский участок на квадраты не разбит, находится в болотистой местности. Могилы не имеют опознавательных знаков и расположены в разброс. Участок не огорожен. Захоронения производились по несколько трупов в могилу. Кладбищенской книги нет» [5].

Определенные сложности возникали с выделением земельных участков под кладбища, что утверждалось специальным решением правительства СССР. Незаконное занятие земель под кладбище не раз служило поводом для конфликтов между лагерями и местными властями. Так, осенью 1948 г. командованием Вытегорского лагеря № 211 без разрешения исполкома Вытегорского райсовета депутатов трудящихся у колхоза им. В.М. Молотова под кладбище было отведено полтора гектара земли, чем был нарушен устав сельхозартели. В результате исполком райсовета потребовал от начальника лагеря полковника Г.И. Сырмы снять заграждение, возведенное вокруг занятого участка, захороненные трупы выкопать, а землю вернуть колхозу [6]. Впрочем, подобный казус не был исключением. Весной 1946 г. к эксгумации останков 19 бывших солдат вермахта пришлось прибегнуть сотрудникам спецгоспиталя № 3739 (г. Вологда), которые получили указание о переносе кладбища военнопленных на новое место [7].

* **Кузьминых Александр Леонидович** (Вологда) – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России, istorial@mail.ru.

** Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-01-00344а.

В связи с приближением срока окончания репатриации военнопленных МВД СССР 24 мая 1949 г. обязало начальников лагерей и спецгоспиталей привести кладбища в надлежащий порядок и сдать их для дальнейшего надзора местным органам внутренних дел [8]. В обязательном порядке сдаче в архивы подлежали копии решений местных органов власти на занятые под кладбища участки земли, схемы кладбищ, легенды (описание местности, где расположено кладбище), списки умерших военнопленных, акты на закрытие кладбищ. Заняться обустройством кладбищ погибших неприятельских солдат обязывало международное законодательство, а именно, Женевская конвенция 1949 г. о военнопленных, к ратификации которой готовился СССР. В инструкции Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР № 8/2/3196 от 12 мая 1949 г. говорилось: «В связи с тем, что надлежащее сохранение кладбищ военнопленных предусмотрено действующими международными конвенциями о военнопленных, не исключена возможность разрешения правительственными органами посещения отдельных кладбищ военнопленных представителями иностранных государств» [9].

В течение лета 1949 г. большинство кладбищ военнопленных в Архангельской области было восстановлено руками заключенных областного УИТЛК, в Вологодской области – силами военнопленных лагеря № 437. Заново насыпались могильные холмики, расчищались межмогильные дорожки, на могилах устанавливались столбики с номерами могил и квадратов. Территория кладбищ была обнесена забором из жердей или колючей проволоки, а охрана возложена на сторожей из числа местных жителей [10]. Всего к 1950 г. на учете УМВД Архангельской и Вологодской областей состояло 27 кладбищ военнопленных и интернированных, хотя фактически их существовало не менее 38.

В течение лета 1959 г. была проведена очередная инвентаризация кладбищ, по итогам которой было решено оставить на централизованном учете МВД лишь 11 массовых захоронений. Однако уже через год ввиду ограниченного финансирования были оставлены под надзором только шесть кладбищ, находившихся под Архангельском, Череповцом, Вологодой, Грязовцем и Великим Устюгом. Из них по решению руководства МВД в официальный перечень кладбищ для передачи правительству ГДР были включены некрополи у поселков имени Ворошилова и Новая деревня под Архангельском [11]. За каждым кладбищем закреплялся сторож, который охранял и очищал территорию от мусора, вел текущий ремонт, за что получал зарплату 200 руб. в месяц.

Остальные же кладбища было решено ликвидировать «по причине их несоответствия требованиям международных конвенций» [12]. Ликвидация подразумевала под собой сравнение могильных холмиков, уничтожение опознавательных знаков и ограждений, а также возврат земельных участков местным органам власти. Впрочем, как указывалось в актах проверок, кладбища, предназначенные к ликвидации, «совершенно разрушились от давности, и установить их местонахождение на местности не представляется возможным» [13]. Ведомственные чиновники просто осматривали места дислокации захоронений и констатировали факт их полного разрушения. На территории Архангельской области «принудительно» было ликвидировано только кладбище бывшего лагеря № 224, которое располагалось около ст. Шангалы. Уничтожение могильных холмиков, ограды и опознавательных знаков было поручено сторожу кладбища П.М. Козлову [14].

Маховик уничтожения не миновал и уцелевшие захоронения иностранных военнопленных. В мае 1960 г. в связи со строительством коллектора сточных вод Соломбальского целлюлозного комбината было уничтожено кладбище у пос. Новая деревня. Заместитель начальника Главного управления мест заключения МВД СССР полковник Буланов инструктировал сотрудников: «Работы по ликвидации внешних признаков этого кладбища целесообразно произвести таким образом, чтобы его ликвидация не производилась демонстративно» [15]. Одновременно была снята охрана кладбища у поселка имени Ворошилова. К 1962 г. территория кладбища заросла кустарником, могильные холмики сгладились, ограждения наполовину были разрушены. На ходатайство об окончательной ликвидации кладбища заместитель начальника ГУМЗ Министерства охраны общественного порядка РСФСР отвечал: «кладбище... оставьте в таком состоянии, в каком оно находится в настоящее время. Выделение денег на его содержание или его ликвидация производиться не будут». Формула «оставить в прежнем состоянии» работала безотказно. В мае 1975 г. исполняющий обязанности начальника УВД Архангельского облисполкома В.Н. Вдовин сообщал заместителю начальника Главного управления исправительно-трудовых учреждений МВД СССР генерал-майору внутренней службы Ф.Т. Кузнецову: «...территория кладбища стала труднопроходимой, наполовину залита грунтовыми водами, где растет осока и хвощ. Восстановить кладбище невозможно» [16]. К 1975 г. были сняты с учета кладбища военнопленных под Череповцом, Грязовцем и Вологодой. Если на территории первых двух производились погребения советских граждан, то последнее было засыпано многометровым слоем земли и торфа.

В середине 1980-х гг., в самом начале перестройки, по решению Совета Министров СССР прорабатывался вопрос о передаче ряду государств сведений о кладбищах военнопленных. В связи с предполагаемым разрешением посещения мест захоронений военнопленных делегациями иностранных государств местным органам внутренних дел было поручено обследовать территории кладбищ, произвести их благоустройство и фотографирование, а также завести книги отзывов о посещении кладбищ. На места были высланы «Рекомендации по

организации посещения иностранными гражданами кладбищ военнопленных и интернированных лиц». Однако посещение иностранцами захоронений своих соотечественников так и не состоялось: очередное обследование мест погребения военнопленных и интернированных на территории Архангельской и Вологодской областей в августе 1986 г. показало, что они полностью разрушены. Информирование иностранных государств о таком положении было признано нецелесообразным.

Точкой отсчета работы по поиску и благоустройству кладбищ военнопленных стало заключение 16 декабря 1992 г. российско-германского соглашения «Об уходе за военными могилами в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии». Стороны обязались «обеспечивать защиту военных могил и вечный покой погибших в войнах каждой из сторон в своем государстве». Согласно достигнутой договоренности финансирование работ по восстановлению немецких кладбищ взяла на себя немецкая сторона. Одновременно были заключены аналогичные соглашения между Россией и Италией, Венгрией, Польшей, Финляндией, Японией. Они предусматривали идентификацию мест захоронений, составление списков погибших, облегченный режим посещения могил родными и близкими.

На основании постановлений Правительства Российской Федерации № 1026 от 23 октября 1995 г., № 33 от 13 января 1996 г., № 1397 от 23 ноября 1996 г., № 16154 от 24 сентября 2010 г. работа по поиску и восстановлению кладбищ возложена на Ассоциацию международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы». Последняя осуществляет поиск, систематизацию и передачу иностранным партнерам данных о судьбе иностранных подданных, погибших в СССР; проводит эксгумацию, перезахоронение и передачу останков для погребения на родине; оказывает помощь родственникам в розыске и посещении мест захоронения. Сотрудниками «Военных мемориалов» выявлена и передана германской стороне информация о судьбе и местах погребения 400 тыс. немецких военнослужащих. На территории 32 субъектов Российской Федерации реконструированы более 100 немецких воинских кладбищ (в том числе 19 сборных) [17]. Значительный объем работ выполнен по соглашению с Правительством Венгерской Республики. В частности, создана база данных на 66 тыс. умерших венгерских военнопленных и интернированных, установлено 370 памятных знаков на местах захоронения в 46 регионах России [18].

Необходимо отметить, что помимо Ассоциации «Военные мемориалы» на территории России осуществляют поисковую деятельность иностранные военно-мемориальные объединения, например, «Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями». В 1999 г. Народный Союз выступил с инициативой восстановления кладбища военнопленных в окрестностях г. Новодвинска. В феврале 2002 г. город посетил представитель организации Э. Петрикевич [19]. С городской администрацией была достигнута договоренность о создании сборного некрополя для перезахоронения останков военнопленных, умерших в Архангельской области. При этом немецкая сторона заявила о готовности взять на себя все финансовые расходы [20]. Однако никаких практических шагов для реализации этого решения так и не было сделано.

25 августа 1992 г. на кладбище г. Череповца при поддержке городских властей был установлен памятник-мемориал погибшим финским военнопленным. Венки к монументу возложили представители Союза бывших финских военнопленных. С тех пор посещение финскими гражданами могил своих соотечественников на вологодской земле стало традицией [21]. В 2000–2007 гг. по инициативе Правительства Венгерской Республики в окрестностях городов Архангельска, Вологды, Череповца, Сокола, Грязовца, поселков Вожега и Чагода, деревень Талица и Веретье были установлены гранитные плиты с именами умерших венгерских военнопленных. В 2006 г. мемориальный крест памяти немецких военнопленных, умерших на территории Вологодской и Костромской областей, появился на городском кладбище Череповца. Местные власти и ветеранские организации к установлению мемориальных знаков бывшим военнослужащим противника отнеслись с пониманием, исходя из того, что аналогичные мероприятия по уходу за могилами советских воинов проводятся за рубежом [22].

Большая работа по изучению истории мест погребений иностранных военнопленных и интернированных на Европейском Севере России проводится Международным обществом «Русский плен». На настоящий момент на территории Архангельской и Вологодской областей установлено местонахождение 42 массовых и одиночных захоронений военнопленных и интернированных граждан, на которых погребено свыше 8,5 тыс. чел. На территории Архангельской области (в современных границах) захоронения военнопленных расположены в следующих пунктах: г. Архангельск (погребено 662 чел.), г. Новодвинск (369 чел.), д. Усть-Канза Красноборского района (14 чел.), г. Северодвинск (277 чел.), ст. Ломовое Плесецкого района (10 чел.), ст. Шангалы Устьянского района (218 чел.), ст. Реваж Котласского района (39 чел.), г. Вельск (13 чел.), ст. Кизема Устьянского района (34 чел.), г. Нянда (14 чел.), ст. Кулой Вельского района (5 чел.), г. Котлас (число погребенных не установлено), пос. Березовый Котласского района (число погребенных не установлено), дер. Монастырская Пашня Красноборского района (1 чел.).

Дислокация захоронений и количество погребенных на них военнопленных и интернированных на территории Вологодской области выглядят следующим образом: г. Череповец (4436 чел.), дер. Углы Череповецкого района (464 чел.), пос. Вожега (371 чел.), пос. Печаткино (297 чел.), ст. Сенгос Великоустюгского района (249 чел.),

г. Сокол (204 чел.), г. Вологда (155 чел.), пос. Чагода (107 чел.), дер. Корнильево Грязовецкого района (105 чел.), ст. Ломоватка Великоустюгского района (102 чел.), г. Бабаево (32 чел.), дер. Сойволовская Череповецкого района (30 чел.), пос. Монза Грязовецкого района (29 чел.), ст. Шеломово Череповецкого района (29 чел.), пос. Бараново Чагодощенского района (26 чел.), г. Грязовец (19 чел.), дер. Устье Кирилловского района (19 чел.), пос. Шексна (16 чел.), г. Устюжна (11 чел.), пос. Суда Череповецкого района (11 чел.), дер. Ребово Вытегорского района (4 чел.), ст. Кадниковский разъезд Вожегодского района (3 чел.), ст. Лежа Грязовецкого района (2 чел.), ст. Явенга Вожегодского района (2 чел.), ст. Волонга Харовского района (2 чел.), пос. Кувшиново Вологодского района (2 чел.). Кроме того, 196 военнопленных, содержащихся в 7-м лаготделении лагеря № 158, погребены на ст. Шарья Костромской области.

Членами общества «Русский плен» и родственниками военнопленных осуществляется уход за могилами узников минувшей войны. В июле 2006 г. на личные средства и по инициативе гражданина ФРГ Р. Хаммершмидта было приведено в порядок кладбище военнопленных в пос. Вожега. В августе 2008 г. произведена расчистка территории кладбища у дер. Сойволовская Череповецкого района. Вся работа осуществляется на добровольных началах. Ежегодно в адрес общества поступают письма и обращения от родственников военнопленных с просьбами помочь в установлении места погребения того или иного лица.

Одним из результатов деятельности общества стала публикация в 2009 г. книги-мемориала «Теперь я прибыл на край света» [23]. В ней содержатся сведения о 6735 военнопленных и интернированных, умерших на территории Вологодской области. В письме на имя координатора общества «Русский плен» А.Б. Сычева посол Федеративной Республики Германии Вальтер Юрген Шмидт отмечал: «История иностранных военнопленных в СССР во время Второй мировой войны не может быть предана забвению. Поэтому Вы как координатор Международного общества «Русский плен» и Ваши соавторы по этой книге проводите историко-просветительскую работу, значение которой невозможно переоценить».

Необходимо отметить, что работа по поиску и восстановлению кладбищ военнопленных на Европейском Севере России находится в начальном этапе. Исследователям еще предстоит создать полный банк данных по военнопленным и интернированным лицам, погибшим в регионе, выявить на основании архивных документов места погребения узников войны, содействовать установлению связей с российскими и зарубежными общественными организациями, занимающимися восстановлением и сохранением воинских захоронений. Уход за кладбищами военнопленных необходимо рассматривать как сохранение памяти о жертвах Второй мировой войны, как напоминание живым о недавнем прошлом, как попытку предотвратить возможность новых вооруженных конфликтов и рост насилия в современном мире.

Источники и литература

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. Документы и материалы. М., 2000. С. 462–463.
2. Архив Управления Министерства внутренних дел РФ по Архангельской области (далее – архив УМВД РФ по АО). Ф. 50. Д. 93а. Л. 18 об.
3. *Dehnel R.* Deutsche Kriegsgefangene im Gebiet Wologda 1942–1949. Hamburg, 1995. S. 24; Архив Управления Министерства внутренних дел РФ по Вологодской области (далее – архив УМВД России по ВО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 409. Л. 44.
4. Архив УМВД РФ по АО. Ф. 50. Д. 93а. Л. 1–1 об.
5. Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 76. Л. 26.
6. Там же. Л. 276–279.
7. Там же. Д. 405. Л. 2.
8. Там же. Д. 77. Л. 314.
9. Архив УМВД РФ по АО. Ф. 50. Д. 93а. Л. 5; Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.
10. Архив УМВД РФ по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 362. Л. 87–88.
11. Архив УМВД РФ по АО. Ф. 50. Документы и переписка по приведению в порядок кладбищ интернированных и военнопленных за 1957–1960 гг. Л. 36–38.
12. Там же. Л. 53, 66.
13. Там же. Л. 52.
14. Там же. Л. 63.
15. Там же. Л. 87–89.
16. Там же. Дело с материалами обследований кладбища военнопленных в пос. Ворошиловское. Л. 18.
17. URL: <http://voennie-memorialy.ru/site/10> (дата обращения – 29.11.2010).
18. URL: <http://voennie-memorialy.ru/site/13> (дата обращения – 29.01.2011).
19. Мы не хотим задевать чувства русских людей // Троицкий проспект. Архангельск, 2002. 19 февраля. С. 4.
20. *Фасонов П.* Забытый погост // Бумажник. 2002. 6 июля. С. 6.
21. Голос Череповца. 2002. 3 сентября. С. 21; Премьер. 2001. 20–26 июня.
22. *Стариков Е.* Где поставить памятник? // Вологодские новости. 2002. 12–18 сентября. С. 11; *Андреев В.* «Северсталь» на немецких костях // АиФ-Вологда. 2006. № 19. С. 2.
23. *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* «Теперь я прибыл на край света...». Т. 2: Иностранные военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. Вологда, 2009.

Демографическая история Якутии. XX век

В XX веке произошли значительные изменения в народонаселении Якутии, выразившиеся в серьезной трансформации её численности, структуры и состава. Основанием этих изменений, безусловно, послужили перемены, связанные с социалистической революцией 1917 г. Поэтому этапы демографической истории Якутии могут состоять из досоветского (1900–1917 гг.), советского (1917–1991 гг.) и постсоветского (с 1991 г. и по настоящее время) периодов.

Вышеуказанные периоды основных этапов демографической истории Якутии, в принципе (с небольшими сдвигами), совпадают во времени с переписями населения. Поэтому, с учетом проводимых переписей населения, демографическую историю Якутии можно разделить на такие периоды: досоветский – 1897–1917 гг., советский – 1917–1989 гг. и постсоветский – начиная с 1989 г. и по настоящее время.

Рассмотрим основные этапы развития населения Якутии по табл. 1.

Таблица 1

*Динамика численности населения Якутии в 1917–2002 гг. (по данным переписей населения)**

Год	Население, чел.	В том числе		Доля в общей численности	
		Городское	Сельское	Городское	Сельское
1917	264 136	11 497	252 639	4.4	95.6
1926	289 085	15 277	273 808	5.3	94.7
1939	413 198	111 548	301 650	27.0	73.0
1959	487 343	239 411	247 932	49.1	50.9
1970	664.1 тыс.	374.5	289.6	56.4	43.6
1979	851.8 тыс.	522.0	329.9	61.3	38.7
1989	1094.1 тыс.	732.0	362.1	66.9	33.1
2002	949 280	609 999	339 281	64.3	35.7
2010	958,3	614,3	344,0	64,1	35,9

* Таблица составлена по: *Материалы переписей населения; Государственная статистика в Республике Саха (Якутия) (1853–2003 гг.). Якутск: Офсет, 2003; Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия). Якутск: Изд-во «Якутский край», 2011. С. 56.*

Численность населения с 1917 по 2002 г. (за 85 лет, так как в этой статье мы ограничиваемся рамками столетия) выросла с 264 136 до 949 280, что составило прирост в 3,6 раза или на 685 144 чел. Наибольшего значения – более миллиона человек, республика достигла в 1989 г. в составе СССР [1]. Спад численности в последние десятилетия характеризует кризисный период, в который вступила страна в 1990-е гг. Если сравнить данные переписи 1917 и 1989 гг., то рост численности жителей Якутии будет выше – в 4,1 раза.

Резко выросла доля городских жителей – с 4,4 до 64,3%, тогда как удельный вес сельского сокращался – с 95,6 до 35,7%, что ярко свидетельствует о кардинальных изменениях в составе населения Якутии за сравнительно короткий срок – 85 лет. Если сопоставить показатели по городу (в абс. цифрах, чел.), то за это время прирост произошел в 53,1 раза, а по селу – в 1,3 раза. Особенно быстрый рост числа горожан приходился на период с 1926 по 1959 г. (за 33 года) – в 15,7 раза. Это было основной тенденцией развития городов в советское время, что связывалось с необходимостью развития объектов промышленных разработок и связанного с ним механического притока людей на заработки, а также политикой государства, где количество образованных городов и численность городского населения должны были показать всему миру мобильность и эффективность индустриализации, социалистического строительства [2]. Например, в республике только с 1926 по 1940 г. появились г.Алдан и восемнадцать поселков городского типа [3].

Итак, динамика численности якутян прослеживается почти на всем протяжении прошлого столетия. Однако в демографической истории республики наблюдаются и кризисные периоды, связанные с процессами коллективизации, поселкования, гражданской войной, а также – Великой Отечественной войной. Последнее испытание оказалось более тяжелым, с далеко идущими негативными последствиями.

* Сивцева Саассылана Иннокентьевна (Якутск) – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Северо-Восточного федерального университета имени М.К.Аммосова, sivlana@list.ru.

Рассмотрим, как повлияли события 1920–1930-х гг. на демографическую ситуацию в Якутии.

Гражданская война негативным образом повлияла на состояние численности населения, естественное движение. В 1924–1926 гг. родилось 30 441, а умерло 29 129 чел. (по неполным данным, по Якутскому, Вилюйскому, Олекминскому округам, без учета городского населения).

Бедственное положение людей раскрывается в документах тех лет: «Алданский наслег Таттинского улуса... с первых же дней повстанческого движения и в течение всего периода гражданской войны был объектом разорения как белыми отрядами, так и красными. Сумма расходов, понесенных Алданским наслегом выразилась в 2 099 руб. 10 коп. в золотых рублях... Без того малочисленное население наслега, терроризируемое вооруженными отрядами, в большинстве своем переехало в другие населенные пункты, вплоть до Охотска. Отсутствие рабочих рук (270 чел.), упадок скотоводства и других промыслов сказались на бедственном положении наслега... Отсутствие рабочего скота привело к недосеву хлебов. Притом, весь посеянный хлеб 1923 г. пострадал от заморозков. Полный недород трав только усугубил положение населения данного наслега. Поэтому летом и осенью 1923 г. жители наслега переместились в центральные улусы для прокорма скота...» [4].

Такая ситуация была характерна для множества наслегов Якутии, когда миграция внутри республики, естественная убыль населения приводили к сокращению численности жителей, особенно в сельской местности.

Советская власть почти сразу (в Якутии еще шла гражданская война) стала интересоваться мерами по улучшению качества жизни людей, преодолением высокой смертности среди коренного населения. И выводы комиссий по этому поводу сводились к тому, что главным источником неблагополучия в этой сфере являются юрты как место традиционного проживания коренных жителей. Юрты были обустроены так, что люди фактически жили под одной крышей со скотом, огораживаясь тонкой перегородкой. Только таким способом в лютые продолжительные (сентябрь–апрель) холода можно было согреться и найти легкий способ пропитания, когда скот здесь же давал и молоко, и мясо. Надо ли говорить, что антисанитария в таком случае была нормой, от которой, прежде всего, страдали малолетние дети (младенческая смертность была очень высокой).

Как отмечается в аналитической записке от 1928/29 гг., 78% всего населения Якутии проживало вместе со скотом (подсчет не точный, по выборочному методу). Если всего по республике было 67 009 хозяйств, то из них хозяйств с отделенным хотоном насчитывалось 14 766 или 22%, а с неотделенным хотоном – 52 243 или 78%. Исходя из данных обследующих отрядов и некоторых данных работ академических отрядов хозяйства подразделялись на: бедняцкие – 28 080 (54%), середняцкие – 21 320 (41%), зажиточные – 2 600 (5%). Таким образом, отделению от хотонов подлежали до 50 тысяч бедняцких и середняцких хозяйств [5].

К тому же, если до революции жители края вели традиционный образ жизни, занимались скотоводством, жили по аласам (типичное для равнинной Якутии геологическое образование. Алас представляет собой вытянутую с севера на юг пологосклонную и плоскодонную ложбину овальной формы диаметром до нескольких километров и глубиной до 30 метров. Образуется при вытаивании подземных льдов. Низина аласа обычно покрыта заболоченным озером, а склоны – лугово-степной растительностью. Сухие ареалы аласа обычно используются в качестве сельскохозяйственных угодий. Как правило, одна-две семьи могли проживать в одном аласе. Расстояние между такими поселениями составляло от нескольких километров до нескольких сот километров), то с 1920-х гг., с кардинальными изменениями форм расселения населения, жизни, быта и труда подверглась трансформации и структура населения. Население Якутии переселилось с аласов в поселки (в 1930-е гг.), стало заниматься организованным коллективным трудом (преимущественно – скотоводством, так как тяжелые условия Севера не позволяли эффективно заниматься земледелием) в колхозах, пользоваться медицинской помощью, получать образование и участвовать в культурных мероприятиях.

Проведенное поселкование, смена типа жилья (отделение хотона от юрты, строительство домов с деревянными полами, застекленными окнами, печью) должны были положительно сказаться на естественном движении населения. Но произошло это не сразу.

Начавшаяся Великая Отечественная война резко изменила жизненные приоритеты. Все усилия населения страны сосредоточились на борьбе за победоносное завершение войны, экономика всех регионов работала на Победу. Вполне естественно, что Якутская АССР обязана была не только поставлять на фронт продовольствие, одежду, пополнять золотовалютные запасы страны, но и обеспечивать свои нужды, а значит – обеспечивать потребности своих жителей. Но присущие ей тяжелые природные, географические, экономические и исторические условия поставили на грань вымирания её жителей.

Притом, командно-административная система управления страной и регионами в чрезвычайных условиях войны усугубила положение населения, выявила слабые места в экономике республики. Руководство республики не смогло в должной степени понять, оценить всю сложность продовольственной ситуации и принять меры по облегчению материального, продовольственного положения людей.

Накануне войны, в 1939–1941 гг., в Якутии провели сплошную коллективизацию (если в 1938 г. было зафиксировано коллективизированных 70,9% хозяйств, то в 1941 г. – 96,6% [6]), фактически «дообобществление»

(по сути – сплошная коллективизация или «вторая волна» коллективизации) всего скота, находящегося в личном пользовании колхозников, что резко подорвало продовольственное благополучие крестьян, единственным доходом которого в условиях традиционного хозяйствования в Якутии был скот и продукты животноводства (для якутов-скотоводов остаться без скота было равносильно тому, что остаться русским крестьянам-землепашцам без земли).

Разразившийся в Якутии неурожай, засуха 1939–1942 гг. только усугубили создавшуюся ситуацию с продовольствием [7]. Как колхозный, так и скот, находящийся в личном пользовании у колхозников нечем было кормить (травы и сена было очень мало). Численность поголовья общественного скота, умирающего от голода (так как забивать его не разрешалось) в течение всех военных лет, восстанавливали за счет так называемой «покупки» скота, имеющегося у колхозников в личном пользовании (который также нельзя было забивать, если колхоз считался убыточным – а таковых было подавляющее большинство) [8].

Рассмотрим демографическую ситуацию, сложившуюся в Якутии в 1941–1945 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика естественного движения населения Якутии. 1941–1945 гг.*

Годы	Родилось		Умерло		Прирост	
	Всего	На 1000 чел.	Всего	На 1000 чел.	Всего	На 1000 чел.
1941	14 756	35.3	15 717	37.7	- 961	- 2.4
1942	10 535	25.6	18 770	45.6	- 8 235	- 20.0
1943	6 465	17.0	16 040	42.0	- 9 575	- 25.0
1944	8 332	23.2	8 435	23.5	- 103	- 0.3
1945	11 296	31.4	6 294	17.5	5 002	+ 13.9

*Таблица составлена по: Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа. Новосибирск: Наука, 1985. С. 273; Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2: Трудящиеся Якутии в тылу. Якутск: Кн.изд-во, 1992. С. 310, 311; Филиал Национального архива Республики Саха (Якутия). Ф. 3. Оп. 71. Д. 107. Л. 17; Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РС(Я). Отдел населения.

Естественный прирост населения в течение почти всех военных лет имел отрицательную величину, за исключением 1945 г. Притом, 1942 и 1943 гг. были наиболее неблагоприятными, с очень высоким уровнем смертности и низкой рождаемостью.

По сравнению с уровнем смертности тылового населения Сибири, Урала, РСФСР, жители Якутии переживали значительно высокую смертность: в Якутии она была выше в 1.9 раза смертности в Сибири, в 1.9 раза выше смертности на Урале, в 2.2 раза выше смертности в РСФСР (по неполным данным) [9] (табл. 3).

Таблица 3

Состояние смертности тылового населения Сибири, Урала, РСФСР и Якутии в 1941–1945 гг., ‰*

Годы	Сибирь	Урал	РСФСР	Якутия
1941	21.2	22.8	–	37.7
1942	26.0	26.0	–	45.6
1943	18.4	17.6	16.5	42.0
1944	12.9	17.9	15.1	23.5
1945	9.9	10.5	14.1	17.5

*Таблица составлена по: Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959. С. 96, 97; Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 158, 159; Архив Территориального органа ФСГС по Республике Саха (Якутия). Ф. 70. Оп. 1. Д. 34. Л. 260–263; Территориальный орган ФСГС по Республике Саха (Якутия). Отдел населения; Петров Д.Д. Указ. соч. С. 299.

После Великой Отечественной войны положение якутян несколько стабилизировалось. В сельской же местности, благодаря приезду с проверкой в октябре 1942 г. группы руководящих работников Наркомзема, Наркомздрава и Наркомфина РСФСР во главе с заместителем председателя СНК РСФСР А.Суховым [10] (к сожалению, полностью инициалов нам неизвестно), продовольственное положение сельчан постепенно, уже с 1943 г., стало меняться к лучшему. А урожай 1943 г., несомненно, повысил уровень жизни людей.

Однако все послевоенное десятилетие Республика Саха (Якутия), так же как и все регионы страны, испытывала немалые трудности по восстановлению экономики, уровня жизни населения.

Негативные аспекты в демографии прослеживаются в следующих данных переписей 1939 и 1959 гг. Численность населения Сунтарского улуса (района) в 1959 г. составила 79,6% от числа жителей 1939 г., Чурапчинского – 78,5, Таттинского – 84,4, Горного – 84,5, Верхне-Вилуйского – 85,8, Вилуйского – 87,5%. Состав населения по полу характеризует имеющиеся диспропорции. Так, по данным переписи 1959 г. на 100 мужчин

приходилось женщин: в Верхне-Вилуйском улусе – 115, Вилуйском – 118, Горном – 113, Сунтарском – 112, Амгинском – 104, Мегино-Кангаласском – 106, Намском – 106, Орджоникидзевском – 104, Таттинском – 108, Усть-Алданском – 109, Чурапчинском – 104 [11].

Итак, демографическая история Якутии в XX в. имела как положительную динамику, так и отрицательные последствия, связанные с Великой Отечественной войной, гражданской войной, а также периодом социалистических преобразований (коллективизацией, поселкованием и др.).

Источники и литература

1. Статистика: взгляд через столетия: 375 лет вхождения Якутии в состав России. Якутск: Офсет, 2008; Якутия: XX век в зеркале статистики. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001 и др.
2. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. С. 63.
3. *Сивцева С.И.* Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2000. С. 10.
4. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 59. Оп. 16. Д. 10. Л. 32.
5. Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–6.
6. Архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) (далее – архив Территориального органа ФГС по РС(Я)). Папка «Объяснительные записки о состоянии животноводства за ряд лет в Якутской АССР за 1939-1954 гг.». Состояние животноводства в Якутской АССР на 1.01.1945 г. (по материалам учета скота на 1.01.1945 г.). С. 7; *Аргунов И.А.* Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). Новосибирск, 1985. С. 190.
7. *Аргунов И.А.* Указ. соч. С. 274; Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч.2: Трудящиеся Якутии в тылу. Якутск: Кн.изд-во, 1992. С. 312.
8. *Алексеев Е.Е.* Национальный вопрос в Якутии (1917–1972 гг.). Якутск: Бичик, 2007. С. 266.
9. Людские потери Якутии в Великой Отечественной войне // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 91.
10. Сивцева С.И. Указ. соч. С. 74.
11. Архив Территориального органа ФГС по РС(Я). Статистический сборник «Итоги переписи населения по Якутской АССР. 1959 год».

*Я.А. Кузнецова**

Динамика этнодемографических процессов в Республике Бурятия в 1980–1990-е гг.**

Изучение этнодемографических процессов исторически обоснованно и представляет огромный интерес для выяснения различных аспектов экономического, социально-культурного и политического развития страны и отдельных ее регионов.

Анализ динамики численности, состава и расселения этнических общностей, а также изучение их этнического самосознания, языка, культуры и традиций является актуальным в связи с сопряженностью этих проблем с современными политическими и социально-экономическими процессами в России, с напряженностью в межнациональных отношениях и наличием очагов межнациональной розни в отдельных ее регионах.

Современная этническая ситуация в Сибири складывалась на протяжении нескольких веков и до сих пор находится в динамическом состоянии, которое определяется процессами внутреннего и внешнего порядка, в том числе уровнем социально-экономического и демографического развития регионов, миграционной мобильностью населения. Одной из особенностей этнического состава населения сибирского макрорегиона является то, что наряду с тридцатью так называемыми коренными народами (около 10% всего населения), значительным массивом русских (более 80%) здесь проживают группы выходцев из Восточной Европы, Казахстана, Татарстана, Белоруссии, а также с Кавказа, из Средней Азии (более 10% населения) и т.д.

Вторая половина XX в. отмечена новым этапом в формировании населения Сибири. На динамику этнодемографических процессов воздействие оказали, прежде всего, социально-экономические факторы 1960–1980-х гг.: интенсивное индустриальное и транспортное освоение, а также миграционная политика государства, направленная на заселение восточных окраин страны.

В данном исследовании научный интерес представляет многонациональный восточносибирский регион – Республика Бурятия, для которой характерно преобладание двух основных национальных групп – русских и бурят, с большим численным отрывом от остальных многочисленных этнических компонентов населения: белорусов, украинцев, немцев, татар, эвенков и т.д.

При небольшой численности население республики характеризовалось значительной полиэтничностью, одним из главных факторов которой стало интенсивное индустриальное освоение районов Бурятии и строительство в 1974–1989 гг. Бурятского участка Байкало-Амурской магистрали. В период строительства БАМ на территории республики проживали и работали представители 80 национальностей [1]. Значительный приток трудовых мигрантов, а также усиление миграционных связей с другими регионами страны способствовало трансформации этнодемографической структуры населения, в том числе в городских и сельских поселениях республики.

Наиболее урбанизированным этносом Бурятии были русские. Если во всем населении республики русские составляли 74,6%, то среди горожан удельный вес достигал 84,5% [2]. Такая этнодемографическая ситуация, когда в населении, особенно в городском, преобладали русские, характерна не только для Бурятии. Все национальные окраины в период промышленного освоения переживали массовый приток русского населения. Это закономерно, так как сформировать кадры, способные как по количественным, так и по качественным характеристикам в короткие сроки удовлетворить требования быстрорастущей индустрии, на основе только местного немногочисленного населения было невозможно.

Переселению коренного населения в города препятствовал целый ряд причин. Как правило, которое сопровождалось ломкой привычного образа жизни, отказом от традиционной трудовой деятельности, сменой сложившегося веками бытового уклада, национальной и языковой среды. Не все представители коренного народа были готовы к подобным переменам в жизни и смогли адаптироваться к условиям городской среды.

В конце 1980-х гг. степень урбанизированности бурятского населения оставалась невысокой, большинство из них по-прежнему проживало в сельских районах. Так, в 1980 г. в городах республики проживали 62,2% русских и 35,8% бурят, в сельской местности – соответственно 37,8 и 64,2% [3].

При анализе сравнительной динамики роста городского населения по национальностям к концу 1980-х гг. складывалась своеобразная ситуация. За рассматриваемый период бурятское городское население выросло почти в 5 раз, украинское – в 3, русское и татарское – в 2 раза [2]. При этом сократилось еврейское население, а наиболее весомой в относительных величинах в городском населении стала доля украинцев, татар, белорусов,

* **Кузнецова Янина Александровна** (Новосибирск) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН.

** Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 10-01-00295а.

эвенков (соответственно 2, 1, 0,5 и 0,16 %) [4]. Подобную ситуацию можно объяснить механическим приростом белорусского, украинского и татарского населения, усилением процессов урбанизации среди эвенкийского населения и оттоком еврейского населения за пределы республики.

Снижение доли русских в общей численности горожан отражает закономерный процесс роста урбанизированности коренного населения, а также отчасти обусловлено обратной миграцией специалистов, рабочих и служащих после завершения строительства БАМ и других промышленных объектов в 1989–1990 гг. Рост численности городского населения в абсолютном выражении приводил к росту его доли в населении в целом. Подобная закономерность проявилась в развитии каждой этнической составляющей.

Сформированная в конце 1980-х – 1990 гг. национальная структура городского и сельского населения в территориальном разрезе имела существенные различия. Это обусловлено, во-первых, неравномерностью распределения городского населения по районам республики, во-вторых, диспропорциями сельского миграционного притока в 1960–1970-е гг., а также этническими особенностями воспроизводства населения. В результате в каждом районе республики сложилась своеобразная национальная структура. Выделялись три группы районов:

- районы с низким удельным весом коренной национальности (менее 5 % от общей численности городского населения). В эту группу вошли Кабанский, Кижингинский, Прибайкальский, Северобайкальский районы;
- районы с относительно высоким удельным весом коренной национальности. К ним относились Баргузинский, Баунтовский, Заиграевский, Закаменский, Кяхтинский, Селенгинский;
- районы с очень высоким удельным весом городского бурятского населения (выше 30% от общего числа горожан данного района): Иволгинский, Тункинский, Хоринский [5].

Районы с очень высоким удельным весом городского бурятского населения (до 47,6% в Тункинском) являлись районами преимущественного расселения коренного населения. Рассматривая все население, следует отметить, что в Тункинском районе буряты составляли 62,4%, в Иволгинском – 43, в Хоринском районе – 34% [6]. Большая доля коренного народа в населении обусловила высокий удельный вес бурят в составе горожан данных районов. Кроме того, упомянутые районы не относились к числу индустриально развитых и высоко урбанизированных территорий. В Иволгинском и Тункинском районах было только по одному рабочему поселку (Иволгинск и Кырен), в Хоринском районе административный центр являлся поселком городского типа. Невысокий уровень развития промышленного производства обусловил и соответствующий запрос на внешние трудовые ресурсы, поэтому и поток мигрантов в города из других районов республики и извне не был высоким.

В отношении районов с невысокой численностью бурятского городского населения действовала обратная зависимость. В результате под воздействием этого комплекса причин сложились территориальные различия и в национальной структуре горожан. При этом важно подчеркнуть, что в динамике изменения национального состава городского населения имелись значительные особенности. Для русского населения определяющей была тенденция абсолютного роста численности, но в процентном отношении удельный вес его снижался. В то же время бурятское городское население переживало период бурного роста, и его удельный вес неуклонно возрастал. Причинами этого послужили сохраняющиеся высокие показатели естественного прироста бурятского населения и усиление их мобильности из сельских населенных пунктов в городские, чему активно способствовала проводимая государством политика по формированию национальных кадров в различных сферах жизнедеятельности.

Одним из следствий тесного межэтнического взаимодействия также стала языковая ассимиляция коренного населения, которая привела к утрате частью бурят родного языка. Можно говорить о значительной русификации городского бурятского населения в изучаемый период. Несмотря на закономерность и естественность взаимной ассимиляции в ходе длительного проживания и активного межэтнического взаимодействия, потеря языковой идентификации – весьма опасное явление для любого народа. К 1990 г. соотношение бурят, проживающих в городских поселениях и в сельской местности, стало примерно равным. Среди горожан преобладали русские и представители иных национальностей республики. При этом сохранялась тенденция унификации национальных особенностей демографического поведения, а также стирание отличий в образе жизни.

Возрастная структура населения республики была представлена следующим образом: бурятское население характеризовалось более высоким удельным весом лиц молодого возраста по сравнению со среднестатистическим уровнем по республике, что в свою очередь свидетельствовало о медленном старении бурятского населения. По переписи 1989 г., в целом по Бурятии средний возраст населения составлял 30,6 лет, у бурят – 27,7 лет [7]. Для коренного бурятского населения характерен более высокий удельный вес женщин по сравнению с мужчинами. Так, к началу 1990 г. на каждую тысячу мужчин бурятской национальности приходилось 1 111 женщин. Для сравнения отметим, что для русского населения это соотношение составляло 1 062 [7].

Изменения в демографическом поведении произошли среди коренных северных народов Бурятии – сойтов и эвенков. Местами их компактного проживания являлись территории Северобайкальского, Баунтовского, Курумканского и Баргузинского районов, куда в этот период направлялись большие потоки инонационального населения. С началом строительства Бурятского участка БАМ и освоения севера Бурятии, где традиционно

проживало автохтонное население, был отмечен рост ассимиляционных процессов. Особенно актуальна данная проблема для эвенкийского населения республики. Решающую роль в процессе их ассимиляции играли смешанные браки, в которых дети обычно принимали национальность более многочисленного этноса. Определяющее значение в заключении межнациональных браков имел национальный состав тех районов, где проживали эвенки. Так, в Северобайкальском районе большинство смешанных браков составляли русско-эвенкийские, в Курумканском – бурятско-эвенкийские. По результатам социологических обследований, проведенных в конце 1980-х гг., лишь 18–20% аборигенов сохранили антропологический тунгусский байкальский тип, остальные относились к метисам [8].

Следует признать, что освоение северных территорий Бурятии сопровождалось разрушением экологии и традиционных форм жизнеобеспечения населения. По мнению ряда исследователей, данная тенденция привела ко многим негативным последствиям, в том числе в демографическом развитии коренного населения. Несмотря на высокую рождаемость, численность эвенкийского населения увеличивалась незначительно. Неблагоприятные тенденции демографического развития эвенков во многом обуславливались высокой смертностью от неестественных причин, особенно мужчин трудоспособного возраста. В результате для эвенкийского населения складывалась тенденция характерного численного преобладания женщин, что объективно способствовало росту смешанных браков и, как следствие, ассимиляции аборигенного населения. К этому приводила и увеличившаяся миграционная подвижность эвенков.

Перепись 1989 г. показала, что самыми многочисленными этническими компонентами после русских (726,1 тыс. чел.) и бурят (249,8 тыс.) в республике являлись украинцы (22,8 тыс.), татары (10,4 тыс.), белорусы (5,3 тыс.), немцы (2150), евреи (1200), поляки (425), и корейцы (339 чел.) [4].

В 1989 – начале 1990-х гг. после распада СССР на всеобщей волне демократизации общества и роста национального самосознания в Бурятии, как и в других регионах страны, стали формироваться национально-культурные объединения. Среди них центры культуры открыли польская, немецкая, татарская, еврейская, а также корейская общины и др. Создание национально-культурных объединений явилось реакцией на отсутствие механизма удовлетворения национальных и культурных потребностей для не имеющих определенного статуса этносоциальных групп. Существовал ряд факторов, который оказал значительное влияние на формирование различных этнических групп и диаспор и их социальных институтов – среди них и политический, и социально-экономический.

Немалую роль сыграл исторический фактор, который проявился на самом первом этапе формирования национально-культурных организаций, когда в качестве ведущей мобилизующей силы выступила именно историческая память этносов. В числе других факторов следует отметить этнодемографический, включающий в себя численность и особенности расселения этносов и этнических групп, а также экологический, психологический и внешнеполитический факторы. При этом необходимо отметить, что в результате политических и социально-экономических катаклизмов в связи с распадом государства резко усилились процессы внутренней и внешней миграции населения, в которых этнический фактор приобрел исключительную важность. В 1990 г. начался процесс возвратной миграции из Бурятии этнических групп евреев, поляков, немцев, татар на свою историческую родину. В Украину в 1990 г. выбыло 2968 чел., в Казахстан – 972, в Белоруссию – 493 чел. [9]. На фоне выбытия вышеперечисленного этнического населения в регионе стала заметно увеличиваться численность мигрантов из Средней Азии и Закавказья.

Массовый отток сельского населения в город привел к негативным результатам в 1980-е гг. – к запустению хозяйств районов и нехватке рабочих рук на селе. Эта ситуация грозила ухудшением продовольственного обеспечения республики. Кроме этого отток населения не компенсировался ростом производительности труда. Местные органы власти нашли альтернативный вариант решения этой проблемы за счет найма сезонных рабочих бригад. Бригады «рабочих-калымщиков», или «шабашников» состояли преимущественно из выходцев с Кавказа. Значительный приток этих мигрантов в сибирские регионы связан с возрастающей проблемой перенаселения и безработицей жителей республик Закавказья и Кавказа, прибывающих на заработки в Сибирь.

Складывается так называемый новый тип маятниковой миграции, характерный именно для жителей южно-азиатских регионов страны. Типичной была бригада из 3–8 человек, как правило, мужчин в возрасте 18–50 лет. Каждый из них имел по 3–4 строительных специальности и многолетний стаж строительных работ на выезде. Как правило, бригады формировались на базе больших семей, из родственников земляков и друзей. За сезон заработок шабашников мог в 3–4 раза превышать среднюю заработную плату по республике. Обычно бригады приезжали в один и тот же район Бурятии из года в год, поэтому обзаводились там прочными деловыми, дружескими, иногда семейными связями. Они имели хорошую репутацию: довольно высокая квалификация, безукоризненная трудовая дисциплина, обеспеченная семейным или земляческим принципом формирования бригад, желание и способность трудиться, оборотистость в доставании дефицитных материалов – все это устраивало председателей колхозов и директоров предприятий. Власти относились к отходникам довольно подозрительно, так как видели в них рыночный

элемент, чуждый социалистической идеологии. Заказчики не афишировали взаимоотношений с «шабашниками», поскольку при их найме неизбежно нарушались всевозможные правила и инструкции. Поэтому невозможно дать количественную оценку численности бригад и масштабов их деятельности в этот период. По данным М.В. Галстяна, безвозвратная миграция из некоторых армянских деревень доходила до 50–100 чел. К концу 1980-х гг. только из Армении ежегодно уходило на строительные отходнические работы 35–40 тыс. чел. В некоторых сельских районах в этот промысел было втянуто до 16% трудоспособного населения [10].

Маятниковая миграция, учет которой в принципе не производился, была характерна для многих сибирских регионов. В целом, появление в республике иноэтнических групп населения было связано не только с оргнабором на строительство гигантских промышленных объектов в Сибири или «шабашничеством», сюда также ехали получать образование, многие оседали, отслужив в республике военную службу.

Несмотря на то, что основная часть кавказских общин – это временные экономические мигранты, которые, как и прежде, приезжали в республику на заработки, происходил процесс их укоренения. А это значит, что всё больше становилась их заинтересованность как постоянных жителей в национальном мире и стабильности во взаимоотношениях с принимающим обществом.

В 1990-е гг. кавказские мигранты заняли свою определенную нишу в экономике республики, адаптировались к местной социокультурной ситуации и сформировали на ее территории более или менее устойчивые этнические общины, наиболее крупные среди них – армянская и азербайджанская.

Совершенно новым явлением для республики в 1990-е гг. стал процесс формирования на ее территории китайской общины. Развал советской экономики и формирование рыночных отношений, а также высокий спрос на дешевые китайские товары и услуги, позволили широко открыть восточную границу. Это привело к мощной, фактически бесконтрольной, волне китайской миграции в Россию в начале 1990-х гг. По сути, это была массовая экономическая миграция. Также как и кавказские мигранты, китайцы были заняты во многих отраслях экономики Бурятии: в сельском хозяйстве, торговле, строительстве, ресторанном, гостиничном бизнесе, что способствовало их постепенной интеграции в принимающее общество. Таким образом, подобный процесс экономической (а затем и социокультурной) адаптации и выходцев с Кавказа, и китайских мигрантов стал приобретать черты определенного сложившегося механизма интеграции новых этнических групп в Бурятию.

1980–1990 годы явились важным периодом и началом формирования новой этнодемографической структуры населения Бурятии. Увеличились численность и удельный вес бурятского населения. Доля русского населения в республике, при росте общей численности и большей степени урбанизированности, постепенно сокращалась, что обуславливалось более низким уровнем естественного прироста, а также высоким уровнем мобильности русского населения. Несмотря на демографические изменения, происходившие в коренном бурятском, а также малочисленном населении сойотов, эвенков, эти народы оставались наиболее стабильной частью населения республики. Миграционные процессы в рассматриваемый период характеризовались массовым выездом из республики представителей различных этнических групп, а также притоком экономических мигрантов из Закавказья и Китая, что привело к формированию в республике новых этнических сообществ (армян, азербайджанцев, китайцев). При этом процессы социокультурной и экономической адаптации новых этнических сообществ происходили в регионе в атмосфере мирного сосуществования и взаимодействия. Это объяснялось тем, что Республика Бурятия является регионом с очень высокой степенью толерантности местного населения по отношению к этническим мигрантам.

Источники и литература

1. Балдано М.Н. БАМ – стройка дружбы // БАМ на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона. Улан-Удэ, 1999. С. 47.
2. Затеев В.И., Хараев Б.В. Демографические аспекты этносоциальной структуры Бурятии // СОЦИС. 2000. № 5. С. 116.
3. Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ, 1995. С. 75.
4. НАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1/8. Д. 84. Л. 9.
5. Естественное движение населения в Республике Бурятия: Стат. сборник. Улан-Удэ, 2001. С. 9–10.
6. НАРБ. Ф. Р-196, Оп. 1. Д. 15. Л. 56.
7. Буряты в зеркале статистики. С. 14.
8. Беликов В.В. Эвенки Бурятии. Улан-Удэ, 1994. С. 21.
9. Миграция населения в Республике Бурятия // Статистический сборник 02-03-02 Территориального органа Федеральной службы государственной статистики. Улан-Удэ, 2005. 57 с.
10. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000. С. 90–92.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

А.П. Обедков*

Вековая динамика городского населения и особенности российской урбанизации

В дореволюционный период Россия была аграрной страной, в которой подавляющее большинство жителей проживало в сельской местности. По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи, в границах современной Российской Федерации в 1897 г. насчитывалось 428 городов. Дореволюционные города учреждались главным образом для выполнения административных функций в качестве центров губерний, уездов и округов. Переписью населения 1897 г. было учтено 48 губернских и областных (на правах губерний) центров, 332 уездных, а также 48 заштатных и безуездных городов [3, 5].

По данным переписи населения 1897 г., общая численность городского населения в современных границах Российской Федерации составила 9894 тыс. чел. (14,7% всего населения страны), из них 7771 тыс. (11,5%) являлись жителями 428 городов. Наиболее распространённым типом среди дореволюционных городов были малолюдные крестьянские, торгово-купеческие и прочие беспромышленные города. Подавляющее большинство (354, или 82,7%) городов имело численность постоянного населения менее 20 тыс. чел. При этом людность 282 (65,9%) российских городов того времени не превышала 10 тыс. чел. Между тем в распределении городов по числу проживающих в них горожан наблюдалась обратная картина. В городах с людностью свыше 20 тыс. чел. проживало 71,4% от всех жителей городов, из них 37,6% – в семи больших городах (табл. 1)

Таблица 1

Урбанистическая структура России в конце XIX века
(по данным переписи населения 1897 г.; в современных границах РФ)

Показатели	Число жителей, тыс. чел.							
	До 5	5–9,9	10–19,9	20–49,9	50–99,9	100–249,9	250–999,9	1000 и более
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Число городов	171	111	72	48	19	5	–	2
в % к итогу	40,0	25,9	16,8	11,2	4,4	1,2	–	0,5
Число горожан	467,5	788,4	974,7	1424,1	1200,9	612,5	–	2302,7
в % к итогу	6,0	10,1	12,5	18,3	15,5	7,9	–	29,7

Таблица составлена по: *Население городов по переписи 28 января 1897 г. Выпуск 2. Санкт-Петербург, 1897.*

В советское время состав городов был пересмотрен в ходе реформы административно-хозяйственного деления 1923–1929 гг. При этом часть поселений, утративших городские функции, была переведена в категорию сельских населённых пунктов. Одновременно с этим в практику была введена новая категория городских поселений – посёлки городского типа. Уже к середине 1920-х гг. они стали преобладающей категорией среди городских поселений. По данным всеобщей переписи населения 1926 г., в РСФСР были зафиксированы 1163 городских поселения. В них проживало 16 455 тыс. чел., или 17,8% всего населения (табл. 2).

На формирование городского населения РСФСР в последующие годы довоенного времени решающее влияние оказали индустриализация экономики и коллективизация сельского хозяйства. К началу 1939 г. число городских поселений достигло 1317, а численность проживавшего в них населения – 36296 тыс. чел. При этом доля городских жителей в общей численности населения РСФСР составила 33,7%. Ускоренный рост городского населения в довоенный период происходил главным образом за счёт административных преобразований сельских населённых пунктов в городские поселения и активной миграции населения из сельской местности в города и рабочие посёлки.

* Обедков Анатолий Павлович (Сыктывкар) – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Сыктывкарского филиала СПбГУСЭ.

Динамика числа городских поселений и численности городского населения Российской Федерации в 1926–2009 гг. (в современных границах)

Годы	Число			Численность городского населения		Средняя величина городского поселения, тыс. чел.
	городских поселений	городов	посёлков городского типа	тысяч человек	в % к населению РФ	
1	2	3	4	5	6	7
1926	1163	461	702	16455	17,8	15,3
1939	1317	574	743	36296	33,7	27,6
1959	2372	877	1495	61611	52,4	26,1
1970	2638	969	1869	80981	62,3	30,7
1979	3045	999	2046	94942	69,3	31,3
1989	3230	1037	2193	107959	73,5	33,6
1991	3256	1052	2204	109310	73,9	33,7
1995	3123	1079	2044	109310	73,0	34,4
1996	3109	1087	2022	107671	72,9	34,6
1997	3078	1087	1991	107068	72,8	34,8
1998	3050	1090	1960	106618	73,0	35,0
1999	3005	1086	1919	106611	72,9	35,2
2000	2959	1087	1872	105866	72,7	35,8
2001	2961	1097	1864	105441	72,8	35,6
2002	2948	1098	1850	104917	72,9	35,6
2002	2940	1098	1842	106429	73,3	36,2
2005	2560	1099	1461	104719	73,0	40,9
2006	2454	1095	1359	104104	72,9	42,4
2007	2443	1095	1348	103778	73,0	42,5
2008	2487	1096	1361	103773	73,1	41,7
2009	2417	1099	1318	103690	73,1	42,9

Таблица составлена по данным Росстата [6, 7]. Жирным шрифтом выделены данные переписей. На остальные даты – оценка на начало года.

Последующие два десятилетия военного и послевоенного времени прошли под знаком динамичного роста городских поселений и городского населения. В межпереписной период с 1939 по 1959 г. число городских поселений увеличилось в 1,8 раза, а численность городского населения – в 1,7 раза. В середине 1950-х гг., когда была восстановлен разрушенный войной демографический потенциал, численность городского населения РСФСР превысила сельских жителей. Перепись населения 1959 г. зафиксировала долю городского населения на уровне 52,4%, подтвердив тенденцию городского развития РСФСР по пути высокоурбанизированной территории.

В 1960–1980-е гг. сеть городских поселений РСФСР продолжала расширяться, сопровождаясь устойчивым ростом городского населения. Однако темпы развития этих взаимосвязанных процессов стали постепенно замедляться, достигнув пиковых показателей к началу 1990-х гг. Максимальные параметры городского развития за всю историю России были зафиксированы в начале 1991 г. После их достижения началось непрерывное сокращение числа городских поселений и численности городского населения. Основной причиной деградации сети городских поселений стали практически бесконтрольное преобразование посёлков городского типа в сельские населённые пункты и включение их в черту более перспективных городских поселений. Главным фактором депопуляции городского населения явилась их естественная убыль. Наблюдавшийся в эти годы рост численности сельского населения происходил главным образом за счёт прибытия в сельскую местность мигрантов из бывших союзных республик и, в меньшей мере, из-за административных преобразований населённых пунктов и добровольного переезда части горожан в пригородные зоны.

С 1991 по 2009 г. сеть городских поселений сократилась с 3256 до 2417, численность проживавшего в них населения – с 109,3 млн. до 103,7 млн. чел., доля городского населения – с 73,9 до 73,1%. Несмотря на сокращение числа городских поселений (на 839, или 25,6%) и численности городского населения (на 5,5 млн. чел., или на 5,1%), удельный вес жителей городов и посёлков городского типа в общей численности населения Российской Федерации с середины 1990-х гг. по настоящее время стабилизировался на уровне 73%. Между тем, по расчётам Г.А. Гольца, показатели официального и реального уровней урбанизации в нашей стране никогда не совпадали. По Г.А. Гольцу, в 1926 г. официальная урбанизация составляла 18%, реальная – 3%, а в 1994 г. – соответственно 74 и 54% [1]. В этой связи большой интерес представляет подход к оценке характера и уровня урбанизации в

России на основе анализа урбанистической структуры, предложенный известным российским геоурбанистом Г.М. Лаппо. Не ограничиваясь на общепринятое разделение городов на категории больших, средних и малых, он предложил сосредоточить внимание на особенностях их деятельности с учётом их вклада в урбанизационный процесс [2].

В постсоветский период были закреплены и получили дальнейшее развитие тенденции урбанистического развития, оформившиеся в 1930–1980-х гг. советского времени. Это нашло отражение в коренной трансформации урбанистической структуры страны (табл. 3).

Таблица 3

Изменение урбанистической структуры Российской Федерации в 1926–2009 гг.

Год	Число жителей, тыс. чел.								
	До 3	3 – 4,9	5 – 9,9	10 – 19,9	20 – 49,9	50 – 99,9	100-499,9	500 – 999,9	1 млн. и более
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Число городских поселений									
1926	451	199	230	151	75	37	18	–	2
1959	316	443	654	459	311	97	78	12	2
1989	602	541	795	564	398	165	131	22	12
2009	362	320	564	475	376	156	129	24	11
Структура городских поселений по людности, %									
1926	38,8	17,1	19,8	13,0	6,4	3,2	1,5	–	0,2
1959	13,3	18,8	27,6	19,4	13,1	4,1	3,3	0,5	0,1
1989	18,6	16,7	24,6	17,5	12,3	5,1	4,1	0,7	0,4
2009	15,0	13,2	23,3	19,7	15,6	6,5	5,3	1,0	0,5
Распределение городских поселений по численности проживавшего в них населения, тыс. чел.									
1926	728	779	1632	2145	2157	2567	2807	–	3640
1959	622	1764	4660	6418	9742	6721	15459	8279	7946
1989	1084	2145	5678	7873	12532	11286	28162	14040	25159
2009	632	1284	4047	6629	12127	10889	27042	15388	25655
Структура численности проживавших в городских поселениях, %									
1926	4,4	4,7	9,9	13,0	13,1	15,6	17,1	–	22,1
1959	1,0	2,9	7,6	10,4	15,8	10,9	25,1	13,4	12,9
1989	1,0	2,0	5,3	7,3	11,6	10,5	26,1	13,0	23,3
2009	0,6	1,2	3,9	6,4	11,7	10,5	26,1	14,8	24,7

Таблица составлена по данным Росстата [6, 7].

Для характеристики городской сети важное значение имеет анализ тенденций её развития, а также сложившегося соотношения городов разной величины. Для этого необходимо определить число городов в каждой группе и её удельный вес в общем количестве городов, а также численность населения каждой группы городов и удельный вес этой группы в общей численности городского населения. Обычно эти два показателя используются для выявления закономерностей размещения городского населения и его распределения по городам различной людности, а их сочетание позволяет раскрыть структуру сети городских центров по величине и их роль в общей системе городского расселения. При этом для целей генерализованной характеристики сети городов в масштабе всей страны целесообразно использовать пятичленную группировку городов по величине в разрезе основных категорий людности, а на региональном уровне более уместна дробная группировка городов в разрезе 12 классов и групп людности [4].

Анализ динамики и распределения числа городов Российской Федерации в период с 1926 по 2009 г., осуществлённый на основе классификации городов по величине, позволяет определить основные параметры и тенденции городского развития для основных категорий городов. В рассматриваемый период произошло резкое увеличение количества городов всех категорий людности. Однако темпы их роста существенно различались. С 1926 по 2009 г. общее число российских городов увеличилось в 2,4 раза, а количество малых городов – всего в 1,3 раза. За эти годы число больших городов людностью от 100 до 500 тыс. чел. выросло в 7,2 раза, городов-миллионников – в 5,5 раза, средних городов людностью от 20 до 100 тыс. чел. – в 4,8 раза. В 1926 г. в структуре городской сети ещё отсутствовали крупнейшие города с численностью населения от 0,5 до 1 млн. чел. В советское время первые города этой категории людности появились в 1930-е гг. В последующие годы крупнейшие города демонстрировали наиболее динамичный рост среди городов всех категорий людности. С 1939 по 2009 г. число крупнейших городов увеличилось в 12 раз (табл. 4).

**Динамика и распределение числа городов Российской Федерации
основных категорий и групп людности в 1926–2009 гг.**

№ п/п	Основные категории и группы городов по людности, тыс. чел.	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2009
1	Общее число городов Доля в общем числе городов, %	461 100	574 100	877 100	969 100	999 100	1037 100	1098 100	1099 100
	Из них:								
2	Миллионники, всего Доля в общем числе городов, %	2 0,4	2 0,3	2 0,2	6 0,6	8 0,8	12 1,2	13 1,2	11 1,0
3	Крупнейшие (500-999,9) Доля в общем числе городов, %	– –	2 0,3	12 1,4	11 1,1	18 1,8	22 2,1	20 1,8	24 2,2
4	Большие (100-499,9) Доля в общем числе городов, %	18 3,9	48 8,4	78 8,9	107 11,0	126 12,6	131 12,6	134 12,2	129 11,7
5	Средние (20-99,9), всего Доля в общем числе городов, %	107 23,2	238 41,5	386 44,0	456 47,2	486 48,7	523 50,4	521 47,5	510 46,4
6	Малые (до 19,9), всего Доля в общем числе городов, %	334 72,5	284 49,5	399 45,5	389 40,1	361 36,1	349 33,7	410 37,3	425 38,7

Таблица составлена по данным Росстата [6, 7]. Данные 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг. приведены на дату переписи, 2009 г. – на начало года.

В период с 1926 по 2009 г. произошло существенное улучшение структуры городской сети страны. Это нашло отражение в увеличении доли в общем количестве российских городов крупнейших городов и городов-миллионников (с 0,4 до 3,2%), больших (с 3,9 до 11,7%) и средних (с 23,2 до 46,4%) городов на фоне уменьшения удельного веса малых городов (с 72,5 до 38,7%). Несмотря на эти положительные изменения, распределение городов по величине по-прежнему характеризуется большой неравномерностью.

Анализ тенденций изменения числа российских городов разной величины позволил выделить 3 типа динамики городской сети. Первый тип динамики отражают крупнейшие города, характеризующиеся устойчивым ростом своей сети в течение всего рассматриваемого периода. Второй тип динамики представляют города-миллионники, большие и средние города, число которых стало постепенно сокращаться в последние 15-20 лет после достижения максимального показателя. Третий тип динамики числа городов характеризуют малые города, имеющие неустойчивую динамику с многочисленными локальными максимумами и минимумами.

Одной из характерных особенностей процесса урбанизации в России является устойчивый рост численности проживающих в городах с населением свыше 100 тыс. чел., сопровождающийся непрерывным уменьшением численности проживающих в малых и средних городах. С 1926 по 2009 г. удельный вес проживающих в городах этих категорий людности увеличился с 46,3 до 71,2%, из которых 26,8% приходилось на города-миллионники, 16,1% – на крупнейшие и 28,3% – на собственно большие города. За эти годы доля проживающих в средних городах упала с 33,0 до 23,5%, а в малых – с 20,7 до 5,3% (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение городов Российской Федерации основных категорий и групп людности
по численности проживавшего в них населения в 1926–2009 гг.**

№ п/п	Основные категории и группы городов по людности, тыс. чел.	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2005	2009
1	Общая численность проживающих в городах Доля в общей численности, %	13928 100	31012 100	52164 100	69998 100	82948 100	94450 100	95916 100	96039 100	95609 100
	Из них:									
2	Миллионники, всего Доля в общей численности, %	3640 26,1	7147 23,0	7946 15,2	14856 21,2	18939 22,8	25159 26,6	27416 28,6	25581 26,6	25655 26,8
3	Крупнейшие (500-999,9) Доля в общей численности, %	– –	1146 3,7	8279 15,9	8375 12,0	12655 15,3	14040 14,9	12404 12,9	14968 15,6	15388 16,1
4	Большие (100-499,9) Доля в общей численности, %	2807 20,2	10080 32,5	15459 29,6	23316 33,3	26791 32,3	28162 29,8	28391 29,6	28027 29,2	27042 28,3
5	Средние (20-99,9), всего Доля в общей численности, %	4597 33,0	9670 31,2	15920 30,6	18792 26,8	20216 24,4	22764 24,1	22730 23,7	22446 23,4	22469 23,5
6	Малые (до 19,9), всего Доля в общей численности, %	2884 20,7	2969 9,6	4560 8,7	4659 6,7	4347 5,2	4325 4,6	4977 5,2	5017 5,2	5055 5,3

Таблица составлена по данным Росстата [6, 7]. Данные 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг. приведены на дату переписи; 2005 и 2009 гг. – на начало года.

Наметившаяся в советский период и ныне сохраняющаяся тенденция к укрупнению городов вызвала многократное увеличение среднего размера городов всех основных категорий людности. С 1926 по 2009 г. средняя величина одного российского города возросла с 30,2 тыс. до 87,0 тыс. чел., или в 2,9 раза. При этом средний размер города-миллионника увеличился с 1820 тыс. до 2332 тыс. чел. (в 1,3 раза), большого города – с 155,9 тыс. до 209,6 тыс. чел. (в 1,3 раза), среднего города – с 43,0 тыс. до 44,1 тыс. чел., малого города – с 8,6 тыс. до 11,9 тыс. чел. (в 1,4 раза).

Сопоставление характера и темпов динамики городской сети и распределения городов разной людности в период с 1926 по 2009 г. позволил выявить ряд положительных и отрицательных тенденций, которые в будущем необходимо соответственно усилить или ослабить. Положительными (прогрессивными) тенденциями являются уменьшение доли малых городов в общем числе городов с 72,5 до 38,7% и в общей численности городских жителей с 20,7% до 5,3%; повышение доли средних городов в общем числе городов с 23,2 до 46,4%; стабилизация числа городов-миллионников и крупнейших городов на уровне 33-35 городов; укрупнение среднего размера российского города с 30,2 тыс. до 87,0 тыс. чел. К отрицательным тенденциям городского развития относятся резкое повышение числа крупнейших городов и городов-миллионеров с 2 до 35 и их доли в общей численности городских жителей с 26,1% до 42,9%; устойчивое повышение доли городов-мультимиллионеров (столичных городов) в общей численности городского населения и их гипертрофированное развитие; наличие в городской сети малых, мелких и карликовых городов, не отвечающих современным критериям отнесения к категории городов и требованиям экономичности.

Анализ региональных особенностей и территориальных сдвигов в размещении городского населения в РФ показал устойчивый характер тенденций их развития, наметившихся в советский период. Основная из них состоит в непрерывном сокращении городского населения основных экономических зон и экономических районов, что привело к снижению общей численности городского населения страны. Различия между ними состоят лишь во времени достижения максимальной численности городского населения, ставшей своеобразной точкой отсчёта начала их депопуляции. Первыми среди них с конца 1980-х гг. начали терять городское население Северо-Западный экономический район, а также Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский и Дальневосточный экономические районы, определяющие состав Восточной экономической зоны. В начале 1990-х гг. к ним присоединилось большинство районов Западной зоны (Северный, Волго-Вятский, Центрально-Чернозёмный, Поволжский, Уральский). Это вызвало снижение численности всего городского населения в РФ.

После 2000 г. в число территорий с непрерывно сокращающимся городским населением вошли Центральный и Северо-Кавказский районы, а также Калининградская область. Несмотря на изменения в характере распределения горожан по территории страны в постсоветский период, территориальные пропорции размещения городского населения Западной и Восточной экономических зон за последние почти 40 лет практически не изменились. В настоящее время, как и в 1970 г., в Западной зоне концентрируется около 80% городских жителей страны, а в Восточной зоне – около 20% (табл. 6).

Таблица 6

Динамика численности городского населения в экономических районах России в 1970–2009 гг., тыс. чел.

Экономические районы	1970	1979	1985	1989	1991	2002	2009
Российская Федерация	80981	95374	104146	108425	109332	106427	103690
Западная зона	64806	75921	81886	84900	86280	83805	82343
В % к итогу	80,0	79,6	78,6	78,3	78,9	78,7	79,4
Северный	3333	4057	4515	4688	4746	4003	3788
Северо-Западный	5580	6497	6968	7177	7015	6757	6593
Центральный	19697	22671	24345	25072	24072	25698	25421
Волго-Вятский	4418	5201	5602	5837	5927	5622	5331
Центрально-Чернозёмный	3214	4065	4450	4664	4839	4668	4573
Поволжский	8643	10544	11483	12021	12333	12162	11910
Северо-Кавказский	7106	8497	9243	9597	9815	10327	10254
Уральский	12279	13772	14615	15155	15260	14568	13756
Калининградская область	536	617	665	689	723	741	717
Восточная зона	16175	19453	22260	23525	23052	22622	21347
В % к итогу	20,0	20,4	21,4	21,7	21,1	21,3	20,6
Западно-Сибирский	7431	8767	10255	10921	10732	10637	10606
Восточно-Сибирский	4612	5605	6272	6583	6542	6162	5944
Дальневосточный	4132	5081	5733	6021	5778	5823	4797

Составлено по данным Росстата [6, 7]. Данные 1970, 1979, 1989, 2002 гг. – на дату переписи населения. Данные 1985, 1991, 2009 гг. – на начало года. Полужирным шрифтом выделены максимальные показатели.

Во многом схожая картина наблюдается с соотношением городского и сельского населения в разрезе основных экономических зон и районов страны. В отличие от абсолютного показателя численности городского населения относительный показатель доли городского населения в общей численности населения с начала 1990-х гг. оказался менее подвержен резким колебаниям. Однако и в этом случае наметилось несколько групп экономических районов, отличающихся динамикой изменения удельного веса городского населения (табл. 7).

Таблица 7

Изменение доли городского населения в общей численности населения основных экономических районов Российской Федерации в 1970–2009 гг., %

Экономические районы	1970	1979	1985	1989	1995	2002	2009
Российская Федерация	62,3	69,1	72,4	73,4	72,6	72,9	73,1
Западная зона	61,9	74,7	75,1	74,8	73,2	72,8	73,2
Северный	64,4	72,5	75,8	76,6	75,8	76,1	76,2
Северо-Западный	79,9	84,6	86,1	86,6	86,7	86,7	87,2
Центральный	71,3	78,4	81,6	82,6	82,9	83,4	84,8
Волго-Вятский	52,8	62,1	66,9	68,9	70,0	70,6	71,0
Центрально-Чернозёмный	40,2	52,1	57,8	60,3	61,4	62,7	63,2
Поволжский	59,4	67,8	71,6	73,3	73,0	73,1	74,0
Северо-Кавказский	49,8	54,9	56,5	57,3	55,5	56,5	53,9
Уральский	64,6	70,9	73,5	74,7	74,5	73,6	71,4
Калининградская область	73,2	76,5	78,5	79,1	78,1	77,6	76,5
Восточная зона	63,8	79,7	76,4	71,8	72,2	75,4	72,6
Западно-Сибирский	61,4	67,6	71,4	72,8	70,9	71,2	72,5
Восточно-Сибирский	61,8	68,7	71,0	71,9	71,4	71,5	71,4
Дальневосточный	71,5	74,5	75,6	75,8	75,8	76,0	74,3

Таблица составлена по данным Росстата [6, 7]. Примечание. Данные 1970, 1979, 1989, 2002 гг. – на дату переписи. Данные 1985, 1995, 2009 гг. – на начало года.

В последние 10-15 лет произошла относительная стабилизация доли городского населения в Северном районе, постепенный рост – в Северо-Западном, Центральном, Центральном-Чернозёмном, Волго-Вятском, Поволжском и Восточно-Сибирском районах, устойчивое снижение – в Северо-Кавказском, Уральском, Западно-Сибирском и Дальневосточном районах. На фоне постепенного увеличения удельного веса городского населения Западной зоны, снижается доля горожан в Восточной зоне. При этом практически повсеместно наблюдается стягивание населения вокруг наиболее людных городских и сельских поселений, являющихся центрами окружающих их территорий. Следствием этого становится постепенное обезлюдение сельской местности, которое сопровождается расширением ареалов межселенных пространств с крайне низкой плотностью сельского населения и редкой сетью населённых пунктов.

Большие различия в природных условиях, исторических предпосылках и экономических факторах регионального развития во многом предопределили неравномерность распределения городских поселений по территории России. Подавляющая часть городских поселений всех категорий и групп людности сосредоточена в Западной экономической зоне. На начало 2008 г. здесь было сконцентрировано 72,2% всех городских поселений, 79,5% городов и 66,3% посёлков городского типа страны. При этом наиболее развитыми сетями городских поселений располагают районы старого промышленного освоения (табл. 8).

Рыночные преобразования 1990-х гг. сопровождалась нарастанием негативных тенденций практически во всех сферах экономики и жизни страны. Свообразным результатом и индикатором экономического неблагополучия в стране и её регионах стала деградация сети городских поселений, которая в той или иной степени наблюдается во всех экономических районах и субъектах РФ. Между тем наиболее значительные изменения в городской сети страны произошли после 2003 г., когда в стране началась реализация реформы местного самоуправления. Если с 1991 по 2002 г. число городских поселений в РФ сократилось всего в 1,1 раза, то с 2003 по 2008 г. – в 1,2 раза.

В период с 1991 по 2008 г. число городских поселений в РФ сократилось в 1,3 раза. В аналогичных пропорциях уменьшилось число городских поселений в Западной и Восточной экономических зонах, в Северо-Западном, Центральном и Северо-Кавказском экономических районах. При этом всего в 1,1–1,2 раза стало меньше городских поселений в Поволжском, Восточно-Сибирском, Центральном-Чернозёмном и Волго-Вятском районах. Между тем в ряде экономических районов среднероссийский уровень был превышен. В Уральском экономическом районе число городских поселений сократилось в 1,7 раза, в Северном районе – в 1,5 раза, в Западно-Сибирском и Дальневосточном районах – в 1,4 раза.

**Развитие сети городских поселений в основных экономических районах
Российской Федерации в 1991–2009 гг.**

Экономические районы	Число поселений									Средняя людность городского поселения, тыс. чел.		
	Города			Посёлки городского типа			Городские поселения					
	1991	2002	2009	1991	2002	2009	1991	2002	2009	1991	2002	2009
Российская Федерация	1052	1091	1099	2204	1922	1318	3256	3013	2417	33,7	35,6	42,9
Западная зона	835	862	874	1514	1327	881	2349	2189	1755	36,7	38,3	46,9
Северный	62	68	68	165	113	82	227	181	150	20,9	24,1	25,3
Северо-Западный	60	61	56	92	90	60	152	151	116	47,4	45,7	56,8
Центральный	244	251	258	410	387	244	654	638	502	38,6	38,5	50,6
Волго-Вятский	63	64	66	173	173	131	236	237	197	25,0	24,8	27,1
Центрально-Чернозёмный	50	50	52	87	84	73	137	134	125	34,6	36,4	36,6
Поволжский	90	93	96	184	162	135	274	255	231	44,6	48,4	51,6
Северо-Кавказский	103	104	107	117	100	63	220	204	170	44,6	48,0	60,3
Уральский	141	149	150	281	264	90	422	413	240	36,4	36,7	57,3
Калининградская область	22	22	21	5	5	3	27	27	24	26,0	27,2	29,9
Восточная зона	217	229	225	690	595	437	907	824	662	25,4	27,5	32,2
Западно-Сибирский	80	86	88	194	145	103	274	231	191	40,3	46,5	55,5
Восточно-Сибирский	71	73	71	207	194	164	278	267	235	23,9	24,2	25,3
Дальневосточный	66	70	66	289	256	170	355	326	236	17,3	16,9	20,3

Таблица составлена по данным Росстата [6, 7].

В последние десятилетия определяющей тенденцией в городском развитии РФ является укрупнение городских поселений и городского расселения. На начало 2008 г. наиболее значительные по величине городские поселения зафиксированы в Северо-Кавказском (60,3 тыс. чел.), Северо-Западном (56,3 тыс.), Западно-Сибирском (55,3 тыс.), Поволжском (50,7 тыс.) и Центральном (50,5 тыс.) районах, в которых средняя людность городского поселения намного превышает среднероссийский показатель (42,2 тыс. чел.). В сравнении с ними наименьшую среднюю величину имеют городские поселения Дальневосточного, Восточно-Сибирского, Волго-Вятского и Северного экономических районов. В их урбанистической структуре традиционно преобладают малолюдные посёлки городского типа и города.

Анализ вековой динамики городской сети и городского населения позволил сделать ряд выводов, отражающих особенности и формы, проблемы и результаты российской урбанизации в советский период:

- эволюционный путь городского развития в дореволюционный период сменила урбанистическая революция, в результате которой в 1930–1980-х гг. произошла коренная трансформация урбанистической структуры страны;

- ведущими факторами процесса урбанизации в условиях централизованной плановой экономики явились индустриализация страны и необходимость планомерного вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов необжитых районов Севера, Сибири и Дальнего Востока на основе индустриального типа освоения и формирования сети стационарных городских поселений;

- процесс урбанизации РСФСР в 1930–1980-е гг. имел преимущественно экстенсивный характер, что проявилось в неоправданно высоких темпах роста числа городских поселений и численности городского населения;

- достижение высокого уровня показателей количественного роста урбанизации произошло в ущерб её качественному развитию;

- для урбанистического развития России характерно запаздывание развёртывания очередных этапов развития урбанизации по сравнению со странами западного мира;

- незавершённость и односторонний характер процесса урбанизации из-за хронического отставания социальной сферы экономики городов, пренебрежения городских властей к удовлетворению насущных потребностей горожан и их слабого включения в городской образ жизни;

- замедление темпов урбанизации в 1970–1980-х гг. не позволило завершить формирование полноценных систем городского расселения и истинных городов;

- формирование единых транспортной и энергетической систем страны стало эффективным средством организации пространства и способствовало укреплению опорного каркаса расселения;

- функциональная структура городских поселений страны характеризуется преобладанием монопрофильных центров, выполняющих главным образом промышленные и транспортные функции;

- недостаточная зрелость функциональной структуры городских поселений всех категорий людности вследствие молодости городской сети и непродолжительности городского стажа;
- появление в типологическом разнообразии городов новых типов городских поселений, представленных городами-энергетиками, наукоградом и закрытыми административно-территориальными образованиями (ЗАТО), созданных на основе военных и военно-стратегических баз, космодромов и центров противоракетной защиты, комплексов атомной промышленности и военно-промышленных производств;
- устойчивое повышение доли городов-мультимиллионеров (столичных городов) в общей численности городского населения и их гипертрофированное развитие;
- высокая доля в городской сети малонаселённых малых городов и посёлков городского типа, не отвечающих современным критериям отнесения к категории городских поселений и требованиям экономичности;
- переход к агломерационному этапу эволюции городского расселения вызвал появление многочисленных городов-спутников и новых видов пригородных поселений, ориентирующихся на разнообразное обслуживание центрального поселения;
- городское расселение страны отличается асимметричностью в широтном и меридиональном отношениях с преимущественной концентрацией городских поселений и городского населения в пределах старопромышленных районов Европейской части и Главной полосы расселения страны;
- городская среда обитания жителей городских поселений довольно часто отличается недостаточной сформированностью и низким качеством жизни;
- развитие городского расселения проходило в условиях обострения экологических проблем и экологического неблагополучия;
- городской образ жизни, городские формы занятий, культуры и обслуживания населения слабо проникают в сельскую местность и пока не стали доминирующими даже в зоне влияния многих больших городов.

Главным итогом российской урбанизации в XX в. явилось возникновение и непрерывное возрастание числа и роли многофункциональных больших городов, ставшими ядрами развития агломераций и социально-культурными очагами урбанизации, средством модернизации экономики и совершенствования территориальной организации общества. Формирование разветвлённой сети городских поселений во главе с большими городами выступило своеобразным индикатором зрелости развития городского расселения страны. При этом большие города, обладающие выгодным экономико-географическим положением, развиваются как узлы опорного каркаса территории страны, концентрирующие важнейшие экономические и транспортно-распределительные связи межрайонного или внутрирайонного значения [2].

Сформировавшиеся в советские годы особенности российской урбанизации и итоги её развития позволили очертить круг важнейших проблем городского развития и пути их решения на ближайшую перспективу. Между тем в постсоветский период в российской урбанизации не только накопились и остались нерешёнными многие старые проблемы, но и в дополнение к ним появился ряд новых проблем, а условия для их решения в большинстве существующих городов существенно ухудшились в связи постиндустриальной трансформацией экономики и финансово-экономическим кризисом:

- дальнейшее укрупнение городского расселения, сопровождающееся повышением удельного веса больших городов в общей численности городского населения, усилением процесса формирования пригородных зон;
- разработка и внедрение новых методов управления городскими агломерациями и большими городами с учётом закономерностей их самоорганизации и саморазвития;
- расширение функциональной структуры столичных и региональных центров, больших и крупных городов;
- нарастание противоречия между экономической целесообразностью концентрации средств и усилий в относительно ограниченном числе ключевых городов-центров и социальной необходимостью развития всех городских поселений;
- усиление дифференциации городских поселений в зависимости от способности адаптироваться к новым экономическим условиям и возможности использования собственного потенциала на основе саморазвития;
- высокая доля промышленных видов деятельности в структуре городской экономики больших городов на фоне слабой ориентации на потребности человека в городе, отставания и недостаточного развития третичного и четвертичного секторов;
- появление в России первого классического мегаполиса с населением свыше 10 млн. человек (Москва во главе агломерации) и глобальных (мировых) городов (Москва, Санкт-Петербург);
- стягивание населения в наиболее крупные города-центры сопровождается постепенным обезлюдением окружающей сельской местности и расширением ареалов межселенных пространств с крайне низкой плотностью сельского населения и редкой сетью населённых пунктов;

– стремительная деградация городской сети и городской среды, ведущая к дальнейшему обострению социально-экономических проблем и социальных патологий, усилению сельских черт и маргинализации населения;

– усиление сельских черт в развитии малых городов и посёлков городского типа.

В современных условиях решение проблемы регулирования развития городского расселения наиболее целесообразно на основе системного и агломерационного подходов, учитывающих взаимосвязанное развитие городских поселений разной плотности и различных типов в единой системе расселения страны. В ближайшие годы предстоит осуществить переход от характерного для советского периода ускоренного роста урбанизации к его качественному развитию на основе стратегии устойчивого развития городов, предполагающей совершенствование городского планирования и управления, форм обслуживания населения и условий его жизни, улучшение экологической ситуации и качества городской среды.

Источники и литература

1. Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века. Т. I. Менталитет. Транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск, 2002.
2. Ланно Г.М. Особенности российской урбанизации и их отражение в урбанистической структуре страны // Региональные исследования. Смоленск, 2004. № 1 (3). С. 3–12.
3. Население городов по переписи 28 января 1897 г. Санкт-Петербург, 1897. Вып. 2.
4. Обедков А.П. Классификация городов по плотности и тенденции развития городской сети России // Географическое образование и наука в России: история и современное развитие. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: ВВМ, 2010. С. 496–505.
5. Россия. Энциклопедический словарь. Издатели: Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (Санкт-Петербург). СПб., 1898; Лениздат, 1991.
6. Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики; Т. 1).
7. Численность населения Российской Федерации по городам, посёлкам городского типа и районам на 1 января 2009 г. М.: Росстат, 2009.

Демографическая характеристика семьи негидальцев

Негидальцы – небольшая тунгусо-маньчжурская народность Дальневосточного региона, проживающая главным образом в нескольких селах Ульчского (села Тыр, Кальма, Белоглинка), Николаевско-на-Амуре (с. Овсяное поле) районов и района им. Полины Осипенко (с. Владимировка и село имени Полины Осипенко) Хабаровского края. Основное отличие в хозяйственной деятельности двух групп данного этноса состоит в том, что негидальцы Ульчского и Николаевского районов, находясь в окружении ульчей, нивхов и нанайцев, занимаются главным образом рыболовством, тогда как негидальцы района им. Полины Осипенко, контактируя с эвенками и эвенами, основное внимание уделяют своему исконному занятию – охотничьему промыслу. Этническое окружение того или иного этноса играет важную роль во всех областях его жизнедеятельности, в том числе и семейно-брачной сфере.

В настоящее время большинство опрошенных негидальцев состоит в браке (59,3%), а состояли в браке (разведены) – 8,1%; вдовы (вдовцы) – 8,7% и вообще не состояли в браке 21,2%. Обнадеживающим можно считать тот факт, что по шкале ценностей хорошая семья монополюсно занимает высокую позицию: для 78% опрошенных, хорошая семья – самое важное в жизни; при этом другие ценности набрали от 0 до 5% [1].

Общая тенденция современных браков характеризуется брачным возрастом от 17-18 лет до 25-26 лет как для женщин, так и для мужчин. Исследования похозяйственных книг, материалов загсов и других документов показали, что и теперь у негидальцев нередки семьи, в которых жены старше мужей. Возможно, это отголоски прежнего существования у них обычая левирата. В 1/3 браков девушкам только исполнилось 18 лет или они только приблизились к 19-летнему возрасту. Было несколько случаев, связанных, как правило, с беременностью невесты, когда в брак вступали девушки моложе этого возраста. Это говорит о том, что молодые люди вступают в близкие отношения, не задумываясь о последствиях.

На момент исследования в Хабаровском крае однонациональные семьи составляли 35,3%; смешанные – 64,7%, в том числе 40% из последних составляют семьи негидальцев-мужчин с представителями других коренных этносов; женщины-негидальки вступали в подобные браки в 50% случаев; 10% от общего числа всех семей составляют браки со славянским населением. Для мужчин характерны однонациональные браки, браки с эвенкиями и представительницами других народов Севера. Женщины выходят замуж часто за приезжих различных национальностей. Например, появились браки с азербайджанцами, евреями, тувинцами, цыганами и др., однако преобладают все же браки местных женщин с русскими и украинцами, как со старожилками, так и с прибывшими недавно. Подобная тенденция во многом объясняется и неблагоприятным соотношением полов у негидальцев. Все жизненные процессы, в том числе и воспроизводство, ограничиваются рамками сел, что создает большие проблемы для потенциальных женихов и невест. Помимо этого, при заключении браков в настоящее время важную роль играют психологические и культурные факторы. В целом социальный статус женщин у негидальцев выше, чем у мужчин, и далеко не каждая негидалька соглашается связать свою жизнь с человеком, социально-культурные характеристики которого не соответствуют ее ожиданиям. Все это еще более усугубляет диспропорцию полов.

Примерно половина смешанных семей живет гражданским браком. Процент гражданских браков высок и в однонациональных семьях. Распространение гражданских браков, принявших в последнее время характер повзврия, объясняется тем, что на селе проще относиться к юридическому оформлению браков (и разводов тоже), только в случае крайней необходимости. Вторая причина роста гражданских браков – неустроенность и нестабильность жизни. Доля гражданских браков выше в этнически смешанных семьях, особенно с русскими, но не существенно. Объясняется это тем, что многие такие брачные союзы супруги (особенно это характерно для мужчин) воспринимают как временное явление и не всякая женщина в таких браках, интуитивно понимая всю шаткость своего замужнего положения, отважится иметь больше одного-двух детей. Отсюда и низкая детность подобных браков.

На сегодняшний день самой многочисленной группой является семья из двух человек – 23%; очень низкий процент семей из трех человек – 6,8%. Сопоставив эту цифру с тем, что один ребенок – самое распространенное явление (23%), можно сделать вывод, что значительная доля семей из двух человек – неполные семьи. По численному составу семьи делятся на: семьи из 1 чел. – 1,8%; из 2 чел. – 23%; из 3 чел. – 6,8%; из 4 чел. – 19%; из 5 чел. – 18%; из 6 чел. – 10%; из 7 чел. – 5%; из 8 чел. и более – 14% [2]. Среди однонациональных семей преобладают, к сожалению, семьи матерей-одиночек – 54,5%.

У негидальцев в однонациональных семьях главы семей – мужчины, и возраст супругов либо совпадает, либо муж старше жены. В смешанных семьях, главным образом, в славянско-негидальских, в 4,5% случаев

* **Фадеева Елена Викторовна** (Владивосток) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, ev_fadeeva@mail.ru.

главой семьи выступают женщины. В 22,7% семей жены старше мужей, особенно это касается браков женщин-негидалок с представителями других коренных этносов (44,4%), в 22% случаев женщины оставляют за собой свою девичью фамилию. Отметим, что главой семьи женщина является, как правило, в тех случаях, когда она имеет более высокий образовательный уровень и социальный статус, а в трети случаев супруга еще и старше мужа. Подобные цифры свидетельствуют о достаточной независимости и самостоятельности женщин, перераспределении ролей в современной семье.

С точки зрения образования супругов в однонациональных семьях в 8,3% случаев уровень образования супругов либо совпадает, либо муж более образован; в смешанных семьях преобладают браки между людьми, чье образование одинаково (31,8%), тогда как 27,3% составляют браки мужчин с более образованными женщинами. Эти данные подтверждает общая картина уровня образования местного коренного населения: у мужчин преобладает неполное среднее образование (68,3%), тогда как у женщин – среднее (36,7%) и средне-специальное (10%). Отчасти это связано с тем, что мужчины всегда были более ориентированы на традиционные отрасли хозяйства, тогда как женщины стремились получить какую-либо специальность, чтобы в дальнейшем занять более высокое социальное положение, что мы в дальнейшем и увидим при анализе хозяйственной занятости негидальцев.

Основными занятиями нынешних негидальцев являются рабочие специальности, их имеют 70% мужчин и 30% женщин, из них рыбообработчиками трудятся 66,7% мужчин и 33,3% женщин. Пенсионерами по старости являются 12,5% мужчин и 87,5% женщин; безработными числятся 75% мужчин и 25% женщин. Среди учащихся в вузах, учителей, работников сельской администрации, домохозяйек присутствуют только женщины. При этом треть мужского и женского населения вообще затруднились указать свое место работы, объясняя это либо временными трудностями с поисками работы, либо желанием заниматься собственным делом, а не «батрачить на дядю». Таким образом, можно сделать вывод о том, что основная масса мужчин и женщин трудятся на производствах, связанных с добычей и переработкой рыбы. Большой процент безработных женщин объясняется тем, что женщинам приходится сидеть дома с детьми и вести домашнее хозяйство.

Почти каждая семья имеет детей. Преобладают семьи с 2-3 детьми, тогда как в 1960-х гг. было много семей с 4-5 детьми, нередко были и семьи с 9-10 детьми. В большинстве смешанных браков как со славянским населением, так и с представителями других коренных этносов национальность детей определяется как «негидалец». Например, в негидальско-славянских семьях этот показатель составляет 73,7%; а в славянско-негидальских семьях он вообще составляет 100%. При этом, как правило, фамилия ребенка определяется, главным образом, все-таки по отцу. Таким образом, очевидно, что этническое самосознание лиц, выросших в смешанных по национальному составу семьях, в значительной степени воспитывается тем этническим окружением, в котором вырастают эти лица (при условии, что отец или мать данного лица происходят из среды этого народа).

К сожалению, современная семья негидальцев при существующей системе образования подрастающего поколения (наличие системы школ-интернатов) зачастую не может выполнять своих функций: воспитания, социализации, передачи опыта народной культуры, формирования этнического самосознания молодежи. Родители отучаются выполнять свой первостепенный долг – заботиться о своих детях. А сами дети отвыкают от родителей, в результате такого воспитания становятся потребителями, привыкшими жить на всем готовом. В интернате дети теряют связь со своими национальными корнями. Родной язык звучит для них как иностранный. Охотиться, рыбачить, шить одежду, вышивать так, как это делали их предки, они уже не умеют. Запомнив в детстве некоторые элементы своих танцев, песен, к окончанию школы они их уже забывают.

Нарушения добрых взаимоотношений между членами семьи, разумеется, случаются и у негидальцев. Разводов здесь не меньше, чем у окружающего населения: инициаторами их обычно являются женщины. Основной мотив расторжения брака – злоупотребление мужа спиртными напитками. Устойчивость семьи мало зависит от того, был ли брак зарегистрирован. Доля распавшихся браков находится в прямой зависимости от времени их заключения. У негидальцев особенно часто распадались однонациональные браки продолжительностью от 6 до 10 лет (60%). Одной из главных причин такого явления мы склонны рассматривать повальное увлечение в последние годы мужчин-негидальцев алкоголем, но основная беда кроется в неподготовленности молодежи к семейной жизни. Девочки, выйдя из школы-интерната, не умеют готовить пищу, шить, вести домашнее хозяйство, мальчики – столярничать, что-то починить, смастерить, потому что уроки труда и домоводства мало что дают в этом отношении. До вступления в брак 50% женихов и 30% невест лишь иногда, от случая к случаю занимались ведением домашнего хозяйства. Потому-то у молодых при первом же столкновении с трудностями семейного быта возникают серьезные конфликты, нередко заканчивающиеся разводом. Статистика показывает, что 20% расторгнутых браков – это браки со стажем семейной жизни до двух лет. Именно они эпизодически зависимы от родителей, а главное – молодые люди еще не созрели для роли жены и мужа. В целом можно констатировать, что смешанные семьи распадаются чаще, чем однонациональные. Причина, вероятно, заключается в том, что в однонациональных семьях жизненные интересы супругов более однородны, меньше причин для семейных конфликтов. Возможно, сказывается и то обстоятельство, что в однонациональных семьях меньшее значение при-

дают официальному оформлению разводов. Большинство браков расторгается либо по совместному заявлению супругов, либо по желанию женщины. Однако страшны не сами разводы, а их последствия – это безотцовщина при живом отце, дети, оставленные молодыми матерями в родильных домах, переполненные детские дома.

На сегодняшний день очень остро стоит проблема здоровья негидальцев. В настоящее время отсутствуют обнадеживающие перспективы формирования благоприятной демографической ситуации: наблюдается высокий уровень заболеваемости и смертности; низкий уровень продолжительности жизни; происходит нарастание ассимиляции, а также процессов, ускоряющих личную деградацию (пьянство, преступления). В настоящее время более 60% опрошенного населения жалуется на здоровье и только 26% считает себя здоровым. Почти треть опрошенных (26,2%) находится на диспансерном учете. При этом, согласно опросу, от 50 до 75% респондентов страдают хроническими заболеваниями. Из них 18,7% связывают плохое здоровье с плохим медицинским обслуживанием [3].

В основе естественной убыли населения лежит главная причина смертности, а именно – смерть от неестественных причин (переохлаждение, отравление, несчастные случаи на воде и в тайге, убийства и самоубийства). На ее долю приходится более половины всех смертей. Например, в 2002 г., согласно актовым записям Управления ЗАГС при Правительстве Хабаровского края, она составила более 50% всех умерших. Смертность от неестественных причин у мужчин почти в 5 раз выше, чем у женщин – 51,6% против 10%. У женщин среди неестественных причин смертности – несчастные случаи, у мужчин этот показатель составляет 25,8%, а второе место в этом списке занимают самоубийства (17,2%). Безусловно, жизнь и работа в тайге, на реке и море связана с повышенной опасностью. Немаловажную роль при этом играет злоупотребление алкоголем, так как пьянство стало образом жизни значительной части коренного населения.

Высокая смертность негидальцев в репродуктивном возрасте делает весьма проблематичным нормальное воспроизводство этнической группы. Средняя продолжительность жизни – 62 года. Причем разница между мужчинами и женщинами в пользу последних составляет десять лет. Умирают и маленькие дети, так как на недостаточном уровне акушерско-гинекологическая служба. До 1980-х гг. негидальцам почти не были знакомы болезни системы кровообращения, у них преобладали бронхолегочные болезни и отиты. Однако в последние годы у них стали фиксироваться и они, а также сердечно-сосудистые заболевания (гипертония). Сказывается оседлый образ жизни, который ведет сегодня большинство населения, а также метисация. Изменения коснулись и конституциональных особенностей тела: растет число полных, рыхлых людей, особенно среди метисов. Стоит отметить, что после 1985 г. у негидальцев перестала фиксироваться смертность от туберкулеза.

В целом «букет» заболеваний негидальцев выглядит следующим образом: анемия, ревматизм, колиты, артриты, почечная, сердечная недостаточность, хондрозы, тенденция к глухоте и слепоте и т.д. В медицинском обслуживании не практикуются профосмотры и диспансерный учет, чем и объясняется сокращение продолжительности жизни негидальцев, хотя в прошлом они отличались долгожительством. Врачи ЦРБ редко выезжают в села района для оказания медицинской помощи на местах, объясняя это тем, что их жители не идут там к ним на прием, а районные больницы не укомплектованы специалистами, не хватает медикаментов и продуктов питания, особенно детского, а материально-техническая база больницы не отвечает требованиям дня. Тем не менее за последние годы врачи добились того, что в районе не было инфекционных вспышек. Снизилась заболеваемость, отрицательно влияющая на уровень трудоспособности, не отмечено случаев заболевания СПИДом и гепатитов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в настоящее время демографическую ситуацию у негидальцев можно охарактеризовать следующим образом: снижение уровня брачности, как у мужчин, так и у женщин в пользу распространения «гражданских браков» и, как следствие, увеличение количества незаконнорожденных и внебрачных детей; повышение числа разводов с последующим увеличением неполных семей. Видимо, будут иметь продолжение и тенденция уменьшения рождаемости при повышении уровня смертности, главным образом, среди трудоспособного населения. Негидальцы все больше отходят от своего традиционного охотничьего промысла, о чем говорит большое количество населения, занятого в рыбной промышленности. Большой процент иноэтнического окружения (нанайцев, ульчей, нивхов, славян) сказывается на увеличении количества смешанных браков; подобная тенденция, без сомнения, будет продолжаться и впредь. Реалии времени таковы, что процесс взаимовлияния и взаимодействия негидальцев и окружающего их населения, со всеми вытекающими негативными последствиями для сохранения этнического самосознания негидальцев, уже не остановить.

Источники и литература

1. Ким А.С., Кныш А.В., Лях П.П., Менделен Н.Г., Прасолова М.П., Смирнов Б.В. Малочисленные этносы Приамурья / Отв. ред. Б.В. Смирнов. Хабаровск: Изд-во Хаб. гос. техн. ун-та, 1993. С. 24.
2. Там же. С. 23.
3. Там же. С. 26, 27.

Я.К. Преминина*

Демографическая ситуация на Европейском Севере России в конце XX – начале XXI в.

С 90-х гг. XX в. Европейский Север России испытывает устойчивый нисходящий тренд динамики численности населения. Миграционный отток населения из региона, сопровождающийся ухудшением характеристик естественного воспроизводства населения стал беспрецедентным в длительной истории заселения и освоения данной территории.

Европейский Север – типичный ресурсный район, который осваивался и заселялся в первую очередь в связи с разработкой его топливно-энергетических, рудных полезных ископаемых, уникального комплексного сырья – апатитов и крупнейших в Европейской части страны лесных массивов (табл. 1). Близость района к основным центрам обрабатывающей промышленности России содействовала его более раннему экономическому развитию по сравнению с остальными северными районами, что обусловило формирование здесь целого ряда крупных предприятий по переработке добываемого топлива и сырья. Существенным стимулом экономического развития района было его приморское положение на побережье Белого и Баренцева морей, создающее возможности для развития морского судоходства и рыбопромыслового флота, организации производств экспортной ориентации (в том числе лесопильно-деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности). Приморское положение способствовало и развитию крупных предприятий военно-промышленного комплекса в Мурманской и Архангельской областях.

Таблица 1

Динамика среднегодового прироста (убыли) населения субъектов европейской части России, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, % [1]

Годы	1939/1926	1959/1939	1970/1959	1979/1970	1989/1979	2000/1989	2010/2000
Россия	1,3	0,4	1,0	0,6	0,7	-0,1	-0,3
Европейский Север	4,5	2,5	1,6	1,2	1,1	-1,2	-1,0
Республика Карелия	6,1	1,9	0,9	0,3	0,7	-0,6	-0,7
Республика Коми	3,2	7,8	1,7	1,8	1,3	-1,5	-1,0
Архангельская область	2,2	0,7	1,0	0,5	0,1	-1,0	-1,0
Мурманская область	62,3	4,8	3,7	2,3	1,9	-1,6	-1,1

Источник: Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 1998–2009 годах. Ст. бюллетень. М., 2010.

Большая часть экономически активного населения Европейского Севера концентрировалась в наиболее трудоемких отраслях хозяйства, развивавшихся преимущественно по экстенсивному пути. Освоение природных ресурсов Европейского Севера, транспортное строительство и создание крупных предприятий по первичной переработке добываемого сырья при экстенсивном характере экономики были сопряжены с привлечением значительных контингентов населения из других районов страны. Огромное значение здесь сыграли и быстрые темпы жилищного строительства (в том числе во вновь основанных городах и поселках городского типа), а также социальные программы поддержки северян (так называемые «длинный северный рубль» и «полярки»). В числе прибывавших мигрантов преобладала молодежь, что способствовало омоложению возрастного состава населения, и по сравнению со средними показателями по России – более высокого уровня рождаемости, более низкого уровня смертности, а следовательно – и относительно благополучных показателей естественного прироста населения. Все это содействовало довольно устойчивой в течение длительного времени тенденции увеличения ежегодного прироста численности населения Европейского Севера. Такое положение сохранялось до 90-х гг. XX в., когда происходит кардинальный перелом в динамике численности населения Европейского Севера: ежегодный прирост стремительно падает. Основной причиной столь кардинального изменения динамики численности населения явилась общая кризисная обстановка в стране, спровоцировавшая серьезное сокращение не только всех видов нового промышленного и транспортного строительства, но и сокращение/ликвидацию уже существующих предприятий (табл. 2).

* Преминина Яна Клавдиевна (Архангельск) – кандидат географических наук, доцент Северного (Арктического федерального) университета им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник отдела экономических исследований Архангельского НЦ УрО РАН, preminina.yana@pomorsu.ru.

Таблица 2

Динамика среднегодового естественного и миграционного прироста/убыли населения субъектов европейской части России, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, %

Территория \ Годы	1990–1994		1995–1999		2000–2004		2005–2009	
	е.п.	м.п.	е.п.	м.п.	е.п.	м.п.	е.п.	м.п.
Россия	-2,0	+2,3	-5,5	+2,3	-6,3	+0,6	-3,7	+1,4
Европейский Север	-0,3	-11,1	-4,0	-7,9	-5,6	-4,5	-3,4	-4,7
Республика Карелия	-2,6	-1,6	-6,5	+0,2	-8,4	+1,3	-5,9	+0,4
Республика Коми	+1,5	-15,3	-2,2	-9,8	-3,8	-6,0	-1,7	-7,6
Архангельская область	-1,5	-7,1	-5,5	-5,8	-7,0	-3,9	-3,7	-4,1
Мурманская область	+0,9	-18,6	-1,9	-14,9	-3,3	-8,4	-2,1	-6,4

Источник: Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 1998–2009 годах. Ст. бюллетень. М., 2010.

Во второй половине XX в. Европейский Север постоянно отдавал часть своего населения в другие регионы страны. Вместе с тем его индустриальное освоение, существовавшие северные льготы обуславливали приток населения. Эти два фактора главным образом и воздействовали на масштабы миграции. Кризисная ситуация, обусловленная миграцией, начала формироваться в конце XX в., когда естественное движение населения уже не смогло компенсировать миграционную убыль. Сокращение численности населения за период с 1990 по 2010 г. составило 1081,1 тыс. чел., в том числе за счет естественной убыли – 476, 8 тыс. чел., за счет миграционной – 609,3 тыс. чел. (56,4% убыли). Европейский Север является территорией, которая постоянно «отдает» население в другие регионы страны (причем, наиболее активную в репродуктивном отношении его часть), и соответственно – часть своего естественного прироста; происходит увеличение населения в старших возрастных группах и следовательно создаются предпосылки для повышения общего показателя смертности, т.е. происходят деградация демографической системы и резкое уменьшение ее демографического потенциала.

Экономический кризис, начавшийся в 90-е гг. XX в., особо отрицательно повлиял на уровень смертности, вызвав его быстрый рост. За период с 1990 по 2009 г. на Европейском Севере уровень рождаемости снизился на 7,8%, а уровень смертности возрос на 63,9%. В конце XX – начале XXI в. чертой, определяющей протекание демографических процессов в регионе, является депопуляция. Начиная с 90-х гг. XX в. для Европейского Севера характерен отрицательный естественный прирост. В 2009 г. демографическая формула воспроизводства населения была такова: $11,9-13,6 = -1,7(\%)$ (в том числе: Республика Карелия – $11,5-15,5 = -4,0$; Республика Коми – $12,4-12,8 = -0,4$; Архангельская область – $12,3-14,4 = -2,1$; Мурманская область – $10,8-12,0 = -1,2$) [1]. Депопуляционные процессы деформируют демографическую структуру населения: усиливают диспропорции возрастной структуры населения; ускоряют процессы старения населения; сокращают уровень рождаемости и способствуют росту смертности населения; формируют демографические волны.

Итак, основными особенностями современной демографической обстановки на Европейском Севере являются: сокращение численности населения, депопуляция, низкая рождаемость, высокая смертность, и, как следствие, неблагоприятная возрастная структура населения, его старение.

Для дальнейшего демографического развития Европейского Севера будет характерен ряд следующих черт. Население Европейского Севера вступило в фазу долговременной убыли и поэтому будет продолжаться сокращение населения, которое началось в 90-е гг. XX в. (табл. 3, 4, 5).

Таблица 3

Динамика соотношения численности населения субъектов европейской части России, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, % (прогноз) [2]

Территория \ Годы	2016/2011	2021/2016	2026/2021	2031/2026	2031/2011
	Россия	100,1	99,7	99,2	98,9
Европейский Север	97,6	97,3	97,1	97,1	89,6
Республика Карелия	97,8	97,4	96,8	96,4	88,9
Республика Коми	97,2	97,1	96,9	97,1	88,9
Архангельская область	97,6	97,2	96,8	96,8	88,9
Мурманская область	98,0	97,9	97,8	98,1	91,9

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Ст. бюллетень. М., 2010.

Таблица 4

Динамика коэффициента естественного прироста(убыли) населения субъектов европейской части России, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, ‰ (прогноз) [2]

Территория \ Годы	2010	2015	2020	2025	2030
Россия	-1,4	-2,2	-3,4	-4,6	-5,2
Европейский Север	-1,5	-2,6	-3,9	-4,9	-5,2
Республика Карелия	-3,7	-4,7	-6,0	-7,4	-8,2
Республика Коми	-0,3	-1,3	-2,4	-3,5	-3,5
Архангельская область	-1,7	-3,0	-4,6	-5,8	-6,3
Мурманская область	-1,0	-1,8	-2,8	-3,4	-3,2

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Ст. бюллетень. М., 2010.

Таблица 5

Динамика коэффициента миграционного прироста (убыли) субъектов европейской части России, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, ‰ (прогноз) [2]

Территория \ Годы	2010	2015	2020	2025	2030
Россия	+1,9	+2,2	+2,5	+2,7	+2,8
Европейский Север	-4,0	-2,3	-1,8	-1,1	-0,4
Республика Карелия	-0,6	+0,1	+0,2	+0,5	+0,8
Республика Коми	-6,6	-4,2	-3,6	-2,8	-1,8
Архангельская область	-3,3	-2,1	-1,5	-0,8	-0,1
Мурманская область	-4,7	-2,2	-1,6	-0,9	-1,2

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Ст. бюллетень. М., 2010.

Наметившееся в нулевые годы XX в. некоторое снижение темпов убыли населения не должно внушать ложного оптимизма. В отличие от первой половины XX в., когда она была обусловлена демографическими факторами – двумя мировыми войнами – современная убыль естественна: суженое воспроизводство и его долгосрочность закрепились на уровне демографической структуры. Катастрофически низкая рождаемость последнего десятилетия XX в. сформировала очередную межень демографической волны (рис. 1), которая в начале второго десятилетия XXI в. обусловит очередной спад рождаемости. Подобная нестабильность демографических структур будет регулярно вызывать социально-экономические проблемы: различные, в зависимости от этапа волны, потребности в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах, учреждениях среднего профессионального и высшего образования, несоответствие между спросом и предложением на рынке труда, трудности с мобилизационным контингентом.

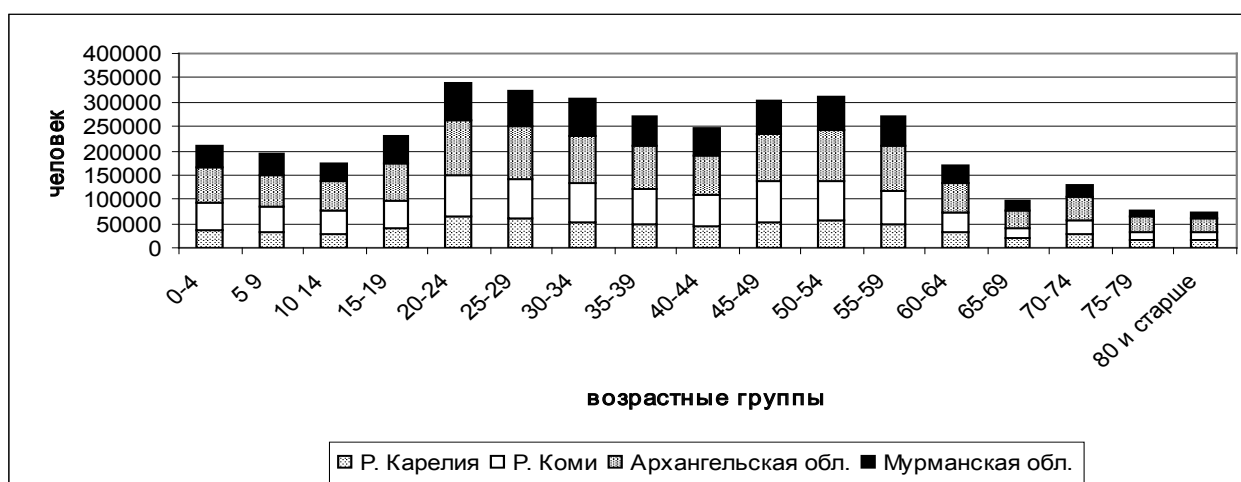

Рис. 1. Возрастная структура населения регионов Европейского Севера на 01.01.2010 [1].

Доминирование смертности над рождаемостью продолжится. Причина – примерно с 1960–1970-х гг. уровень рождаемости устойчиво не обеспечивает режим простого замещения поколений, поэтому число умерших начинает превышать число родившихся. Результаты деформации демографических структур региона в последние десятилетия приведут к неизбежности суженного режима воспроизводства в дальнейшем на протяжении не одного поколения. Нет оснований и на значительную роль положительного миграционного сальдо в общей динамике численности населения. Даже в самой благополучной (благодаря близости к Санкт-Петербургу), с точки зрения миграционного прироста, Республике Карелия его значение минимально.

Показатели старения населения продолжают расти (табл. 6). Последствия старения населения весьма сложны и многообразны. Это и необходимость расширения сети учреждений специализированной медицинской помощи, и увеличение затрат на содержание престарелых, и многие другие социальные и психологические проблемы.

Таблица 6

Динамика численности населения в возрасте 65 лет и старше субъектов европейской части России, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, % (прогноз) [2]

Территория \ Годы	2011	2016	2021	2026	2031
Россия	12,6	13,6	15,5	18,0	19,6
Европейский Север	9,8	11,1	13,1	15,1	16,1
Республика Карелия	11,5	12,7	15,2	17,9	19,5
Республика Коми	8,1	9,1	10,6	12,2	12,9
Архангельская область	11,3	12,8	15,3	17,9	19,3
Мурманская область	7,9	9,3	10,8	12,0	12,3

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Ст. бюллетень. М., 2010.

Особо важное значение приобретет вопрос количества и качества экономически активного населения (табл. 7). Ухудшающаяся демографическая ситуация на Европейском Севере уже начинает оказывать существенное «давление» на процесс его формирования. Происходит уменьшение населения в трудоспособном возрасте при его одновременном старении, т.е. увеличится нагрузка непроизводительного населения на экономику.

Таблица 7

Динамика коэффициента демографической нагрузки субъектов европейской части России, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, на 1000 лиц трудоспособного возраста приходится нетрудоспособных (прогноз) [2]

Территория \ Годы	2011	2016	2021	2026	2031
Россия	622	723	807	824	818
Европейский Север	561	663	728	725	702
Республика Карелия	599	707	782	799	797
Республика Коми	526	620	679	668	633
Архангельская область	613	733	813	820	805
Мурманская область	498	583	626	608	580

Источник: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Ст. бюллетень. М., 2010.

Итак, изменение вектора воспроизводственных процессов, сопровождающихся интенсивной и глубокой деформацией демографических структур, составляет выраженную угрозу существованию региональной демографической системы. Негативные демографические процессы в регионе должны быть скорейшим образом ликвидированы, так как Европейский Север – регион, имеющий чрезвычайно важное экономическое, геополитическое, социальное, культурно-историческое значение для России. Исходя из этого, идущий процесс деколонизации территории недопустим. «Уход» с Севера неминуемо приведет к падению экономической значимости и потере геополитического статуса России в мире.

Поэтому, исходя из долговременных тенденций развития демографической обстановки на Европейском Севере и с учетом геополитической и социально-экономической важности региона необходимо разработать «Концепцию демографической политики на Европейском Севере» в качестве инструмента проведения региональной демографической политики [3].

На основе проведенного исследования можно сформулировать ряд наиболее вероятных на современном этапе концептуальных положений региональной демографической политики. Наиболее ощутимый и вместе с тем «дорогостоящий» результат можно получить при осуществлении комплекса мер, направленных на снижение

смертности. Ведущими направлениями в этой области должны стать достижение ощутимого улучшения материального положения и условий жизни людей; обеспечение высокого качества, объемов и доступности медицинской помощи; улучшение качества медицинского обслуживания всех категорий населения (сокращение смертности в трудоспособных возрастах; снижение младенческой и детской смертности за счет сохранения и развития соответствующей инфраструктуры и внедрения современных медицинских и организационно-логистических методов обслуживания населения); приближение лечебно-профилактических учреждений к пациентам; проведение мероприятий по улучшению условий труда в соответствии с требованиями по охране труда; развитие служб психологической и медико-социальной помощи населению; повышение трудовой и бытовой санитарной культуры населения; улучшение качества окружающей среды; оздоровление образа жизни.

При столь долговременной естественной убыли очень важным звеном региональной демографической политики на современном этапе развития становится миграция. Основой ее регулирования должна стать научно обоснованная региональная миграционная политика, включающая следующие основные направления: стимулирование миграции с учетом демографической ситуации; рациональное расселение мигрантов по территории с использованием системы районных льгот; использование знаний и опыта мигрантов, установление службой занятости квот переселенцам по тем или иным специальностям; информационное обеспечение переселенцев; регуляция миграций на основе сочетания государственных программ переселения и контроля с рыночной регуляцией рынка труда; повышение приживаемости переселенцев, предоставление им льготных кредитов, ссуд, земельных участков; содействие интеграции мигрантов в культурно-историческую, социально-экономическую среду на основе координации действий органов местной государственной власти, международных, общественных организаций и иных объединений; реализации социальных проектов по совершенствованию социальной инфраструктуры региона.

Однако даже внедрение эффективных мер поддержки в долгосрочной перспективе вряд ли может полностью нивелировать циклический характер динамики численности населения, обусловленный особенностями функционирования социально-экономических систем ресурсных окраин в рыночных условиях. Следовательно, на данном отрезке истории надо искать иные способы сохранения нации. Один из них – рост продолжительности жизни за счет улучшения ее качества, культивирования здорового образа жизни, доступности медицинского обслуживания и отношения к труду как к инструменту, продлевающему активность людей и их жизнь.

Анализ причин, современного состояния и тенденций развития демографических процессов на Европейском Севере свидетельствует о том, что стабилизация демографической обстановки и последующее ее улучшение возможны лишь в случае преодоления социально-экономического кризиса, последующего подъема экономики, повышения уровня жизни в России в целом.

Источники и литература

1. Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 1998–2009 годах. Ст. бюллетень. М., 2010.
2. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Ст. бюллетень. М., 2010.
3. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351. – <http://mon.gov.ru/dok/ukaz/vosp/4202/>.

Демографическая ситуация в Сербии в начале XXI века: тенденции и региональные различия

К началу XXI в. в Сербии сложилась катастрофическая демографическая ситуация, которая продолжает оставаться таковой и по сегодняшний день. Для населения страны характерны очень низкий показатель рождаемости, относительно высокий уровень смертности и, как следствие, естественная убыль населения. Согласно данным Книги фактов ЦРУ, рождаемость в Сербии равна 9,2‰, и по этому показателю она занимает 12-е место среди государств с самой низкой рождаемостью в мире. Близкой к сербскому уровню является рождаемость в Италии, Греции, Литве, Болгарии и Сан-Марино [1]. Сербия, как и другие государства Восточной Европы, а также африканские государства, находится в списке мировых лидеров по уровню смертности и занимает 16-е место с показателем 13,9‰. Величина смертности в Сербии сопоставима с показателями Белоруссии, Латвии, Нигера, Зимбабве, Эстонии, Мали и Болгарии [2]. Следует также отметить, что в последние годы разрыв между смертностью и рождаемостью имеет тенденцию к увеличению (табл. 1, рис. 1), что ещё более осложняет ситуацию, при которой население страны фактически вымирает.

Таблица 1

Демографические показатели Сербии в начале XXI в., без данных по Косово и Метохии, ‰

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Рождаемость	9,5	10,2	10,4	10,5	10,5	9,7	9,6	9,2	9,4	9,6
Смертность	13,4	12,8	13,7	13,8	14,0	14,3	13,9	13,9	14,0	14,2
Естественный прирост	-3,9	-2,6	-3,3	-3,3	-3,5	-4,6	-4,3	-4,7	-4,6	-4,6

Источник: Статистички годишњак Србије / Републички завод за статистику, Београд.

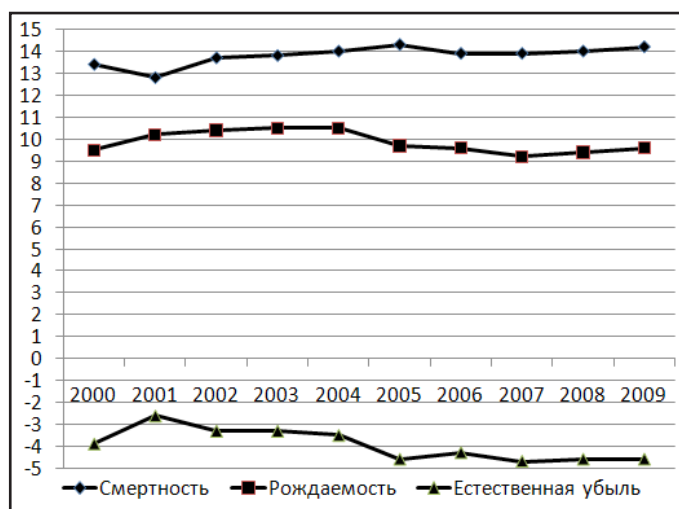

Рис. 1. Динамика демографических показателей Сербии в начале XXI в., без данных по Косово и Метохии, ‰.

За 10 лет, с 2000 по 2009 г., Сербия по причине превышения смертности над рождаемостью потеряла около 295 тыс. чел. (табл. 2), что сопоставимо с численностью населения таких крупных городов, как Нови-Сад (191 тыс. чел.) и Суботица (100 тыс. чел.) вместе взятых.

Следует отметить, что сокращение численности населения Сербии началось ещё ранее. Так, например, согласно данным переписи 1991 г., численность населения страны без данных по автономному краю Косово и Метохия составила 7576,8 тыс. чел. (пересчитаны по методологии переписи 2002 г.**), а в 2002 г. перепись

* Новик Алексей Николаевич (Москва) – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов, e-mail a.n.novik@mail.ru.

** Новая методология переписи населения 2002 г. не включает в численность населения Сербии граждан, которые находятся «на временной работе за границей» и включает иностранцев, которые находятся или работают в Сербии. Чтобы была возможность проанализировать динамику, данные переписи 1991 г., как и 2002 г., Служба статистики Сербии публикует по «старой» и по «новой» методологии.

зафиксировала 7498,0 тыс. чел., т.е. сокращение составило 78,8 тыс. чел. [6, с. 14]. И это несмотря на значительный приток в 1991–2002 гг. переселенцев из республик бывшей СФРЮ (около 389 тыс. чел.) и других государств (около 11,7 тыс.), из них большая часть из Хорватии (около 234 тыс.) и Боснии и Герцеговины (131 тыс. чел.) [7, с. 63]. Снижающаяся рождаемость и, как следствие, уменьшение числа детей нашли отражение в особенностях возрастного состава населения Сербии (рис. 2). Численность младших возрастных групп, начиная с 20–24 лет, т.е. 1978–1982 годов рождения, постоянно снижается, а доля детей по состоянию на 2002 г. составила всего 15,8%. В следующей после переписи «пятилетке» (2003–2007 гг.) число новорожденных, по сравнению с предыдущими 1998–2002 гг., несколько увеличилось и составило 368,5 тыс., что, скорее всего, связано с рождением детей у женщин 25–30 лет. Именно в этом возрасте около половины сербских женщин имеют уже 1-2 детей, тогда как в 20–24 года 75% женщин Сербии всё еще бездетны [9, с. 9]. По всей видимости, в связи с вступлением в репродуктивный возраст ныне молодых, но относительно малочисленных групп населения, в ближайшие два десятилетия при сохранении сложившейся ситуации следует ожидать дальнейшее снижение рождаемости в Сербии.

Таблица 2
Ежегодная естественная убыль численности населения Сербии в начале XXI в., без данных по Косово и Метохии, чел.

Год	Убыль, чел.
2000	30 278
2001	20 573
2002	24 684
2003	24 921
2004	26 134
2005	34 591
2006	31 887
2007	34 703
2008	33 628
2009	33 701
Всего за 2000-2009 гг.	295 100

Источник: Статистички годишњак Србије / Републички завод за статистику. Београд.

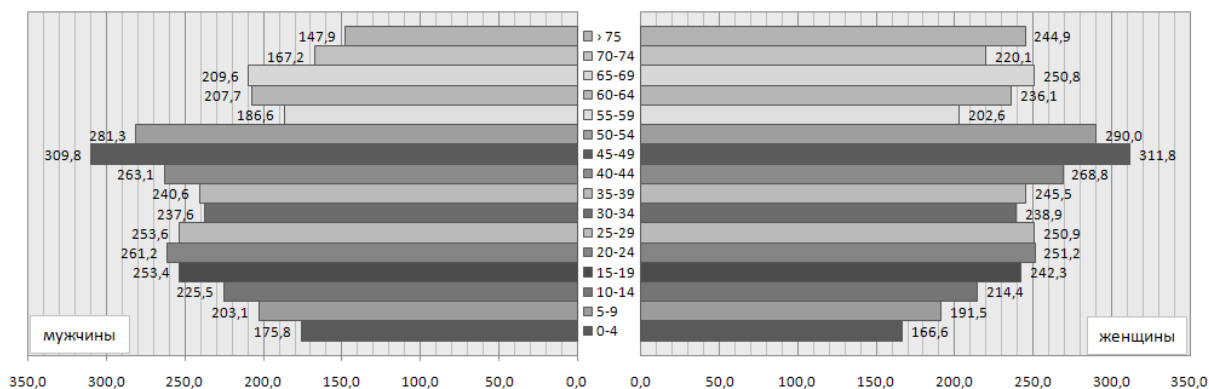

Рис. 2. Возрастно-половая пирамида населения Сербии, 2002 г., без данных по Косово и Метохии, тыс. чел.

Между тем в демографических показателях существуют значительные региональные различия, вызванные социальным, экономическим, этническим и религиозным разнообразием страны. Так, например, из 161 общин Сербии, по которым имеются статистические данные (29 общин находится в автономном крае Косово и Метохия и официальные статистические данные по ним отсутствуют), в 11 наблюдается превышение рождаемости над смертностью, т.е. естественный прирост населения (рис. 3). Четыре из них, относящихся к городским общинам Белграда (Сурчин, Земун, Чукарица, Палилула) и Нови-Сад, отличаются незначительным приростом населения (не выше 1,4%) [8, с. 96–99]. Остальные шесть общин расположены в южной (Прешево, Буяновац, Вране) и юго-западной (Тутин, Нови-Пазар, Сеница) частях Сербии и имеют наибольшие показатели естественного прироста в стране. Значительное влияние на демографическую ситуацию в этих общинах оказали особенности этнического и религиозного состава населения. Только в пяти общинах Сербии, за исключением общин Косово и Метохии,

численно преобладают мусульмане, и все эти общины имеют естественный прирост населения. В трех из них абсолютное большинство составляют бошняки, а еще в двух – албанцы (табл. 3). Это два мусульманских народа, для которых характерны высокая рождаемость и большое число детей в семьях. Так, например, по данным переписи 2002 г., 47,6% албанок и 39,7% бошнянок старше 15 лет родили трех и больше детей – это рекордные показатели для Сербии (табл. 4).

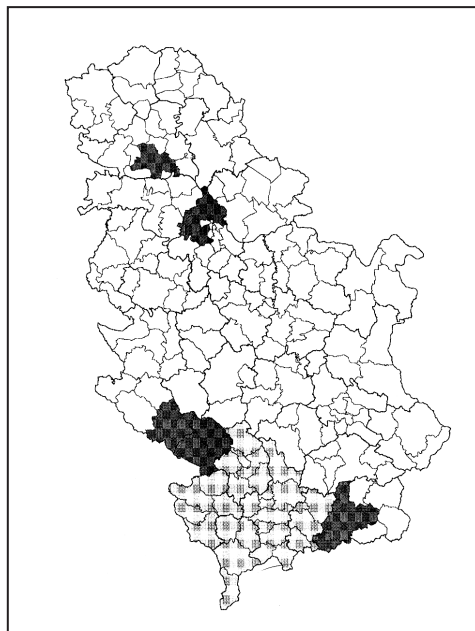

Рис. 3. Географическое положение общин Сербии с естественным приростом населения, 2009 г. (данные по Косово и Метохии отсутствуют).

Таблица 3

Особенности религиозного и этнического состав населения общин с максимальным естественным приростом, 2002 г.

Община	Всё население, чел.	Преобладающая религия		Преобладающий этнос		Естественный прирост, ‰		
		чел.	%	чел.	%			
Прешево	34 904	Ислам	30 507	87,4	Албанцы	31 098	89,1	29,0
Тутин	30 054	Ислам	28 558	95,0	Бошняки	28 319	94,2	15,5
Нови-Пазар	85 996	Ислам	67 366	78,3	Бошняки	65 593	76,3	11,1
Буяновац	43 302	Ислам	25 595	59,1	Албанцы	23 681	54,7	9,7
Сеница	27 970	Ислам	21 149	75,6	Бошняки	20 512	73,3	7,8

Таблица составлена автором.

Таблица 4

Доля женщин старше 15 лет с тремя и более детьми по отдельным этническим группам Сербии, без данных по Косово и Метохии, 2002 г., %

Этносы	Три ребёнка	Четыре ребёнка	Пять и более детей	Всего
Албанцы	17,19	12,08	18,31	47,58
Бошняки	17,58	8,52	13,60	39,70
Цыгане	18,40	9,87	10,85	39,12
Мусульмане	14,56	6,35	8,47	29,38
Горанцы	16,02	6,72	5,45	28,19
Болгары	12,35	4,07	2,99	19,41
Румыны	9,11	2,89	2,12	14,12
Венгры	8,77	2,29	1,67	12,73
Сербь	8,69	2,10	1,27	12,06
Все женщины	9,04	2,42	1,75	13,21

Таблица составлена автором. Источник: [3].

Однако следует отметить, что показатель числа детей у одной женщины не отражает современную динамику и фиксирует ситуацию за несколько последних десятилетий. Между тем в южных общинах за 2002–2009 гг. произошло снижение темпов естественного прироста. Так, например, в общине Тутин прирост снизился на 4,8‰ (15,5‰ в 2002 г., 10,7‰ в 2009 г.), Сеница – на 4,6‰ (7,8‰ в 2002 г., 3,2‰ в 2009 г.), Нови-Пазар – на 2,1‰ (11,1‰ в 2002 г., 9,0‰ в 2009 г.). Но наибольшее снижение произошло в общинах с преобладанием албанского населения: Прешево – на 24,0‰ (29,0‰ в 2002 г., 5,0‰ в 2009 г.), Буяновац – на 9,7‰ (9,7‰ в 2002 г., 0,04‰ в 2009 г.). Раскрыть причины такой динамики можно будет при сравнении данных переписи 2002 г. и предстоящей переписи населения Сербии, которая намечена на 1–15 октября 2011 г. [4]. Всё же анализ возрастного состава населения албанцев и бошняков по состоянию на 2002 г. показывает, что тенденция к снижению рождаемости и числа детей среди этих народов наметилась ранее: у албанцев в середине 90-х гг., а у бошняков – в конце 80-х гг. XX в. (рис. 5 и 6). Возможно, влияние также оказала трудовая эмиграция (в 2002 г. 26% албанцев и 17% бошняков Сербии находились за границей) [5, с. 346–347], которая усилилась с введением безвизового режима между Сербией и странами Европейского Союза.

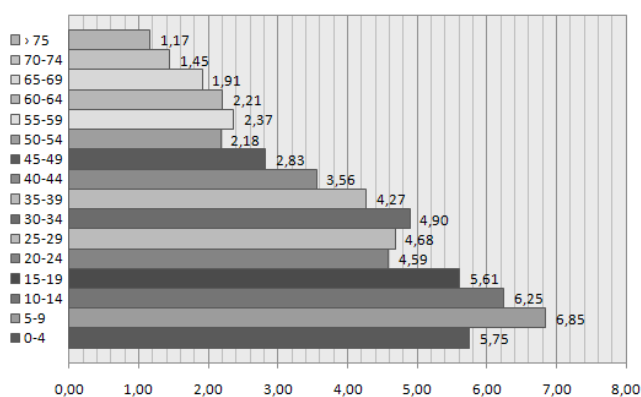

Рис. 4. Возрастной состав албанцев Сербии, без данных по Косово и Метохии, 2002 г., тыс. чел.

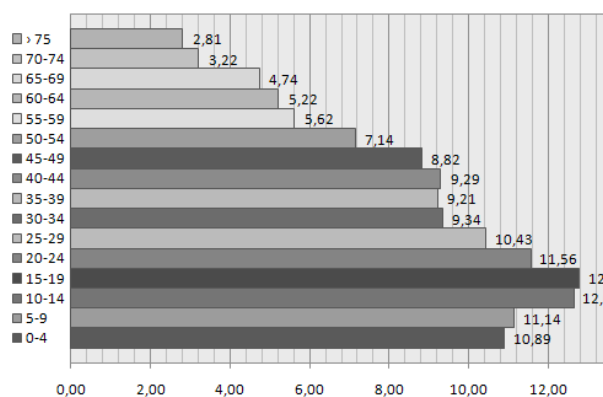

Рис. 5. Возрастной состав бошняков Сербии, без данных по Косово и Метохии, 2002 г., тыс. чел.

В абсолютном большинстве общин Сербии наблюдается естественная убыль населения, а в 46 общинах убыль превышает 10%, в том числе в трёх – более 20% (Црна-Трава – 41,5%, Бабушница – 22,7%, Гаджин-Хан – 21,3%) (рис. 4). В начале XXI в. прослеживается тенденция к увеличению числа таких общин. Так, например, в 2000 г. общин с убылью более 10% было 23, а с показателем более 20% – ни одной. Наибольшая естественная убыль населения наблюдается в четырёх округах Восточной Сербии – в Заечарском (12,2%), Пиротском (11,1%), Браничевском (10,6%) и Борском (9,7%). Здесь же отмечаются самая низкая в стране рождаемость (около 7‰) и самая высокая смертность (около 17–19‰) [8, с. 96–99]. Результатом такой демографической ситуации стали особенности возрастного состава населения – наибольшая доля пожилого населения (лиц старше 65 лет более 20%) [8, с. 56–59] и самый высокий средний возраст населения (около 42–45 лет).

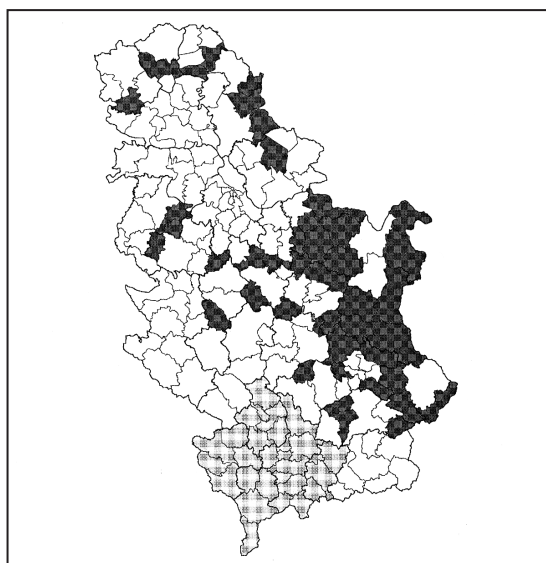

Рис. 6. Географическое положение общин Сербии с естественной убылью населения более 10%, 2009 г. (данные по Косово и Метохии отсутствуют).

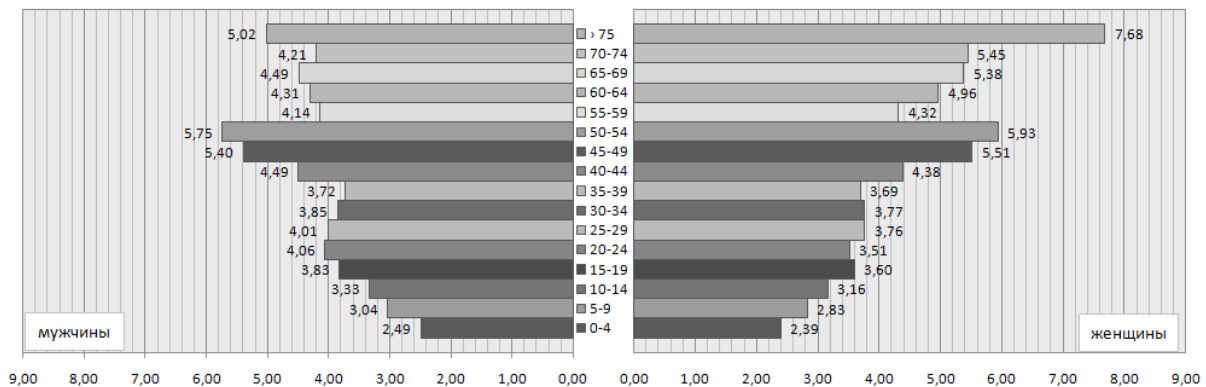

Рис. 7. Возрастно-половая пирамида населения Зajeчарского округа, 2002 г., тыс. чел.

Определённое влияние на демографическую ситуацию оказывает трудовая эмиграция из Сербии, которая усилилась в последние десятилетия: в 1991 г. перепись зафиксировала 273,8 тыс. чел., работающих за границей, а в 2002 г. их уже стало 414,8 тыс. Также увеличилась доля эмигрантов в совокупной численности населения страны – с 3,5% в 1991 г. до 5,3% в 2002 г. Большинство сербских «гастарбайтеров» работает в Германии (24,8%), Австрии (21,2%) и Швейцарии (15,8%), средняя продолжительность нахождения за рубежом – 13 лет.

В некоторых общинах Сербии доля граждан, находящихся на работе за рубежом, превышает 10% (в 2002 г. перепись населения выявила 24 такие общины, в 1991 г. их было только 11), а в пяти общинах Сербии более четверти населения находится за границей (в 1991 г. таковых общин не было). Четыре из этих общин находятся в Браничевском округе: Петровац-на-Млави, Кучево, Мало-Црниче и Жабари с самым высоким показателем 29,1%. Высокую долю трудовой эмиграции имеет также южная община Прешево (рис. 8) [3, с. 97–101]. Следует понимать, что на работу выезжают преимущественно молодые трудоспособные люди и члены их семей, что негативно сказывается на демографической ситуации отдельных регионов Сербии. Например, наибольшая доля лиц, временно находящихся на работе за рубежом, наблюдается в Браничевском округе, который входит в число округов с наибольшей естественной убылью населения.

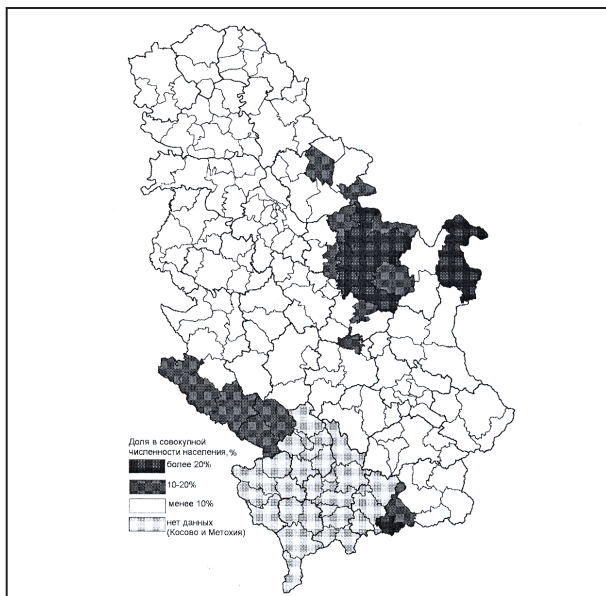

Рис. 8. Доля населения, находящегося на работе за границей, 2002 г. Источник [3] (данные по Косово и Метохии отсутствуют).

Среди общин Сербии самая худшая ситуация сложилась в общине Црна-Трава, в которой естественная убыль в 2009 г. имела максимальный показатель 41,5%. В возрастном составе населения Црна-Трава – одна из самых старых общин Сербии. Доля лиц старше 60 лет – 45%, детей до 15 лет – 8%, а средний возраст населения – 51 год (перепись 2002 г.) (рис. 9). В девяти селах общины средний возраст превышает 60 лет, а в семи вообще нет детей и лиц младше 25 лет. За 2002–2009 гг. в общине Црна-Трава родилось только 83 ребёнка, а умерло 530 чел., т.е. убыль населения по естественным причинам составила 447 чел. Одновременно с этим из общины выехало 452 чел., и численность её населения за последние восемь лет сократилась на рекордные 35% с 2563 чел. в 2002 г. до 1664 чел. в 2009 г. Примером вымирания сербской глубинки может служить с. Остроzub общины Црна-Трава: в 1948 г. перепись населения зафиксировала в нём 246 жителей, 1953 г. – 239, 1961 г. – 218, 1971 г. – 75, 1981 г. – 33, 1991 г. – девять, а в 2002 г. перепись выявила только одного жителя 74 лет.

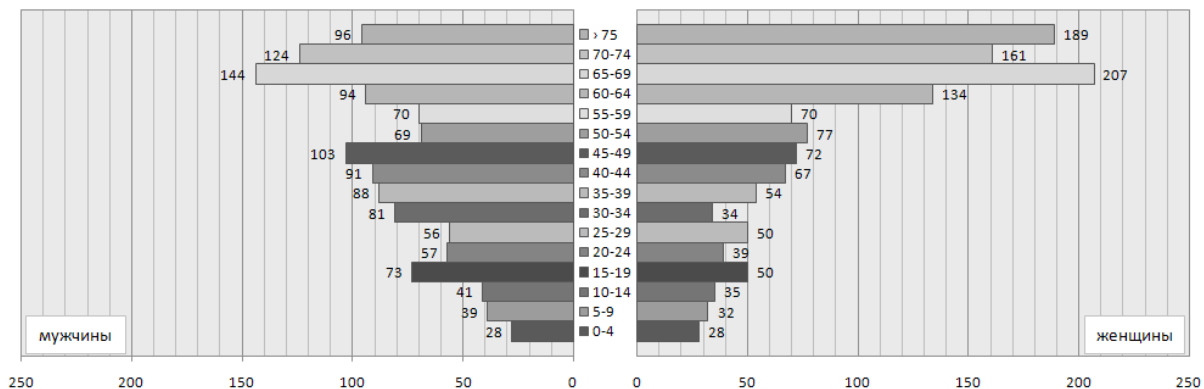

Рис. 9. Возрастно-половая пирамида населения общины Црна-Трава, 2002 г., чел.

Источники и литература

1. The World Factbook. Birth rate. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2054rank.html>
2. The World Factbook. Death rate. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2066rank.html>
3. Становништво и домаћинства Србије према попису 2002. године [Електронски извор] / аутори Бранислав С. Ђурђевић ... [и др.]; уредник Горан Пенев. – Београд: Републички завод за статистику Србије; Институт друштвених наука, Центар за демографска истраживања: Друштво демографа Србије, 2006.
4. Odložen popis stanovništva u Srbiji. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.69.html:325075-Odlozen-popis-stanovnistva-u-Srbiji>
5. Етнички мозаик Србије према подацима пописа становништва 2002. Владимир Станковић и Петар Лађевић. Министарство за људска и мањинска права Србије и Црне Горе. Београд: БИРОГРАФИКА, 2004.
6. Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво. 9, Упоредни преглед броја становника 1948, 1953, 1961, 1971, 1981, 1991 и 2002: подаци по насељима. Београд: Републички завод за статистику Србије, 2004.
7. Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво. 20, Мигранти: подаци по општинама. Београд: Републички завод за статистику Србије, 2005.
8. Општине у Србији / одговара Драган Вукмировић. 2010. Београд: Републички завод за статистику Србије, 2010.
9. Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво. 15, Женско становништво старо 15 и више година: подаци по општинама. – Београд: Републички завод за статистику Србије, 2004.

Демографические стереотипы и демографическая политика

Демографическая ситуация в России вызывает большие опасения за судьбу страны. Общеизвестным является сложное положение с развитием человеческой популяции на территории Российской Федерации. Ученые, демографы, общественные деятели бьют тревогу. Правительство пытается предпринимать конструктивные меры. Однако сдвигов пока незаметно. Дело в том, что **заметить эти сдвиги невозможно**: демографический процесс сильно инерционен, эффект воздействий проявляется с большим запаздыванием. Усилия демографов сводятся в основном к констатации демографических изменений в последние годы, обильным дискуссиям в СМИ и характеризуются отсутствием конкретных предложений.

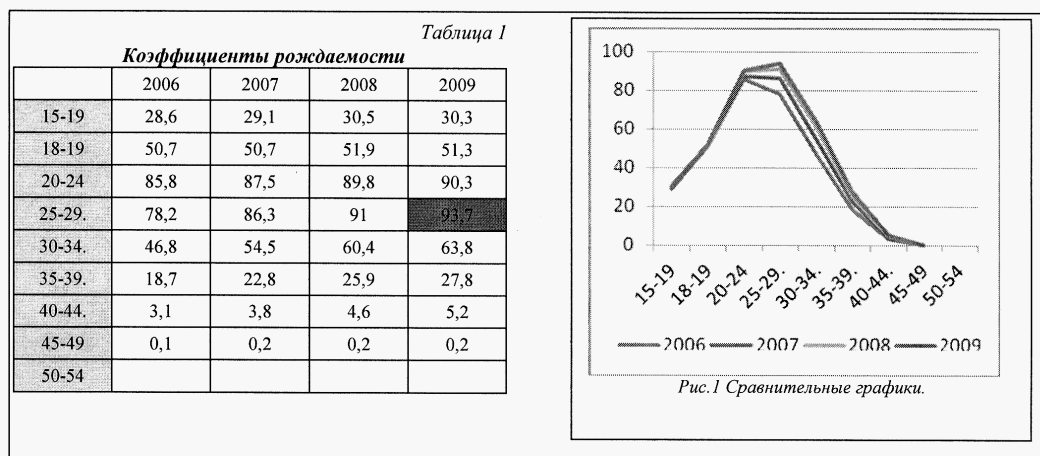
Между тем процесс развития человеческой популяции, в отличие от любых других биологических, является управляемым. Никакой другой биологический вид не имеет возможности управления рождаемостью. Конец XX и начало XXI в. – это смена биологических эпох человечества – от биологического развития популяции к управляемому развитию, главной чертой которого является **ограничительный контроль** над рождаемостью. Главным фактором демографического развития является рождаемость. Снижение смертности само по себе не приводит к существенному росту численности населения. Это объясняется очень просто: детей рожают только женщины и только в узком диапазоне возрастов 18–45 лет. Все изменения за правым пределом этого диапазона почти не влияют на динамику демографического процесса, как и изменения смертности мужчин. Демографический процесс **сохраняет свои свойства при сохранении когорты женщин фертильных (деторождающих) возрастов**. Он может лишь несколько ускориться или замедлиться.

Россия не вымирает. В России идет естественный процесс изменения численности населения, связанный со сложившимися уровнями повозрастной смертности и рождаемости. Смертность могла бы быть и меньше, но она не является запредельно высокой. А вот рождаемость низкая во всех возрастных группах женщин. Как результат – численность **коренного** населения монотонно убывает и будет продолжать убывать до тех пор, пока рождаемость не повысится до определенного уровня.

Что же мы имеем в действительности? Согласно опубликованным итогам переписи 2010 г., численность населения РФ снизилась за 8 лет на 2,7 млн. чел., со 145,6 до 142,9 млн. чел. Это снижение не является неожиданным. Практически ту же цифру дают регулярные расчеты Росстата. Что же происходит в России с числовыми показателями народонаселения. Общеизвестно, что рождаемость в РФ низкая, что смертность если не высокая, то во всяком случае выше рождаемости и могла бы быть значительно меньше. Смертность зависит от очень многих связанных и не связанных между собой причин:

- уровня медицины и здравоохранения;
- условий безопасности на производстве, в быту и на транспорте;
- распространения социальных пороков – курения, наркомании, алкоголизма и от многих других причин.

С этими причинами бороться очень трудно, а главное, «подвинув» только одну из этих причин мы не добьемся сразу существенного влияния на общие демографические показатели. Более того, само по себе «снижение смертности» не очень сильно отражается на общей численности населения.

* Новоселов Владимир Сергеевич (Москва) – кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной математики Государственного университета управления, R4404186@yandex.ru.

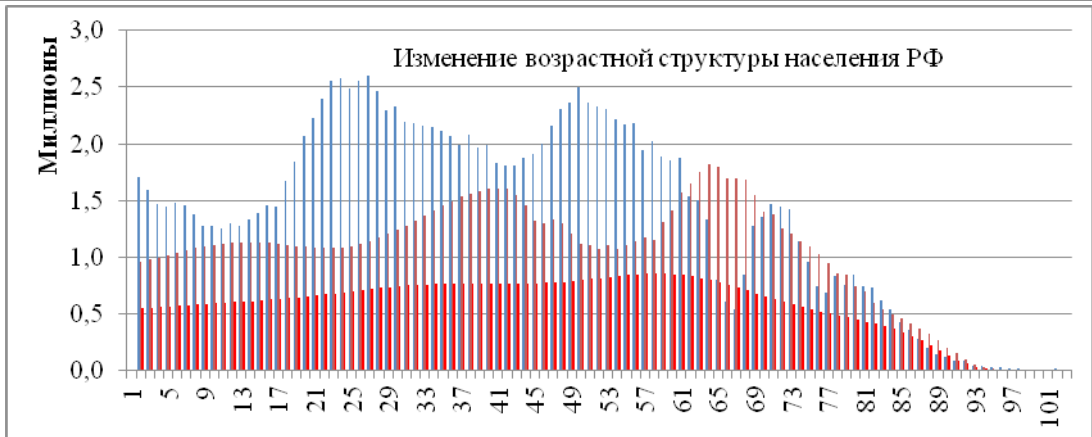
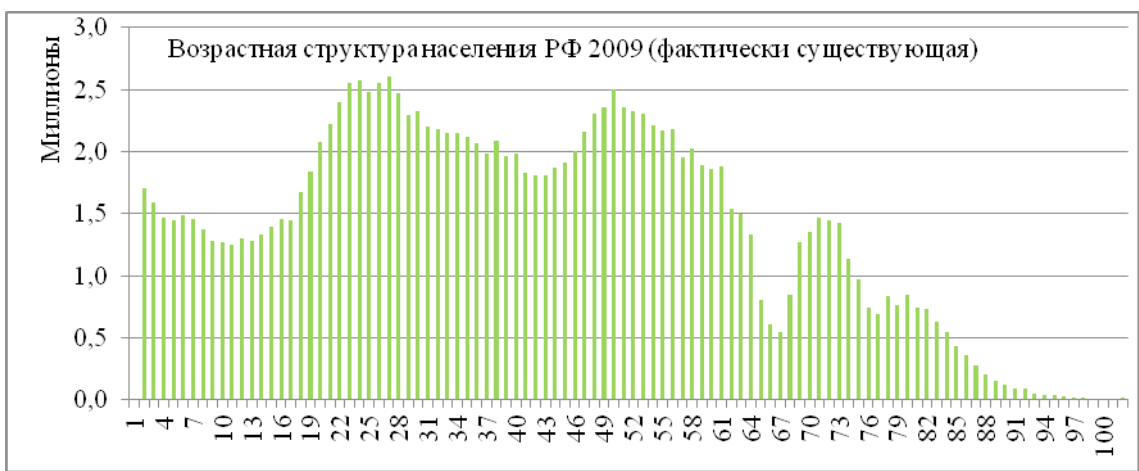
А вот с рождаемостью – наоборот. Естественные биологические и физиологические склонности вида Homo Sapiens способствуют именно высокой рождаемости. В общем-то здесь проблем нет, нет причин для низкой рождаемости. Низкая рождаемость искусственна, противоестественна.

Причина: *российские женщины не хотят рожать детей.*

Одномоментные данные не дают представления о динамике процесса, а прошлые данные не позволяют сами по себе прогнозировать будущее. Но важно не то, что есть сегодня, а то, что будет в близком и далеком будущем. Можем ли мы что-либо знать «наперед»? Да, можем. Что же будет через один год? К сожалению, часть женщин 49-летнего возраста за счет смертности уйдет от нас. И 50-летних женщин на будущий год будет немного меньше, чем 49-летних в текущем году. И так будет во всех возрастных когортах. Повозрастные коэффициенты смертности известны (Росстат), все поддается расчету. Соответствующие соотношения называют «уравнениями когортной динамики».

*Новая численность годичной когорты одного возраста =
старой численности предыдущей когорты за вычетом смертности
со сдвигом по времени и по возрасту на 1 год.*

Новая численность 0-когорты = рождаемость за предыдущий год

Невооруженным глазом видим, как долго катят волны военных лет. И не только.

Первый вывод из анализа возрастной структуры: бессмысленно строить прогнозы, опираясь на показатели абсолютной рождаемости. Численность новорожденных при одних и тех же относительных коэффициентах определяется численностью материнских когорт, а эта численность не является постоянной!

Матрица возрастных структур дает возможность для различного рода частного анализа. По таблицам (матрицам) возрастной структуры легко определить численности различных групп: например, численность долгожителей (>90 лет), детей до 14 лет, трудоспособного населения и т.п. Аналогичные матрицы строятся и для возрастной структуры смертности, и для возрастной структуры рождаемости (по возрастам матерей). Эти матрицы возникают «в процессе» расчета итоговых матриц возрастной структуры мужчин и женщин. Так сказать, «побочный промежуточный продукт». При суммировании данных таблиц возрастной структуры населения по горизонтали мы получаем общую численность населения. Что же мы имеем в результате? Развитие популяции определяется относительными коэффициентами рождаемости. Посмотрим, как будет меняться общая численность женщин в ближайшие 50 лет.

Рис. 3. Динамика численности 20–30-летней когорты женщин.

Число женщин самого активного фертильного возраста уже через 12 лет сократится на 40% (с 13 239 до 7877 тыс. чел), а через 40 лет – вдвое. Низкие коэффициенты рождаемости не позволяют возместить выбывание из фертильных возрастов, численность возрастных когорт убывает с течением времени, ежегодно в деторождающие возраста перемещаются когорты женщин все меньшей численности. На графике заметен волнообразный характер изменения численности – это характерное свойство демографического процесса, связанное с неравномерностью начальной возрастной структуры женского населения и с тем фактом, что детей рожают только женщины и только в достаточно узком диапазоне возрастов. Ниже представлен график изменения общей численности населения РФ.

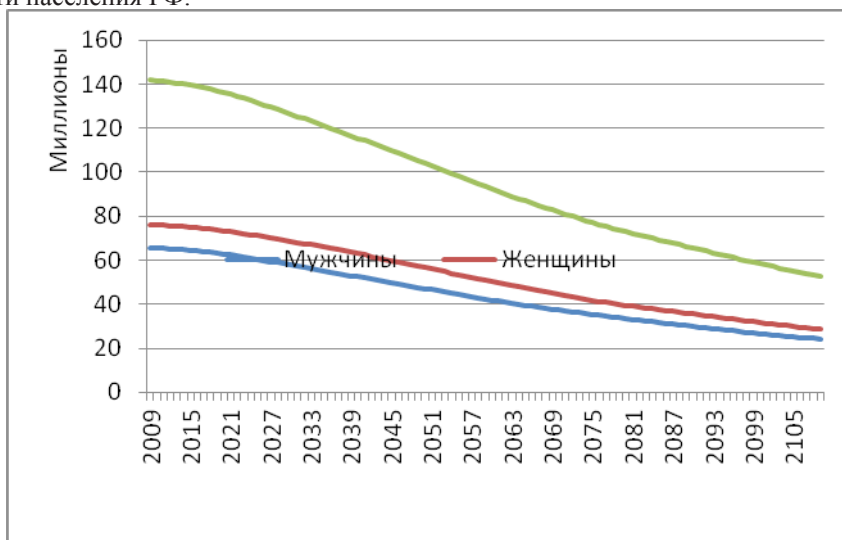

Рис. 4. Динамика численности населения РФ.

Видим, что численность населения неуклонно снижается: за 20 лет (к 2029 г.) – на 15 млн. чел., т.е. примерно на 10%, за 50 лет – на 49 млн. чел, т.е. на треть, за 100 лет – почти в 3 раза. Все расчеты сделаны без учета миграции, т.е. показывают динамику численности «коренного» населения. Цель настоящего доклада – анализ динамики именно этого населения.

Демографический процесс – процесс изменения численности именно этой популяции и не только суммарной численности, а всех демографических показателей, включая возрастную структуру населения, возрастные показатели рождаемости и смертности.

Как же нам выбираться из образовавшейся демографической ямы, из демографического кризиса, который близок к катастрофе?

1. Путем снижения смертности

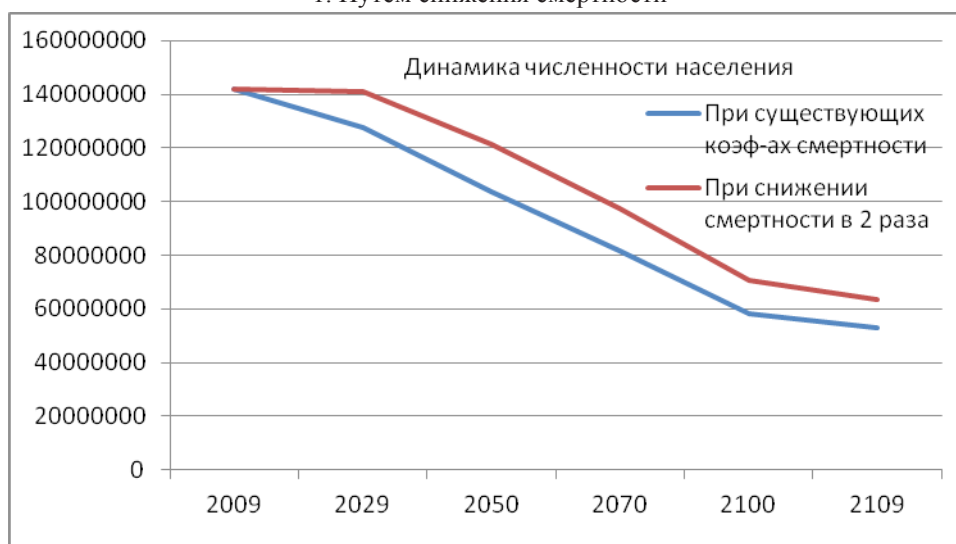

Рис. 5. Влияние снижения смертности на численность населения.

Как видим, снижение смертности в 2 раза вовсе не приводит (через 100 лет) к увеличению численности ни в 2 раза, ни даже в полтора, а всего лишь на 20%. *Мораль: гуманная сама по себе идея снижения смертности – без увеличения общей продолжительности жизни – приведет, конечно, к увеличению средней жизни одного человека, но не приведет к существенному увеличению численности населения. Остается рассчитывать только на повышение рождаемости.*

2. За счет повышения рождаемости

Мы уже видели, что изменения смертности от года к году совершенно мизерные, неизвестно, насколько они устойчивы, и не сменятся ли тенденции роста рождаемости и снижения смертности на противоположные. Коэффициенты рождаемости немного увеличились, смертности – снизились, также крайне незначительно. (Расчет по данным 2005 г. показывает, что если бы коэффициенты рождаемости остались на уровне 2005 г., то через 50 лет численность населения снизилась бы не на треть, а вдвое).

Но будет ли рождаемость расти и дальше, и с какой скоростью, и за счет каких факторов? Надеяться, что это произойдет «само собой», никаких оснований нет. Здесь уместно обсудить вопрос о «достаточной численности населения» вообще. Может быть нам и не надо большой численности, не надо сохранять достигнутый уровень? Но дело в том, во-первых, что падение численности при существующих темпах рождаемости будет продолжаться и далее, и очень скоро (200–300 лет) от страны не останется вообще ничего.

Во-вторых, Россия контролирует и обеспечивает развитие огромного континента, во всяком случае, его очень большой части. Конечно, может быть и другая логика: почему именно Россия, почему не слишком многочисленная популяция завладела несметными природными богатствами и распоряжается ими по своему усмотрению. Собственно, отчасти эта логика реализуется в нашей внешнеэкономической политике: Россия снабжает многими ресурсами практически весь мир. Кроме того, и население России неоднородно, многонационально, в последние годы возникает ощущение, что это уже «не один народ». Но такие «ощущения» неизбежно приведут к распаду страны, и достаточно скоро. Так что вопрос в известной степени политический: нужна ли нам «эта страна»? К сожалению, такая логика рассуждений, как говорится, «имеет место быть». Была Римская империя, была Британская империя, была Российская империя, был Союз Советских Социалистических Республик, пока что есть Россия. Но ничто не вечно.

Когда, сколько и какого народу к нам приедет, мы знать не можем. А вот что будет происходить с нами – поддается расчету. Этот расчет сделан в предположении, что коэффициенты рождаемости и смертности меняться не будут, останутся такими, как в 2009 г. Это не очевидно. А с другой стороны, почему они должны меняться, если мы ничего не будем делать?

Какой же должна быть рождаемость, чтобы численность населения перестала падать при сложившихся показателях смертности? С помощью численного эксперимента легко нащупать коэффициент увеличения рождаемости, мультипликатор, во сколько раз надо увеличить рождаемость, чтобы численность населения перестала падать. Оказывается, надо повысить рождаемость в 1,4 раза. В переводе на число детей – 2,14 детей на одну женщину, что вполне согласуется с расчетами традиционной демографии. При таком среднем числе детей численность населения при существующей смертности стабилизируется. Однако эта стабилизация – «условная», в ближайшие 60 лет численность все равно будет падать и лишь затем начнет медленно расти.

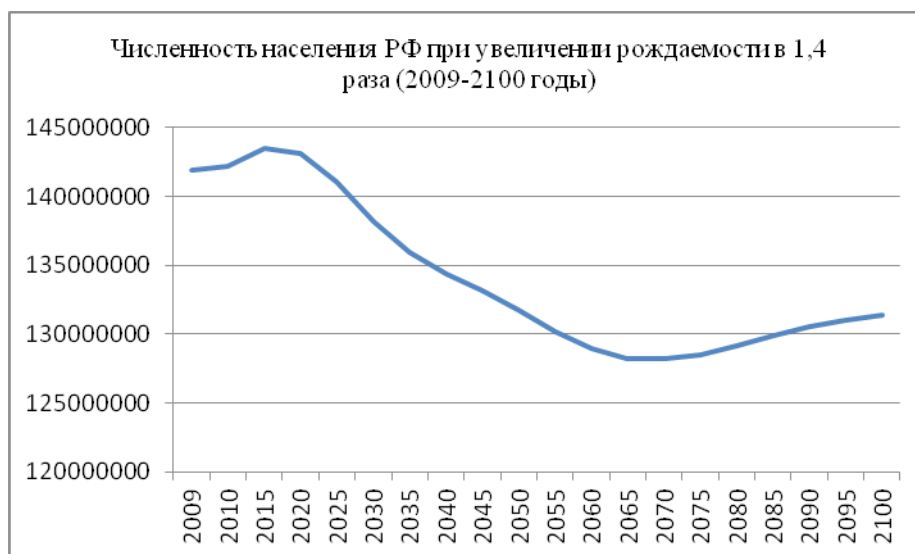

Рис. 6. «Стабилизация» численности населения.

Почему так происходит? Тут надо отдавать отчет в двух вещах. Во-первых, демографический процесс сильно инерционен. Во-вторых – носит волнообразный характер. Допустим, в текущем году рождаемость немного увеличилась. Но небольшое увеличение рождаемости само по себе не может перекрыть разрыва между суммарной рождаемостью и суммарной смертностью, и даже если перекроет, то это будет означать лишь увеличение числа младенцев. Численность всех остальных возрастных когорт как снижалась, так и будет снижаться, люди не рождаются сразу ни 20-летними, ни 50-летними, а только умирают. Или стареют. И лишь примерно через 20-25 лет, когда вновь рожденные девочки достигнут фертильного возраста, родят своих детей – только тогда изменение общей численности начнет меняться заметным образом. Но за эти 20-25 лет при незначительном росте рождаемости и общая численность, и численность матерей могут продолжать снижаться, соответственно, следующие поколения женщин могут и не обеспечить общего повышения числа новорожденных, следовательно, новые когорты молодых будущих матерей опять могут оказаться менее многочисленными. Отсюда возникает волнообразный характер демографического процесса, который может выражаться в колебаниях прироста численностей, а в определенных условиях – и в колебаниях самой численности даже при стабильных коэффициентах рождаемости. Численный когортный расчет очень хорошо это обнаруживает.

Вообще, особенность демографического процесса, состоящая в том, что детей рожают только женщины и только в определенных возрастах, накладывает своеобразный отпечаток на всю динамику процесса. И этот отпечаток проявляется именно при когортном расчете, в отличие от традиционных способов, когда коэффициенты рождаемости и смертности рассматриваются не по возрастам, а относительно всей численности населения или мужчин и женщин. На устойчивый рост народонаселения можно рассчитывать только при **двукратном** увеличении коэффициентов рождаемости.

Для достижения этого эффекта необходимы срочные и действенные меры. По-видимому, единственный путь – это разработать и принять **общенациональную программу увеличения рождаемости**. Без увеличения рождаемости все остальные «программы» теряют смысл. Надо всем понять, что на ближайшие 50 лет нет задачи более важной, чем повышение рождаемости. Дети нужны стране, и **именно страна должна взять на себя всю материальную сторону проблемы**.

Существующие стереотипы демографических выводов

№ п/п	Стереотипы	Реальность	Необходимые адекватные меры
1	«Достаточно паллиативных, разрозненных частных мер: материнский капитал, пособие на рождение ребенка, программа «молодой семьи» и т.п.».	Паллиативные меры не дают существенного эффекта.	Нужен системный подход, целенаправленная демографическая политика, основанная на абсолютном приоритете программы увеличения населения по сравнению со всеми прочими общегосударственными программами.
2	«Идет прогресс, рождаемость увеличилась».	Это поверхностный вывод. Судя по опубликованным данным Росстата такой вывод необоснован. Относительные коэффициенты рождаемости меняются крайне незначительно.	Основу для текущего анализа эффективности принимаемых мер должны составлять данные официальной статистики (Росстат) с квалифицированным расчетом относительных показателей.
3	«Достаточно увеличить рождаемость до 2 детей, до 2,14...».	Недостаточно.	Рождаемость должна быть увеличена вдвое за очень короткое время.
4	«Материальные меры не эффективны».	Поверхностная аналогия с мерами социальной поддержки в странах Западной Европы.	Необходимо изменение отношения к детям и матерям как в государственном, так и в общественном сознании. Дети - это высшая ценность страны, и никакие расходы не должны считаться чрезмерными.
5	«Причина низкой рождаемости в безответственности и безнравственности населения, которое «хочет легкой жизни».	Дети являются «обузой для семьи», «мешают» нормальной обеспеченной спокойной жизни.	Первая «обязанность» женщины – продолжение рода. Все остальное вторично. Женщине не нужно «пособие» по рождению ребенка. Ей нужна обеспеченная жизнь до старости. Дети нужны стране, и материальная часть проблемы должна лежать на стране.

В настоящее время нация вырождается. Речь идет не о русских по национальности, не о славянах, а о том, населении, которое исторически сложилось на территории современной России – от Балтики до Тихого океана. В свое время было и определение этой общности – «новая историческая общность – советский народ». Как мы видим, численность этой «общности» неуклонно сокращается при сохранении общей численности населения. Это означает, что происходит ее замещение другой общностью или другими общностями, другими нациями и народами. А это и есть вырождение нации. В целом происходит незаметная смена страны на другую страну.

Времени для сохранения страны осталось очень мало, от силы 30-50 лет. Страна выдержала Великую Отечественную войну. Страна сумела возродиться после этой великой войны. И страна не может преодолеть инфекцию низкой рождаемости, связанную с внутренним недовольством населения всем существующим экономическим и социальным «порядком». Многолетние миллионеры и олигархи не спасут страну. Нет никаких способов заставить 40 миллионов женщин фертильных возрастов родить в течение ближайших 10 лет еще по 1-2-3 ребенка. Нет никаких способов обмануть практичную молодежь XXI в., чтобы ценой своего материального и социального благополучия, ценой «сознательности» и «святой веры» они захотели заняться «производством детей». А если бы это и удалось – этого не достаточно. Тенденция должна быть постоянной, а не заканчиваться через 10 лет со сменой высшего чиновничьего звена.

Единственный способ – это создать условия, при которых появление детей будет выгодно всем: и стране, и матерям, и семьям, и самим появившимся на свет детям. Мы должны осознать свою ответственность перед будущими поколениями. Мы должны понять, что на нас не заканчивается история. Мы не вправе потерять то, что завоевано великими жертвами предыдущих поколений нашей страны. Какие же стоят проблемы перед семьей, перед матерями, перед страной? Стоит только определиться, понять, что нельзя пускать вопрос «на самотек», решение становится очевидным.

Основные положения «Общациональной программы повышения рождаемости»

1. Острейшая проблема семьи – жилье.

Статья 40 Конституции РФ: «1. Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. 2. Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. 3. Малоимущим, иным указанным в законе

гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами».

Как видим, право на жилище носит чисто декларативный характер. В определении «Права на жилище» Конституция ссылается на подзаконный акт: «в соответствии с установленными законом нормами» – как будто есть какие-то другие законы, которые «выше» Конституции. Спрашивается, какими же «нормами» обеспечено право новорожденного человеческого существа на жилище? Ответ: никакими. У этого существа еще нет того, чего можно отнять в соответствии с п. 1 данной статьи. А кроме этого никакое «право на жилище» у него не обеспечено. «Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище» жилье может быть предоставлено бесплатно. Что значит «предоставлено»? В собственность? В найм? А может быть и не предоставлено? А новорожденный младенец – это малоимущий или имущий? Мы не должны мириться с расплывчатостью и бессодержательными «законами», даже если они и носят название «Конституции». Право на жилище должно состоять не в том, что его можно или нельзя лишиться, а в том, что оно, прежде всего, **должно быть**, должно иметься у каждого гражданина страны. Абстрактные конституционные формулировки не создают основы для решения острейших практических вопросов. В рамках обсуждаемой проблемы, если мы хотим создать условия для регенерации населения, закон должен быть направлен в интересах детей, матерей и семьи.

Практическая формулировка лежит на поверхности: «Каждый гражданин России имеет право на жилище со дня своего рождения. Это право обеспечивается предоставлением ему жилищной площади, независимо от наличия последней у его родителей и других родственников, в размере 15 кв. метров. Эта норма не подлежит уменьшению в будущем».

Механизм предоставления должен конкретизироваться правилами и нормами. Это может быть непосредственное предоставление дополнительной жилой площади семье, или выдача жилищного сертификата или что-либо еще (право льготного найма и т.п.). Важно, что это право должно быть бессрочным, не исчезать через 3 или 5 лет. На практике реализовать это право не так уж и сложно. Простой расчет показывает, что затраты на его реализацию лишь немного превысят размер «материнского капитала», а по фактическим мощностям строительной индустрии, если, условно говоря, предоставлять семье на каждого родившегося ребенка дополнительную комнату площадью 15 кв.м, надо будет строить по всей стране новое жилье с той же «скоростью», как в последние годы строилось в Москве (200-300-500-квартирных домов в год в расчете на 10 млн. жителей). Было бы желание и политическая воля – проблема будет решена. Одно это «мероприятие» даст мощный всплеск рождаемости. Но только нужно предоставлять жилплощадь над именно «под родившихся детей» (а, например, не под усыновленных. Надо стимулировать именно рождаемость, а не благополучие усыновителей).

2. Материальное обеспечение матерей. Первая «обязанность» женщины – продолжение рода. Все остальное вторично. Женщине не нужно «пособие» по рождению ребенка. Ей нужна обеспеченная жизнь до старости. Дети нужны стране, и материальная часть проблемы должна лежать на стране. Нужны такие меры материальной поддержки, чтобы семья с тремя детьми не думала о материальных проблемах, не боялась потерять работу, не опасалась бы низких доходов. Гарантированный доход – как сейчас «минимальная пенсия», только побольше.

Мать, родившая хотя бы одного ребенка, должна иметь возможность, при желании, заниматься только ребенком. Она не должна заботиться о том, как заработать себе на жизнь, как заработать пенсию по старости. Но если она рождает второго, третьего, четвертого ребенка – эти блага увеличиваются. Если хочет – она может еще и работать, но при этом все ее «материнские привилегии» должны сохраняться. Современный уровень развития производительных сил позволяет такие «расходы» государства. Собственно, такое положение существовало еще в первобытном обществе: мужчины охотились, женщины поддерживали очаг и детей.

3. Особое внимание неполным семьям. Мужчина, бросивший семью, лишается семейных привилегий. Но одинокая мать – предмет особой заботы государства. Она не должна чувствовать себя «одиноким» ни в материальном плане, ни в социальном. В частности, никакого пренебрежения к внебрачным детям, всемерная помощь.

4. Очевидное следствие, о котором даже излишне говорить: наличие детских учреждений, никаких очередей в детские сады, полноценное питание повышенного уровня, детские поликлиники, больницы, вся медицина бесплатная.

5. Невмешательство государства в семейные дела, если только это не криминал. Не доводить до абсурда «заботу о правах детей». Понятие «бедной семьи», которая не может прокормить своих детей, должно исчезнуть. Государство обеспечивает семью на уровне, достаточном для жизни, даже если родители оказались социально несостоятельными или больными. В необходимых случаях – семейный патронаж.

6. Повышение молодежной рождаемости. Надо подумать, стоит ли закупоривать 18-летних женщин в душных стенах 11-го класса средней школы. Надо стимулировать рождаемость в студенческой среде, облегчать им жизнь с ребенком, а не затруднять. Надо проще смотреть на внебрачных детей, на матерей-одиночек. Мать-одиночка должна быть уверена в полной государственной поддержке – неважно, работает она или нет, пособия должно хватать на нормальную жизнь. Подумать, нужна ли такая активная реклама противозачаточных средств.

7. Исключить (радикально сократить) из программ сексуального воспитания вопросы предохранения беременности. Менять общественный климат в отношении внебрачных детей, в том числе и в 9-11 классах средней школы.

8. Перед угрозой потери страны пора менять общественные ценности. Не прибыль, не капитал и не деньги представляют смысл жизни. И не экономика ради экономики. Смысл жизни – это дети. Возможно, что национальная программа «Повышение рождаемости» позволит установить «обратную связь», формируя новую шкалу жизненных ценностей.

С чего начать? Внедрить программу «одним ударом» и в полной мере вряд ли удастся. Значит, надо действовать постепенно, но быстро. Можно не начинать с «провозглашения национальной программы». Начало положено «материнским капиталом». Следующая мера – постепенное стимулирование с помощью жилья.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

С.А. Кропачев*

Становление отечественной историографии Холокоста и проблемы определения численности его жертв

Изучение истории Холокоста на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны относится к динамично развивающимся научным направлениям в современной российской историографии, что подтверждают первые историографические обзоры [1]. Количество общих и специальных работ, публикаций документов и мемуаров очевидцев, посвященных трагедии евреев в 1941–1945 гг. непрерывно растет. Сложился круг исследователей и исследовательских структур, в центре внимания которых постоянно лежат указанные вопросы, они находят свое отражение на различных научных форумах. Обращение к Холокосту и его последствиям в средствах массовой информации, расширяющийся выпуск учебной и популярной литературы, создание соответствующих электронных ресурсов, а также меры по увековечиванию жертв нацистского террора свидетельствуют, что он занимает все более значимое место и в историческом сознании российского общества. Особое значение в рамках рассматриваемого направления занимает выявление численности еврейских жертв нацизма. Нередко именно с определением масштаба Холокоста связывается его общая оценка.

Между тем всего два с половиной десятилетия назад данной темы как самостоятельной научной проблемы в советской историографии практически не существовало. Умолчание о Холокосте началось непосредственно в годы Великой Отечественной войны. В своих официальных выступлениях Председатель Государственного комитета обороны СССР И.В. Сталин, нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов и другие советские руководители не раз осуждали массовые репрессии немецко-фашистских захватчиков против советского населения, многочисленные казни, насилие и грабежи. При этом, как правило, говорилось об уничтожении «мирных жителей» без указания их национальной принадлежности.

В конце 1942 г. знаменитый физик А. Эйнштейн вместе с писателями Ш. Ашем и Б.-Ц. Гольдбергом предложил ЕАК подготовить «Черную книгу» – сборник документов об уничтожении нацистами евреев. После длительных переговоров советское руководство дало согласие на сотрудничество, посчитав, что использование темы еврейских жертв в тот момент могло сыграть положительную роль в укреплении антигитлеровской коалиции. В 1944 г. в США создали исполнительный комитет по изданию «Черной книги», куда должны были войти и материалы о гибели советских евреев.

Примерно в то же время в СССР писатель и военный корреспондент И.Г. Эренбург самостоятельно решил составлять «Черную книгу» трагедии советских евреев в период Великой Отечественной войны из собранных документов, писем, дневников, свидетельских показаний. С 1943 г. он постоянно получал письма от фронтовиков, рассказывавших о тех ужасах, с которыми они сталкивались на освобожденной советской территории. В свою очередь, И.Г. Эренбург не раз писал в ответ своим корреспондентам: «Я работаю над “Черной книгой” – сборником об убийстве немцами еврейского населения. Все, что услышите и увидите, запишите и пришлите мне» [2]. Часть собранных им свидетельских показаний была опубликована уже в годы войны [3].

Весной 1944 г. для подготовки «Черной книги» в СССР была создана Литературная комиссия, которую возглавил И.Г. Эренбург, а затем В. С. Гроссман. В 1944–1945 гг. И. Эренбург и В. Гроссман составили два тома книги «Убийство народа» на идише и передали рукопись ЕАК. Материал о трагедии евреев в годы Второй мировой войны по собственной инициативе также собирали Б. Горбатов, В. Инбер, А. Суцкевер и другие военные корреспонденты, писатели и поэты. Уже в самом конце войны, в апреле 1945 г. вышла на латышском языке книга писательницы А. Саксе и поэта Я. Судрабалнса «*Paḡ vaacu fassistisko briesmonnu zveeriibaam Padomju Latvijaa*» («О зверствах немецко-фашистских чудовищ в Советской Латвии») [4]. Авторы на основе документов и лично собранных ими свидетельств раскрыли трагедию оккупации Латвии, приведя многочисленные факты уничтожения евреев.

* Кропачев Сергей Александрович (Краснодар) – доктор исторических наук, председатель Краснодарского краевого историко-просветительского общества «Мемориал».

После войны тема Холокоста так и не стала самостоятельным исследовательским направлением в СССР. В первые послевоенные годы факты гибели евреев на оккупированной советской территории приводились в отдельных статьях в периодической печати, а также в крайне немногочисленных книгах, подчеркивающих их сопротивление противнику [5]. Документальные свидетельства еврейской трагедии приводились в итоговой публикации сообщений ЧГК, в материалах судебных процессов над нацистскими военными преступниками и их пособниками [6].

В ходе работы над «Черной книгой» было записано свыше 200 свидетельств очевидцев о преступлениях против евреев на территории СССР. К 1946 г. работа над ней завершилась. 118 материалов были разбиты по разделам: «Украина», «Белоруссия», «РСФСР», «Литва», «Латвия», а также «Советские люди едины», «Лагерь уничтожения» и «Палачи». Рукопись была передана представителю советского обвинения на Нюрнбергском процессе и сохранилась в архивах ЧГК. Однако в 1948 г. издание «Черной книги» было признано нецелесообразным, а ее набор уничтожен. Недовольство вызвали упоминания о том, что в гибели многих евреев повинны коллаборационисты, а не сами фашисты, что разрушало представления о «дружбе народов», а также фактическое признание «особого» характера политики нацистской Германии в отношении евреев. К тому же в условиях нарастания «холодной войны» негативную роль сыграло участие в ее подготовке международных организаций. После ликвидации ЕАК все подготовительные материалы к «Черной книге», занявшие 27 томов, были переданы в архив МГБ, а затем на секретное хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции (в настоящее время – Государственный архив Российской Федерации). Для исследователей они стали доступны только в 1989 г. [7]. С 1948 г. в СССР практически прекратились на десять с лишним лет все публикации о гибели евреев в годы Второй мировой войны. По мнению современных исследователей, в этом сказалась политика «позднего сталинского антисемитизма» [8].

В советской исторической науке 1960–1980-х гг. тема Холокоста освещалась достаточно фрагментарно, оказавшись «закрытой в первую очередь для официальной академической историографии, присутствуя (в лучшем случае!) на ее периферии – в виде перечислительного ряда жертв нацизма» [9]. Советские историки стремились показать, что нацистское руководство осуществляло на захваченной территории СССР единую оккупационную политику, не разделяя население по национальной принадлежности. При этом недостаточно учитывалась специфика действия захватчиков в тех или иных областях СССР. В большинстве работ вопросы уничтожения евреев нацистами не выделялись в самостоятельную проблему, лишь вскользь упоминались в исследованиях по истории немецкой оккупации отдельных советских регионов. В отдельных случаях приводилась численность уничтоженных евреев.

Начавшаяся в конце 1960-х гг. антиссионистская компания ухудшила условия для изучения Холокоста. Одним из ее важнейших постулатов стало объяснение массовой гибели евреев Европы сговором сионистов с нацистами, а также обвинение сионистов в значительном преувеличении числа евреев, уничтоженных нацистами. В то же время именно в работах, критиковавших сионизм, стало впервые употребляться само понятие Холокоста («Холокауст»). Приводились в них и фрагментарные сведения об уничтожении евреев на оккупированной советской территории [10].

Своеобразным итогом развития советской историографии к началу «перестройки» стало издание энциклопедии по истории Великой Отечественной войны. В ней отсутствовала специальная статья о Холокосте, однако приводились сведения о наиболее крупных гетто на оккупированной советской территории, уничтожении евреев в крупных городах и лагерях смерти, общем количестве жертв [11]. Появление этих сведений можно расценивать как фактическое признание темы Холокоста в СССР на завершающем этапе развития советской историографии.

Кардинальные изменения в изучении рассматриваемой проблемы произошли на рубеже 1980–1990-х гг., что было связано с общими переменами в жизни страны, развитием международного сотрудничества, расширением доступа исследователей к архивным документам. Уже в начале 1990-х гг. вышел ряд новых публикаций, рассказывавших о массовом уничтожении евреев в отдельных городах и регионах страны [12]. В основном, они носили публицистический характер, пробуждая общественный интерес к проблеме и вводя в научный оборот первые сведения, однако не позволяли оценить общий масштаб трагедии.

Главным исследовательским центром изучения еврейской трагедии в СССР в годы Второй мировой войны в современной России стали Центр и фонд «Холокост». Проблемы истории Холокоста обсуждаются на ежегодных конференциях, проводимых Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» [13], проводимых с 1994 г. международных конференциях «Уроки Холокоста и современная Россия» [14], других научных форумах в России, а также в Латвии, Украине, Белоруссии, Германии и других странах, в которых принимают постоянное участие российские исследователи. С 1995 г. Научно-просветительный Центр «Холокост» издает специализированную книжную серию «Российская библиотека Холокоста». С 2000 г. Фонд «Ковчег» начал издание серии «Анатомия Холокоста».

Уже в условиях современной России завершилась 8-томная публикация документов Нюрнбергского процесса, начатая в последние годы существования СССР [15]. Однако и ее нельзя считать полной. Подготовленный фондом «Историческая память» сборник документов рассказывает об участии латышских коллаборационистов в уничтожении евреев в Белоруссии [16]. В последние годы широко публикуются источники личного происхождения о гибели евреев, воспоминания и письма участников и очевидцев указанных событий [17].

Проблемы трагедии евреев в СССР получили отражение в новом фундаментальном труде по истории Великой Отечественной войны. В разделе, посвященном оккупации советских территорий, отмечалось: «Особо жестоким гонениям подвергалось еврейское население. Евреев методично уничтожали в концентрационных лагерях или расстреливали прямо на месте». В то же время в нем не употребляется сам термин Холокост. Сведения об уничтожении советских граждан в «форте смерти» № 9 под Каунасом и в Бабьем Яру, как и прежде, приведены без указания их национальности [18]. Существенное место отводится вопросам уничтожения еврейского населения в годы Великой Отечественной войны в «Российской Еврейской Энциклопедии» [19].

Значительный вклад в разработку истории Холокоста на оккупированных советских территориях в годы Великой Отечественной войны, включая и определение масштаба его жертв, вносит первая крупная обобщающая работа на данную тему – монография И.А. Альтмана. Опираясь на предыдущие исследования, архивные документы и мемуары очевидцев, автор проанализировал создание и функционирование механизма уничтожения евреев, раскрыл систему антисемитской пропаганды, организацию гетто на оккупированной территории и сопротивление. Новизной особенно отличается материал, посвященный истории Холокоста на территории РСФСР, как наименее изученной к этому времени проблемы. Обобщив данные о гибели евреев в Ставропольском и Краснодарском краях, Курской, Ростовской, Московской, Тульской, Тверской, Смоленской, Орловской, Волгоградской и других областях, автор впервые назвал обобщающую цифру жертв Холокоста в границах современной России. Согласно его подсчетам, она составляет от 119 210 до 140 350 чел. [20].

В крупном обобщающем труде М. И. Семиряги о коллаборационизме в Европе в рамках главы «Участие коллаборационистов в проведении фашистского террора» выделен специальный раздел «Холокост». Однако Холокосту на территории СССР и участию в нем коллаборационистов в данной работе уделено недостаточно внимания [21]. Более полно, опираясь на рассекреченные архивные документы «непопулярные» прежде вопросы участия коллаборационистов в уничтожении евреев на оккупированной советской территории, раскрывают исследования 2000-х гг. – А.Р. Дюкова [22], Б.Н. Ковалева [23], Б.В. Соколова [24].

Фундаментальное исследование сталинской политики по «еврейскому вопросу», основанное на рассекреченных материалах архивов высших партийных и государственных органов, предпринял Г.В. Костырченко. Ему удалось показать использование антисемитизма как одного из инструментов советского режима, охарактеризовать государственный антисемитизм и борьбу с «народным антисемитизмом». Одна из глав посвящена взаимоотношениям власти с евреями в годы Великой Отечественной войны и характеризует роль советского государства в постигшей евреев трагедии [25].

Всестороннее осмысление трагедии евреев СССР в годы Великой Отечественной войны, появление обобщающих и специальных работ по этой теме позволили создать фундаментальное справочное издание – энциклопедию «Холокост на территории СССР» (руководитель и главный редактор проекта И. Альтман, почетные сопредседатели Э. Визель и С. Визенталь). В реализации данного масштабного проекта участвовало около 100 историков из России и 11 других государств.

Следует отметить, что это не первое подобное издание. Еще в 1990 г. израильский Институт памяти жертв Холокоста и героев Сопротивления «Яд Вашем» издал 4-томную историю Холокоста, переведенную на многие языки мира. В ней преобладали тематические статьи, а ход Холокоста описывался в статьях, посвященных наиболее крупным гетто и лагерям смерти в Европе. В 2003 г. Институт издал уже 13-томную «Энциклопедию Холокоста и еврейских общин», в которой приводились статьи о численности евреев и их гибели в наиболее крупных населенных пунктах в СССР (в границах на 22 июня 1941 г.). Однако эта информация имела фрагментарный характер и не учитывала новых архивных источников. Еще одна «Энциклопедия Холокоста» была подготовлена и издана в США ведущими исследователями под редакцией У. Лакера. Перевод и издание на русском языке данного труда стали важным событием в развитии российских исследований темы Холокоста [26]. Но судьбы евреев на оккупированной территории СССР не получили в ней должного отражения.

В целом, исследования истории Холокоста в современной российской историографии отличаются большим разнообразием. Однако многие важнейшие вопросы не имеют однозначного и в достаточной степени аргументированного ответа, другие вызывают постоянную дискуссию. В первую очередь, это касается общей численности жертв Холокоста на советской оккупированной территории, статистики еврейского населения накануне и после войны, масштабов депортаций и эвакуации, числа беженцев и гетто.

Вызывает дискуссию вопрос о том, кого считать или не считать жертвами Холокоста, в зависимости от его решения можно говорить о более «широком» или «узком» понимании рассматриваемой проблемы. Например,

отдельные исследователи причисляют к жертвам Холокоста цыган, считая, что политика нацистов по отношению к ним строилась на тех же принципах, что и в отношении евреев и была направлена на их полное уничтожение. Всего на оккупированной территории СССР погибло от 30 до 50 тыс. цыган. Другие авторы, полагая, что политика нацистов по отношению к цыганам имела определенные отличия, выступают против того, чтобы считать их жертвами Холокоста [27]. Тем не менее в энциклопедии Холокоста на территории СССР представлена отдельная статья о цыганах [28].

Вызывают вопросы и погибшие евреи-военнопленные: считать их жертвами преступлений нацистов против евреев или против советских военнопленных? Часть авторов сходится на том, что они одновременно испытывали преследования и как евреи, и как красноармейцы. Количество погибших евреев-военнопленных определено от 55–70 до 80 тыс. чел. из их общей численности в 60–85 тыс. чел., при этом отмечается, что вторая оценка, «соответствующая 94% смертности евреев в немецком плену, представляется более реалистичной» [29].

Официальная оценка жертв Холокоста в Европе – около 6 млн. чел. – впервые была названа на Нюрнбергском процессе. Заведовавший отделом гестапо **IV-D-4 А. Эйхман, отвечавший за «окончательное решение еврейского вопроса»**, указал, что в концлагерях было убито примерно 4 млн. евреев, остальные – другими способами. Таким образом, приводимая оценка была основана на собственных нацистских подсчетах числа уничтоженных ими евреев. Однако полного поименного списка жертв не существует. Объясняется это тем, что к концу войны нацисты уничтожали следы от лагерей смерти; сохранились свидетельства о вывозе либо уничтожении уже захороненных останков людей перед приходом советских войск. Еврейские общины уничтожались целиком, не оставалось свидетелей, которые могли бы сообщить имена погибших. Война разбросала людей, выжившие в Холокосте отказывались сообщать о своих родных как об умерших, надеясь на встречу с ними. Большинство современных исследователей определяет количество жертв Холокоста от 5 до 6 млн. чел. По данным Мемориального музея Холокоста в Израиле «Яд Вашем», 4 млн. жертв идентифицированы персонально (на декабрь 2010 г.).

Достаточно значительными остаются расхождения и в вопросе о численности жертв Холокоста в СССР. В советской историографии данные о количестве жертв Холокоста принижались, во многом, по политическим мотивам, чтобы не давать новых поводов нацистской пропаганде. Поэтому при подсчетах рассматривалась советская территория в границах 1939 г., не учитывались евреи, проживавшие на территориях Западной Белоруссии и Западной Украины, Прибалтики и Молдавии, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. (около 2 млн. чел.). Общие потери еврейского населения в период нацистской оккупации в советской историографии определялись в 0,5–0,8 млн. чел. [30].

В современной историографии получены более полные и достоверные сведения о масштабе Холокоста. В частности, установлено количество гетто на оккупированной советской территории. Если в 2002 г. И.А. Альтман в своей монографии отмечал, что на оккупированной советской территории было создано свыше 800 гетто [31], то в энциклопедии по истории Холокоста в СССР указаны 1000 мест временного содержания евреев. В данной связи ее авторами отмечается: «Такого числа гетто не было ни в одном из оккупированных нацистами европейских государств» [32].

В последнем фундаментальном труде по истории Великой Отечественной войны численность погибших евреев, со ссылкой на обобщающую работу Н. Верта, определена в 1,05 млн. чел. [33]. Однако эта цифра исследователями Холокоста подвергается резкой критике как явно заниженная [34]. Б.В. Соколов полагает, что на советской территории было уничтожено от 2 до 3 млн. евреев, включая 0,5 млн. иностранных граждан [35]. В «Российской Европейской Энциклопедии» говорится, что на оккупированной советской территории оставалось до 3 млн евреев, а погибло около 2 млн. чел. [36].

И.А. Альтман, подводя итог региональным исследованиям проблемы, на основе анализа советской и нацистской статистики определил общую численность жертв Холокоста в СССР в 2 805–2 383 тыс. чел. При этом он выделил три этапа уничтожения еврейского населения: 1) с начала войны до конца января 1942 г., времени проведения Ванзейской конференции – 1 242 тыс. чел. – 1 270 тыс. чел., 2) с февраля 1942 г. по октябрь 1943 г., когда была завершена ликвидация гетто – 1 512 тыс. чел. – 1 517 тыс. чел., 3) с ноября 1943 г. – до конца войны – 51 тыс. чел. [37].

Согласно уточненным данным, полученным М.С. Куповецким методом этнодемографического баланса (в результате сравнения численности евреев до и после войны, за вычетом иных видов потерь), численность непосредственных жертв Холокоста на оккупированной территории СССР составила 2 351 тыс. чел. 2 656 тыс. чел. составили потери населения в довоенных границах СССР. Из этой цифры вычитаются 160 тыс. чел. – фактические безвозвратные потери евреев-военнослужащих, ополченцев, партизан и подпольщиков, 50 тыс. чел. – потери мирного еврейского населения в прифронтовой полосе, 80 тыс. чел. – избыточная смертность еврейского населения в советском тылу, 15 тыс. чел. – смертность евреев – узников ГУЛАГа [38].

Разница между двумя приводимыми оценками составляет 454–487 тыс. чел. Это разница между теми жертвами, которые фигурировали в официальной статистике как евреи и непосредственными жертвами Холокоста,

включавшими лиц еврейского и частично еврейского происхождения. Они не фигурировали в официальной статистике как евреи, но попали под действие нацистских расистских законов об уничтожении. Кроме того, в нацистской и советской статистике учитывались еврей-беженцы из нацистской зоны оккупации Польши и Румынии [39].

Следует отметить, что сложности в определении численности жертв Холокоста имеют под собой определенную объективную основу, связанную с неполнотой и недостоверностью имеющихся в распоряжении исследователей источников. Многие документы не сохранились, другие полны противоречий и неточностей. В частности, в актах ЧГК о гибели жителей порой евреи не выделяются в качестве отдельной категории жертв, к тому же указанные сведения порой подвергаются сомнениям. В целом, при изучении общей и локальной статистики остается много невыясненных вопросов, создавая почву для всякого рода мифов.

Указанные противоречия породили в послевоенной литературе критическое направление, получившее название отрицания Холокоста. Сами себя его сторонники называют ревизионистами, полагая, что их подход позволяет прояснить спорные исторические вопросы [40]. Однако их противники с этим не соглашались, видя в отрицании Холокоста не научный, а пропагандистский подход, указывая на наличие у его сторонников антисemitских и неонацистских взглядов и отказываясь от каких-либо контактов с ними.

По мнению отрицателей, Холокоста не существовало в том виде, в каком его описывает общепринятая историография. В основном оспариваются следующие положения: 1) массовая гибель евреев как результат целенаправленной политики официальных властей Третьего рейха; 2) существование газовых камер и лагерей смерти, предназначенных для целенаправленного уничтожения евреев; 3) численность жертв среди еврейского населения на территориях, подконтрольных национал-социалистам и их союзникам [41]. Отрицатели часто утверждают, что указанная информация была сознательно сфальсифицирована сионистами для вымогательства денег у Германии и ее союзников, а также для оправдания создания Государства Израиль.

По мнению критиков, отрицатели пытаются найти какие-либо отдельные нестыковки, преувеличения, неточности и тому подобное в исследованиях, документах и показаниях свидетелей, а затем делают обобщение, что все источники не заслуживают никакого доверия. Критика свидетельств очевидцев, действительно, является одной из наиболее сильных сторон ревизионистской аргументации, поскольку многие рассказы выживших узников действительно изобилуют неточностями, преувеличениями и противоречиями [42]. Признания самих нацистов обычно считаются «выбитыми» после войны с помощью угроз и пыток или полностью сфальсифицированными. Возражающие им историки указывают, что эти признания повторялись также намного позднее, когда никакого давления на их авторов уже не оказывалось, в том числе в качестве свидетелей, вплоть до конца 1960-х гг. Отдельные некорректные утверждения отдельных свидетелей не делают ложными весь гигантский массив свидетельских показаний.

Намного меньше сторонников существует у оправдания Холокоста. Оно выражается в стремлении обвинить в трагедии самих евреев. Для этого используются распространенные антисemitские мифологемы: о «всеобщей порочности евреев», пострадавших за «алчность крупных еврейских банкиров», «всемирном еврейском заговоре», используемом для объяснения всех бед России, начиная с Октябрьской революции [43].

Таким образом, развитие отечественной историографии Холокоста позволило определить масштабы еврейской трагедии в СССР в годы Великой Отечественной войны. В советской историографии практически отсутствовали специальные исследования об уничтожении евреев в годы Великой Отечественной войны. В последние годы появился целый ряд общих и специальных работ, раскрывающих данную проблему на основе раскритикованных архивных документов, обобщении статистического и историографического материала. Однако в ее разработке сохраняется немало дискуссионных моментов. Меры секретности при реализации «окончательного решения», недостаток статистических данных, а также многолетнее замалчивание Холокоста в СССР усложняют уточнение его потерь. Перспективной задачей российских исследователей остается разработка вопросов уничтожения еврейского населения на оккупированной территории РСФСР, выявление степени ответственности за это различных карательных структур, коллаборационистов, роли местного населения. Решение указанных задач требует использования различных способов анализа и сопоставления данных разных источников: статистики, немецких и советских документов, личных свидетельств.

Обращает на себя внимание, что изучение Холокоста в России было и остается одной из наиболее политизированных и идеологизированных проблем истории Великой Отечественной войны. Отрицание Холокоста является составной частью идеологии современного экстремизма, представляя серьезную опасность для развития гражданского общества в России.

Источники и литература

1. *Иоффе Э.Г.* Катастрофа белорусского еврейства в отечественной историографии // Евреи Белоруссии. История и культура. Сб. ст. Минск, 1998. Вып. 2. С. 99–106; *Альтман И.А.* Историография и источники о Холокосте на территории СССР // Холокост – Сопротивление – Возрождение. Еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период (1939–1949). М., 2000. С. 297–323; Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2010. С. 358–365 и др.

2. Сохрани мои письма... Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. М., 2007. С. 285.
3. *Эренбург И.* Народоубийцы // *Знамя*. 1944. № 1–2. С. 183–196.
4. См. переиздание на русском языке: *Саксе А., Судрабалнис Я.* Палачи и жертвы. О зверствах гитлеровских нацистов и их пособников в Латвии. Рига, 2007.
5. *Смоляр Г.* Мстители гетто. М., 1947.
6. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946; Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946; Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года). Минск, 1946 и др.
7. Впервые на русском языке «Чёрная книга» вышла в Иерусалиме в 1980 г. в издательстве «Тарбут», но, как отмечалось в предисловии, некоторых материалов в ней не оказалось (издание осуществлялось на основе рукописи, разосланной в 1946 г. в 10 стран). На постсоветском пространстве книга была впервые издана в 1991 г. в Украине, в 1993 г. – в Литве. См.: *Чёрная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно-оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг.* Вильнюс, 1993.
8. См.: *Историческая память. Противдействие отрицанию Холокоста. Материалы 5-й Международ. конф. «Уроки Холокоста и современная Россия» (к 70-летию «Хрустальной ночи»)*. Калининград, 16–18 ноября 2008 г. М., 2010. С. 89.
9. *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 5.
10. *Корнеев Л.А.* Сущность сионизма. К., 1982.
11. *Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия.* М., 1985.
12. *Елисаветский С.Я.* Бердичевская трагедия. К., 1991; *Формула скорби.* СПб., 1991 и др.
13. *История еврейского народа. Материалы Шестой Ежегод. Международ. междисциплинарной конф. по иудаике.* Ч. 2. Академическая серия. Вып. 4. М., 1999; *Проблемы еврейской истории. Материалы науч. конф. центра «Сэфер» по иудаике 2007 года.* Ч. I. Памяти проф. Джона Дойла Клира. М., 2008; *Проблемы еврейской истории. Материалы науч. конф. центра «Сэфер» по иудаике 2007 года.* Ч. II. Памяти проф. Рашида Мурадовича Капланова. М., 2009; *Вопросы еврейской истории. Материалы XVI Ежегод. Международ. междисциплинарной конф. по иудаике.* Ч. 2. М., 2009 и др.
14. *Уроки Холокоста и современная Россия: Материалы «круглого стола» международ. симпозиума.* Москва, 6–8 апреля 1994 г. М., 1995; *Тень Холокоста: Материалы II Международ. симпозиума «Уроки Холокоста и соврем. Россия».* М., 1998; *Преподавание темы Холокоста в XXI веке.* М., 2000; *Историческая память. Противдействие отрицанию Холокоста.*
15. *Нюрнбергский процесс. Сб. материалов.* В 8 т. М., 1987–1999. Т. 1–8.
16. *Латвийские коллаборационистские формирования на территории Белоруссии, 1942–1944: Сб. документов.* М., 2009.
17. *Дыскин Е.* Солдатский долг. Книга живых. Воспоминания евреев-фронтовиков, узников гетто и концлагерей, бойцов партизанских отрядов, жителей блокадного Ленинграда. Книга первая. СПб., 1995; *Тамаркин В.Л.* Это было не во сне. Воспоминания. М.; Иерусалим, 2002; *Сохрани мои письма...; Суцкевер А.* Из Виленского гетто. Воспоминания. М.; Екатеринбург, 2008 и др.
18. *Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки.* В 4 кн. М., 1999. Кн. 4: *Народ и война.* С. 123.
19. *Российская Еврейская Энциклопедия.* М., 2004–2008. Т. 4–6.
20. *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 286.
21. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
22. *Дюков А.Р.* Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.
23. *Ковалев Б.Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). В. Новгород, 2001 и др.
24. *Соколов Б.В.* Оккупация. Правды и мифы. М., 2002 и др.
25. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд. М., 2003.
26. *Энциклопедия Холокоста.* М., 2005.
27. *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 10.
28. *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* С. 1047–1056.
29. *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* С. 168, 170.
30. *Альтман И.* Отрицание Холокоста в России // *Историческая память. Противдействие отрицанию Холокоста.* С. 20.
31. *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 104.
32. *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* С. 7.
33. *Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки.* В 4 кн. М., 1999. Кн. 4: *Народ и война.* С. 123.
34. *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 15.
35. *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. С. 117.
36. *Российская Еврейская Энциклопедия.* М., 2000. Т. 4. С. 20.
37. *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. С. 303–304.
38. *Холокост на территории СССР. Энциклопедия.* С. 785.
39. Там же.
40. *Плян П.М.* Отрицание и геополитика Холокоста // *Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем.* Сб. М., 2008. С. 22–23.
41. См.: *Граф Ю.* Миф о холокосте. Правда о судьбе евреев во Второй мировой войне. М., 1996 и др.
42. *Лихачёв В.* Ревизионизм Холокоста // *Еврейский мир.* 2001. Т. 4.
43. *Альтман И.* Отрицание Холокоста в России // *Историческая память. Противдействие отрицанию Холокоста.* С. 19–20.

Изучение финно-угорской культуры Костромского Поволжья в трудах исследователей XVIII – первой половины XIX в.

Вопрос об исторических судьбах финно-угорских народов на территории Костромского края и их участии в формировании русской народности, о культурном взаимодействии разных этносов был поставлен еще на раннем этапе развития отечественной историографии. Историю изучения финно-угорской культуры на территории Костромского края уместно начать с обращения к первым работам историков Костромы XVIII в. По поводу финно-угорского наследия в трудах XVIII – начале XIX в. по истории города разворачивается полемика по двум основным вопросам ранней истории города: происхождение названия города и место проживания первых костромичей. Во второй половине 70-х гг. XVIII в. в Костроме появился один из самых значительных трудов провинциальной исторической мысли начального периода «История о первоначалии и происшествиях города Костромы» дворянина, первого историка Костромы Николая Степановича Сумарокова [4, с. 105–109]. Исследователь А.А. Севастьянова отмечает новый подход Н.С. Сумарокова к историописанию, который отличает обширные источниковые материалы с точными ссылками, анализ трудов других историков, попытки построить периодизацию истории края. Работа Н.С. Сумарокова не была опубликована. К настоящему времени известны две рукописи: копия раннего сочинения «Краткое историческое известие о городе Костроме» и завершившая это сочинение «История о первоначалии и происшествиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянства предводителем секунд-майором Николаем Сумароковым» [5, л. 79об.]. По весьма доказательному предположению А.А. Севастьяновой последняя рукопись составлена сыном Николая Степановича Никитой Николаевичем и хранится она в Костромском историко-архитектурном музее-заповеднике**.

Н.С. Сумароков, размышляя о местоположении города, четко указывает на место «...при устье безымянной речки, впадающей в Волгу» [2, л. 4], которое, по его мнению, весьма понравилось Юрию Долгорукому. Речь идет о месте слияния рек Волги и Костромы. Река, считает автор, позднее была названа Костромою в честь города. Обращает на себя внимание замечание автора о том, что «...от всюду к населению сего города стекалось множество народа, даже болгар, мордвы, венгров» – это связано с немалыми суммами, выделенными на построение города из казны. «И в короткое время сделался он великим и многолюдным городом» [2, л. 4]. Интересно, что большинство историков Костромы XVIII–XIX вв. будут связывать место основания города с финно-угорским Городищем на правом берегу р. Волги, так как археологические раскопки XVIII – XIX вв. подтверждают проживание племени меря на территории Городища в период железного века. Лишь в середине XX в., благодаря раскопкам, проводимым на Городище археологом М.В. Фехнер, стало известно, что Городище относится к эпохе раннего железного века и никакой исторической связи с древнерусским городом, основанным на левом берегу реки Волги, не имеет. В связи с этим современные представления о месте расположения города совпадают с самыми ранними указаниями Н.С. Сумарокова.

Обращаясь к этимологии названия города, некоторые историки выдвигают и обосновывают версию о финно-угорском происхождении топонима Кострома. Уже в работах середины XIX в. мы находим указания на проживание на территории города Костромы смешанного меряно-славянского населения [2, л. 4]. Первая версия о происхождении названия города опирается на финно-угорскую трактовку. В связи с этим, если встать на позицию Н. Сумарокова в отношении этимологии названия города, то можно предположить, что с одной стороны, имя города с финно-угорским корнем было близко и понятно местному населению, этнический состав которого был большей частью финно-угорским (племя меря); а с другой стороны, именователи города при выборе названия с большой долей вероятности могли опираться на автохтонное население.

Начало XIX в. в исследованиях культуры финно-угорских народов Костромского Поволжья можно назвать периодом исследователей-одиночек и эпизодических археологических исследований. Первые попытки определения этнического состава населения Костромского края предпринимались историками П.П. Свиным и М.Я. Диевым. Исследователи описывают финно-угорский мир Костромского края, используя этнографию, фольклор Костромы, Галича, Нерехты.

В 1839 г. появился очерк «Галич», написанный известным дипломатом и публицистом, художником, географом Павлом Петровичем Свиным в книге «Картины России и быт разноплеменных её народов». В очерке

* Шарабарина Софья Геннадьевна (Кострома) – ассистент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Костромского государственного технологического университета, sonya9991@yandex.ru.

** Хранящаяся в Костромском музее-заповеднике рукопись «Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии» (КОК, 1273) составлена сыном Н.С. Сумарокова на бумаге с датой «1803» и является действительно кратким переложением «Истории...».

«Галич» Свиныин с полной уверенностью говорит о принадлежности галичского населения к финно-угорскому этносу. «Нет никакого сомнения, что Галич лежит на земле мерячей, народа некогда могущественного и известного в нашей истории многими событиями: союзом с прочими народами, согласившимися призвать Рюрика на царство, походом к Царьграду, упорством в принятии Христианской веры, побегом за Оку, где большая их часть соединилась с мордвою, а остальная так слилась с русскими племенами, что исчезла с лица земли и совершенно потеряла свое народное отличие; только в Галиче удержался язык Мерячей, известный под именем Елманского, и некоторые урочища, села и города. В Костромской губернии носят ещё названия, данные первобытными обладателями сих стран, как то реки: Нея, Шуя, Андоба, Идоса, Кусь, озера: Неро, Нико, Рамин; села Шебано, Емена, Юхоть, Кледем, Ликурга; города: Нерехта, Кинешма, Чухлома, и проч.» [3, с. 79].

Этнографические артефакты культуры, представленные Павлом Петровичем Свиныиным, дополняют наши представления о финно-угорском прошлом Галичской земли. В очерке «Галич» он отмечал, что по местным преданиям на Поклонной горе (по Архангельской дороге) располагалась кумирня мерячей, в которой поклонялись идолу Яриле. После христианизации на этом месте ежегодно проходило трехдневное гулянье в неделю Всех святых. Место другого идола, Купалы, было при озере, в котором язычники впоследствии приняли святое крещение, и, может быть, в воспоминание сего события празднуют 24 июня; горожане, мужчины и женщины, собирались гулять по берегу и кататься по озеру с песнями и весельем и оканчивали третий день гулянья обливанием друг друга водою и купанием в струях чистого озера [3, с. 174]. Интересно, что автор указывает на наличие «кумирни мерячей», а имена идолов употребляет славянские: Ярило и Купава. Это обстоятельство подтверждает взаимовлияние культур и слияние культовых традиций. Мирное сосуществование мери и славян на данной территории подтверждает и тот факт, что в названии города сохранились два компонента: первый Галич принесли славяне, второй – принадлежит мерянам.

В 1846 г. выходит в свет одна из первых работ М.Я. Диева, посвященных изучению этнографии, традиций Костромского края – «Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда». Михаил Яковлевич Диев (1794–1866 гг.) – известный археолог и историк, активный член Московского общества любителей российской словесности, Московского общества истории и древностей российских, исследователь старины и быта Костромского края. В работе М.Я. Диева мы находим интересные этнографические сведения о некоторых мерянских традициях, например, о бытовании кокошников в качестве свадебного головного убора. Диев писал, что в Нерехтском уезде (в первой половине XIX в.) после венчания молодой подавали на блюде кокошник, приговаривая при этом: «Вот тебе кокуй, с ним и ликуй!» [1]. Археолог П.Н. Травкин, исследуя плёские костюмы, дает обоснование названия кокошника и подтверждение его финской основы [6, с. 229–230]. Речь идет о головном уборе, известном и сегодня под своим древнейшим названием – кокошник. Название имеет финское происхождение: «кёкко» – «курица», «кокош» – «петух»; старофинский термин применительно к домашним птицам использовался наряду с привычными сегодня русскими как минимум до XVII в., а в поговорках он сохранился и по сей день – подобно тому, как до сих пор используется в провинции термин «кока» (родная сестра матери). Курица была у финских народов особо почитаемой птицей за ее плодovitость, и такая ассоциативная связь должна была способствовать выполнению женщиной в обществе ее главной, репродуктивной роли. В финских материалах Верхнего Поволжья, в древних погребениях и иных археологических комплексах имеются доказательства наличия кокошников. В непосредственной близости от Плеса их следы обнаружены среди остатков костюма VII в. на Алабужском городище.

Таким образом, в XVIII – первой половине XIX в. в научной мысли Костромского края уже отчетливо проявляется интерес к изучению финно-угорской культуры Костромского Поволжья.

Источники и литература

1. Диев М.Я. Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда // ЧОИДР. М. 1846. № 2.
2. ГУК КГИАХМЗ. КОК 1273. Л.4.
3. Свиныин П.П. Очерк «Галич» // Картины России и быт разноплеменных её народов. Санкт-Петербург: Типография Н. Греча, 1839. С. 170.
4. Севастьянова А.А. «Любезным моим согражданам...» Первый костромской историк Николай Сумароков (вторая половина XVIII в. // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Кострома. 1995. Вып. 3. С. 105–109.
5. Сумароков Н.С. История о первоначалии и происшествиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянства предводителем секунд-майором Николаем Сумароковым [рукопись] // Российский государственный архив древних актов. Ф. – 196 Мазурин. Л. 79 об.
6. Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново: Талка, 2007. С. 229–230.

Документы Научного архива Коми НЦ УрО РАН о проектах переброски северных рек на юг: историко-демографический аспект**

К одной из интереснейших проблем, получивших широкое отражение в материалах фондов Научного архива Коми НЦ УрО РАН, относится разработка проектов переброски части стока рек Печоры и Вычегды через Волгу в Каспийский бассейн. Частично материалы по разработке этих проектов были опубликованы [1].

С середины 1950-х гг. объектом междисциплинарных исследований Коми филиала АН СССР стала проблема переброски стока северных рек в бассейн Каспийского моря. В историческом аспекте эта тема на основе архивных документов рассматривалась впервые А.В. Самариным [2]. Автор исследовал деятельность ученых Коми филиала АН СССР, направленную первоначально на уменьшение негативных последствий переброски, а затем – на полное прекращение реализации проекта.

Предлагаемая статья рассматривает историко-демографический аспект данной темы на материалах научных отчетов сотрудников Коми филиала АН СССР и технико-экономических докладов Института Гидропроект по двум направлениям: обеспечение строительства кадрами и их последующая эксплуатация; изменение хозяйственных условий населения из зон затопления и подтопления при строительстве водохранилищ.

Первые документы о создании Камско-Печорско-Вычегодского водохозяйственного комплекса в фонде отдела энергетики НА КНЦ УрО РАН датируются 1937–1939 гг. и представлены докладами инженеров «Гидропротранса» Н.В. Разина и Г.В. Дмитриева «Камско-Печорско-Вычегодский водохозяйственный комплекс. Сводная технико-экономическая записка». Проектно-изыскательские работы велись медленными темпами и закончились составлением общей схемы Камско-Печорско-Вычегодского комплекса, рассмотренной экспертным совещанием при Госплане СССР в 1936 г. [3]. В предложенных схемах переброски стока северных рек на юг демографический аспект не рассматривался. Грандиозность и «гигантомания» планов первых пятилеток исключали рассмотрение вопроса о последствиях для тысяч людей, проживающих на затопляемых землях.

С 1947 г. в Научном архиве Коми филиала АН СССР скапливается документация по проектам переброски стока рек на юг, полученная из различных научных и научно-производственных организаций. Докладная записка Управления Гидропроект за 1954 г. была «первой попыткой сформулировать первоначальные соображения о значении КВП комплекса и выяснить актуальность рассматриваемой проблемы». В ней приводятся данные о числе дворов, подлежащих переселению, и стоимость переселения одного двора с полным его устройством на новом месте по трем вариантам схемы переброски стока рек Вычегды и Печоры в сумме 25 000 тыс. руб. [4].

Распоряжением Совмина СССР от 12 апреля 1955 г. Управлению проектирования, изысканий и исследования для строительства гидротехнических сооружений (Гидропроект, с 1957 по 1991 г. – Всесоюзный проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт Гидропроект им. С.Я. Жука министерства энергетики и электрификации СССР) было поручено составить технико-экономический доклад по созданию рациональной схемы переброски стока северных рек. По специальным вопросам разработки схемы переброски к работе были привлечены смежные организации: Ленгипроречтранс МРФ, Гипролестранс МЛП, Гипрорыбпроект МРП, Гипротранс МПС, Гидрологический институт Гидрометслужбы и Коми филиал АН СССР, которому предлагалось изучить перспективы развития народного хозяйства Коми АССР в увязке со схемой переброски [5].

В 1956 г. проект был отправлен для ознакомления в Коми филиал АН СССР. По первому варианту переброски стока северных рек (через р. Каму) подлежало переселению население 188 пунктов с 6039 дворами [6]. Сотрудниками Отдела энергетики и водного хозяйства Коми филиала была составлена докладная записка, отражающая негативные последствия затопления территории. В зону затопления попадали огромные запасы древесины, плодородные земли, крупные и мелкие населенные пункты. С учетом интересов народного хозяйства Коми АССР учеными был одобрен вариант строительства Усть-Куломского на Вычегде и Усть-Войского на Печоре гидроузлов с обязательным включением в их состав гидроэлектростанций. Демографический аспект проекта затрагивался в связи с переселением населения из зоны планируемых водохранилищ: указывалось, что в случае строительства глухих дамб (вместо гидроузлов) переселению будет подлежать почти 1/3 всех колхозов республики и освоение новых земель на площади около 180 тыс. га [7].

* Малкова Татьяна Александровна (Сыктывкар) – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001 «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)».

Новый проект Института Гидропроект 1960 г. предполагал создание на территории Коми АССР Вычегодско-Печорского водохранилища. Демографический вопрос рассматривался в разделе: «Переселение и земельнохозяйственное устройство населения сельской местности», где указывалось, что количество населенных пунктов, расположенных в зоне затопления по Коми АССР – 100, в них дворов – 7100, подлежит переносу – 5755 дворов. Переселяемое население намечалось разместить в пределах тех же административных районов во вновь организуемых поселках и путем допрасселения в существующие населенные пункты. Затраты по переносу и восстановлению на новом месте строений одного двора были определены на основании сборника показателей стоимости зданий, утвержденных Госстроем СССР 28 апреля 1959 г. – по Коми АССР в сумме 13900 руб. Общая стоимость работ по переселению по Коми АССР была определена в 117,2 млн. руб., в том числе, личная собственность – 99,5 млн. руб., колхозная собственность – 17,7 млн. руб. Затраты на вынос объектов из зоны Усть-Войского водохранилища составляли 44,3 млн. руб., из зоны Усть-Куломского водохранилища – 39,7 млн. руб. [8].

Правительство Коми АССР и ученые Коми филиала предприняли меры по экспертной оценке проекта. В 1961 г. в решении технико-экономического Совета Коми Совнархоза отмечалось, что наряду с обоснованием высокой экономической эффективности переброски стока северных рек для народного хозяйства юго-восточных районов европейской части СССР, Гидропроект недостаточно решает проблемы, касающиеся Коми АССР. Указывалось, что в проекте не учитывались специфические условия Севера в организации сельскохозяйственного производства. При расчете компенсации затопляемых и подтопляемых сельскохозяйственных угодий и стоимости переноса сельских населенных пунктов принимались нормативы южных районов страны, в результате чего занижался действительный ущерб, наносимый сельскому хозяйству Коми АССР в зоне затопления. По расчетам Госплана Коми АССР стоимость переноса строений одного сельского двора из зоны затопления составляла 3650 руб. (вместо 1390 руб.), т.е. занижена в 3 раза [9].

В 1961 г. Институт Гидропроект составил новый технико-экономический доклад, где обосновал целесообразность строительства целого каскада ГЭС на Печоре и ее притоках. Ученые Коми филиала выдвинули альтернативный вариант решения вопроса энергетики для Коми АССР. Под руководством Л.А. Братцева были организованы комплексные исследования по оценке влияния переброски стока северных рек в бассейн Каспия на народное хозяйство, природные условия Коми АССР, население республики. Л.А. Братцев напрямую связывал затопление большого количества населенных пунктов, наряду с ликвидацией крупных луговых массивов, с дальнейшей судьбой коренного населения, так как в проекте имелись предложения о переселении из зоны затопления в более северные районы Коми АССР. Переселение в южные районы республики было нежелательно из-за дефицита там сельскохозяйственных угодий. Один из вариантов также предусматривал коренную ломку исторически сложившегося уклада местного населения и передачу его в лесную промышленность с соответствующим переселением в поселки леспромхозов. По мнению ученого, во всех предложенных вариантах не учитывались исторически сложившиеся навыки коренного населения [10].

В 1963 г. Коми филиал АН СССР начал разработку программы комплексных научно-исследовательских работ по проблеме «Развитие народного хозяйства Коми АССР в связи с переброской части стока северных рек Печоры и Вычегды в бассейн Волги через Каму». К разработке темы были привлечены подразделения Коми филиала Академии наук СССР: отдел экономики (руков. В.А. Витязева), отдел энергетики и водного хозяйства (руков. Л.А. Братцев), Институт биологии (руков. П.П. Вавилов). В экспедиционных исследованиях также были задействованы Институт геологии и Отдел этнографии и археологии. Институт биологии совместно с проектными организациями и Институтом географии АН СССР были разработаны прогнозы ожидаемых изменений почвенного и растительного покрова, состава речных и озерных рек, животного мира зоны подтопления и затопления. Институт геологии Коми филиала АН СССР привлек материалы отчетов за 1958–1959 гг. из фондов Ухтинского территориального геологического управления по обследованию зоны проектируемых водохранилищ и провел дополнительные геологические исследования. Отряды отдела этнографии и археологии охватили обследованием населенные пункты и территории, проектируемые к затоплению [11].

В 1963 г. итоги исследований были представлены в отчете «Проблемы развития народного хозяйства Коми АССР в связи с переброской части стока северных рек Печоры и Вычегды в бассейн Волги» по следующим направлениям: сельское хозяйство, лесная промышленность, нефтегазовая и угольная промышленность, транспорт, экономические связи, население. В X главе отчета «Население и трудовые ресурсы», выполненной В.П. Подоплеловым, впервые рассматривались вопросы: «Размещение населения в Коми АССР и его динамика», «Численность и размещение населения в период строительства комплекса», «Баланс населения в период после завершения строительства водохозяйственного комплекса». Потребность в трудовых ресурсах для осуществления проектов рассматривалась отдельно по каждому водохозяйственному узлу, с учетом имеющегося населения в этих районах, их занятости и возможности вовлечения их в сферу материального производства. Впервые исследованиями установлены направления и количественные изменения в структуре баланса населения на периоды строительства и эксплуатации водохозяйственного комплекса. Автор указывал, что зона непосредственного

влияния создаваемого водохозяйственного комплекса охватывает в основном два района: Троицко-Печорский и Усть-Куломский, где проживает 89,6 тыс. чел., из них населения в трудоспособном возрасте 41,9 тыс. чел., занято в отраслях народного хозяйства – 30,6 тыс. чел., подтверждая тот факт, что оба района не располагают свободными трудовыми ресурсами. Для осуществления всего комплекса строительных работ по расчетам Гидропроекта требовалось 8,5 тыс. чел., по расчетам автора – 11–12 тыс. чел., из которых на территории Коми АССР – 8,0 тыс. чел. Общая потребность в кадрах для Коми АССР составляла: для лесной промышленности – 26 тыс. чел., для собственно гидростроительства – 8 тыс. чел., для переноса старых населенных пунктов – 2 тыс. чел., для работы в сфере нематериального производства – 15 тыс. чел.. Учитывая, что 20% требуемого количества трудящихся, или 10 тыс. чел., можно будет привлечь на месте, дополнительно необходимо завести из других районов страны 41 тыс. чел. Общий прирост населения в этих районах составит 100 тыс. чел. и будет составлять около 180 тыс. чел. Делался вывод, что привлечение значительного количества рабочих кадров и специалистов в период строительства будет связано с существенными изменениями в динамике численности населения республики и в его территориальном размещении [12].

Полученные выводы показали необходимость комплексных методов исследования и недооценку народнохозяйственного значения Коми экономического района на Европейском Северо-Востоке СССР. В 1964 г. на заседании плановой комиссии Северо-Западного экономического района Коми филиалу было поручено дальнейшее проведение научно-исследовательских работ, а Институту Гидропроект – уточнить расчеты.

К 1975 г., основываясь на ранних разработках Института Гидропроект, ученые Коми филиала разработали собственный вариант, рассмотрев 3 схемы переброски стока: 1) схема Печоро-Камской переброски стока; 2) схема переброски стока р. Печоры через Пижму; 3) схема переброски стока Уральских притоков р. Печоры, а также возможность перекачки вод из р. Обь через Урал. В отчет был включен раздел «Население», выполненный В.П. Подоплеловым. Анализируя занятость населения в районах переброски стока рек по всем трем схемам переброски, автор снова делает вывод, что свободными трудовыми ресурсами для осуществления строительства сооружений по переброске стока все районы не располагают. В то же время, гидротехническое строительство окажет заметное влияние на размещение, миграцию, состав и занятость населения Коми АССР, возникновение новых и развитие старых населенных пунктов.

Осуществление данного проекта было связано с привлечением значительных материальных и трудовых ресурсов страны на территорию Коми АССР, а также оказывало заметное влияние на размещение населения в прилегающих районах. Так, отмечалось, что из зон затопления и подтопления будут вынесены многие населенные пункты. По I схеме в зону затопления попадает 39 населенных пунктов с 6,8 тыс. дворов, численностью населения в 23,8 тыс. чел., по II схеме – 55 пунктов с 8,4 тыс. дворов, численностью населения 36,1 тыс. чел., по III схеме – 4 пункта с числом хозяйств 0,2 тыс. и численностью населения 0,7 тыс. чел. Таким образом, наибольший ущерб населению республики наносит второй вариант переброски стока р. Печоры через Пижму. Наиболее приемлемым для Коми АССР становится третий вариант переброски воды из уральских притоков. Также указывалось, что самым крупным потребителем рабочей силы будет лесная промышленность. Проект был отклонен по причине высокой стоимости строительства [13].

В 1984 г. Председатель Президиума Коми филиала АН СССР М.П. Рощевский поставил вопрос о нецелесообразности в принципе проведения работ по переброске стока северных рек на юг. Учеными Коми филиала была подготовлена докладная записка в Политбюро ЦК КПСС «О влиянии переброски части стока р. Печоры в бассейн р. Волги на природу и народное хозяйство Коми АССР», где отмечалось негативное влияние переброски на различные отрасли народного хозяйства и необратимые нарушения экосистем на Севере в результате осуществления проекта [14].

Источники и литература

1. О влиянии переброски стока северных рек в бассейн Каспия на народное хозяйство Коми АССР. Л.: Наука, 1967. С. 174–185; Братцев А.П., Ветошкина Н.Н., Подоплелов В.П. Влияние переброски стока р. Печоры на природные условия и народное хозяйство Коми АССР. Сыктывкар, 1976. С. 37–40. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми филиал АН СССР. Вып. 26).
2. Самарин А.В. История Коми научного центра Уральского отделения АН СССР: становление и развитие (1944–1991 гг.). Сыктывкар, 2006. С. 149–165; Самарин А.В. Проекты переброски северных рек: ученые Коми против советской гигантомании // Новый исторический вестник. 2009. № 4 (22). С. 58–66.
3. Научный архив Коми научного центра УрО РАН (далее – НА Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 8. Д. 10. Л. 1–2.
4. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 172. Л. 22–23.
5. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 167. Л. 16.
6. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 184. Л. 6.
7. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 191. Л. 38.
8. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 264. Л. 2. 113–114, 116, 121.

9. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 292. Л. 28, 63.
10. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Л. 279. Л. 1, 14-15.
11. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 152, 153, 154, 156, 157.
12. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 327. Л. 5-9, 238-242.
13. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1, Оп. 9. Д. 559. Л. 127-138.
14. Морозов Иван Павлович в воспоминаниях и документах. Сыктывкар, 1991. С. 141.

Наследственная непереносимость пищевых продуктов среди этносов мира

Несмотря на то, что для жизни людям необходимо постоянно питаться, непереносимость отдельных видов (казалось бы, повседневных и общеупотребляемых) продуктов встречается весьма часто. В то же время о непереносимости пищевых продуктов отдельными людьми и целыми этническими сообществами стало известно недавно. Даже самая распространенная непереносимость молока (молочного сахара) была впервые описана в медицине в 1963 г. [1]. К тому же данное явление потом в течение полутора десятилетий считалось редким заболеванием и проявлением индивидуальной специфики организмов отдельных людей. Об этнической наследственности пищевой непереносимости молочного сахара информация начала распространяться лишь начиная с 1970–1980-х гг. В нашей стране непереносимость молочного сахара вплоть до 1991 г. многими медиками и физиологами рассматривалась как патологическое состояние [2].

Непереносимость молочного сахара (лактозы) является наиболее известным и широко распространенным в мире видом пищевой непереносимости. Лактоза (от лат. *lactis* – молоко) – дисахарид, содержащийся в молоке и молочных продуктах. В тонком кишечнике с помощью фермента лактазы лактоза расщепляется на моносахариды – глюкозу и галактозу. Непереносимость лактозы представляет собой неспособность организма человека переваривать лактозу, что обусловлено отсутствием или недостаточностью производства фермента лактазы.

Формирование непереносимости лактозы чаще всего обусловлено на генетическом уровне и определяется наследственностью и этнической принадлежностью индивидуума. Среди голландцев, шведов, датчан непереносимость лактозы встречается примерно у 1–5% взрослого населения [3]. В целом среди европейцев разных стран показатель варьирует от 1 до 19% (исключение оставляют южные французы и греки-киприоты имеющие показатель 65%). Наиболее высокие показатели непереносимости лактозы у китайцев (93%), обитателей Юго-Восточной Азии (98%) и индейцев США (100% [по другим данным – 80%]) [4]. Среди детей инуитов (эскимосов) Канады старше 4 лет уже у 90% отмечается неусваиваемость молочного сахара [5].

На территории России (бывшего СССР) у народов Севера и Сибири (саамы, ненцы, ханты, манси) непереносимость лактозы встречается у 48–96% лиц. Среди детей эвенов в возрасте 7–14 лет гиполактазия отмечена у 56–60% индивидов [5].

При недостатке или отсутствии производства фермента лактазы примерно через 15-30 минут после употребления молока или молочных продуктов (напр., мороженого, сгущенного молока, плавленого сыра, сметаны) у человека начинается понос (диарея) или схваткообразные боли (спазмы в животе) и вздутие живота (повышенное образование газов в кишечнике), отрыжка, тошнота и рвота. Степень тяжести проявления симптомов зависит от уровня нехватки фермента [6]. Также развиваются слабость и вялость. Среди симптомов упоминаются хроническая усталость, чувство разбитости, трудности при сосредоточении внимания, беспокойство, головокружение, головные боли, раздражительность, подавленность, напряженность, нарушения сна, депрессия, боли в конечностях, дефицит веса, задержка роста и психомоторного развития у детей, проблемы с кожей.

При некотором пониженном (но достаточно большом) уровне лактазы люди способны без последствий для себя употреблять кисломолочные продукты (такие как кефир, творог, твердые сорта сыра), но не цельное молоко. При низком уровне или отсутствии производства фермента в организме необходимо полностью исключить продукты, содержащие лактозу, т.е. все молочные продукты и содержащие молоко в своем составе.

Как правило, непереносимость лактозы возникает у детей уже после периода грудничкового вскармливания. Гиполактазия (пониженное производство фермента лактазы) у африканцев и азиатов обычно проявляется уже в раннем детском возрасте (1-2 года в Таиланде), в то время как у европейцев (если вообще появляется) возникает позже, в детстве или в подростковом возрасте. Большинство китайцев и японцев (80-90 %) теряют способность переваривать лактозу к 3-4 годам. Для китайцев характерно малое использование молочных продуктов в традиционной кухне. Китай традиционно был сельскохозяйственной страной с высокой плотностью населения, где господствовало рисоводство, а животноводство оставалась малоразвитым из-за недостатка пастбищ. В связи недостатком земли пришлось отказаться даже от посадок пшеницы, т.к. с помощью риса можно было прокормить большее население на той же территории. Незначительность присутствия продуктов животноводства в питании населения на протяжении тысячелетий уже могла подтолкнуть перестройку организма к невосприимчивости молочных продуктов. Наряду с этим обнаруживают различия в гене (13910 С/Т), отвечающем за кодировку аминокислотной последовательности лактазы, у людей с хорошей переносимостью лактозы (форма

* Желтов Андрей Александрович (Вологда) – кандидат исторических наук, доцент Вологодского института права и экономики ФСИН России, ztv73@mail.ru.

гена Т/Т) и с непереносимостью лактозы (форма гена С/С). Первоначально считалось, что последняя форма является мутантной. Подобная форма (13910 С/С) гена лактазы широко распространена у народов Восточной и Юго-Восточной Азии (до 95–100%), а также среди американских негров и индейцев (70–75%). У европейцев частота гомозигот (С/С) невелика (5–10%). Наличие же даже одной аллели Т, как правило, позволяет вырабатывать организму взрослого человека достаточное количество лактазы.

Впрочем, в настоящее время в мире более признана иная гипотеза, которая предполагает, что способность переваривать лактозу во взрослом возрасте является поздней, благоприобретенной мутацией. Соответственно по этой гипотезе уже форма гена лактазы 13910 Т/Т **считается мутантной, а С/С (обеспечивающая непереносимость лактозы во взрослом возрасте) – нормальной.** С позиций этой гипотезы изначально для всех человеческих сообществ была свойственна лактозная непереносимость во взрослом возрасте, и лишь в последние 10 тысяч лет распространились и закрепились гены, обеспечивающие производство лактазы в постпубертатный период. Существует два варианта объяснения быстрого распространения способности переваривать лактозу: первый связывает распространение мутации с распространением молочного животноводства [7], второй – с большой потребностью в кальции, всасывание которого в тонком кишечнике в условиях недостатка витамина D затрудняется [8]. В условиях севера с его пониженной солнечной инсоляцией недостаток витамина D **весьма ощутим, что могло послужить причиной развития способности переваривать лактозу у европейских популяций.** Однако наряду с европейцами способность переваривать лактозу возникла у некоторых племен бедуинов и скотоводов Африки.

Непереносимость лактозы является не единственной наследуемой ферментопатией, имеющей этнобиологическую обусловленность. Хотя именно она наиболее известна, так как встречается у довольно большой доли мирового населения.

У сибирских народов довольно часто встречается пищевая непереносимость грибов, обусловленная дефицитом фермента, расщепляющего дисахарид грибов трегалозу [9]. По данным А.И. Козлова, непереносимость трегалозы встречается у 10,5% коренного населения Арктики, тогда как среди населения Европы индивиды с данной непереносимостью составляют от 0,25 до 2% [10]. Такая достаточно высокая частота непереносимости грибов привела к табуированию их в качестве пищи. В культуре большинства народов Сибири грибы считаются несъедобными, и существуют мифологически обоснованные запреты на употребление грибов. Аналогичным образом, пищевые запреты на употребление молока возникали у некоторых тропических народов [11], для которых как раз характерна почти полная непереносимость лактозы.

К пищевым непереносимостям с некоторой степенью допущения можно отнести такое генетическое заболевание, как сахарный диабет. Сахарный диабет – несколько неоднородная по своей этиологии группа эндокринных заболеваний, развивающихся вследствие абсолютной или относительной недостаточности гормона инсулина, в результате чего формируется гипергликемия – стойкое увеличение содержания глюкозы в крови. При данном заболевании нарушаются все виды обмена веществ: углеводный, белковый, жировой, минеральный и водно-солевой. Диабет 2-го типа составляет 85–90% от всех случаев заболевания и наиболее часто развивается у людей старше 40 лет, и, как правило, связан с ожирением. Более опасным является диабет 1-го типа. При всех формах диабета возникает необходимость соблюдения точно рассчитанной диеты.

В настоящее время считается доказанной генетическая предрасположенность к сахарному диабету. Неоднородность распространения заболеваемости сахарным диабетом прослеживает четкую зависимость от расы. Сахарный диабет 2-го типа наиболее распространён среди монголоидов, негроидов и латиноамериканцев. Так, по данным Питера Дж. Уоткинса, в Великобритании среди лиц монголоидной расы старше 40 лет 20% страдают сахарным диабетом 2-го типа. На втором месте стоят люди негроидной расы, у которых среди лиц старше 40 лет доля больных сахарным диабетом составляет 17%. Также распространённость данного заболевания повышена и среди детей этих рас [12]. В 2000 г. больные данным типом заболевания составляли в Гонконге 12% населения, а США их доля достигала 10%.

Еще одним видом пищевой непереносимости является непереносимость клейковины (глутена). Клейковина (глутен) (лат. gluten – клей) – обобщенное название группы эластичных белков, содержащихся в семенах злаковых растений, в особенности пшеницы, ржи и ячменя. В то же время глутена не содержится в рисе, кукурузе, гречке, пшенице. Содержание клейковины (глутена) определяет упругость и эластичность теста. Помимо непереносимости глутена (клейковины) известна еще наследственная болезнь целиакия (глутеновая энтеропатия), при которой глутен и близкие к нему белки злаков (напр., авенин, содержащийся в овсе) не только не усваиваются организмом человека, но и повреждают ворсинки тонкого кишечника, приводя к его атрофии. При этом летальность в случае отсутствия адекватного лечения при целиакии составляет 10–30%. Целиакия в тяжелой форме у населения Европы встречается достаточно редко – от 1:6000 до 1:1000 (в среднем у одного из 3 тыс. чел.), но предрасположенность к целиакии у здорового взрослого населения обнаруживается в пределах примерно 1 из 100 и 1 на 300 чел. [13]. В России данное заболевание фиксировалось реже, чем в Европе – один случай на 5–10 тыс. чел. [14].

Гастроэнтерологи отмечают значительную корреляцию возникновения целиакии и наличия лейкоцитарных антигенов (HLA) II класса: HLA-DQ2 и HLA-DQ8. Причем HLA-DQ2 выявляется почти у 95% пациентов с данным заболеванием, а остальные пациенты имеют HLA-DQ8 [15]. Однако в настоящее время известно, что DQ2 наиболее распространен в Западной Европе, Северной и Западной Африке. Здесь особенно высокая частота встречаемости данного антигена наблюдается в Испании и Ирландии. Также высокие частоты его отмечаются в Центральной Азии и Казахстане, а на востоке Евразии – в Китае и Юго-Восточной Азии отмечается значительное снижение его частоты. Примечательно, что, по информации С.А. Боринской, на территории Европы целиакия и непереносимость белка глютена с наибольшей частотой встречаются в Ирландии, чем в странах континентальной Европы [16].

Физиологическая реакция на алкоголь в различных этнических группах также весьма сильно отличается. Хорошо известно, что у коренных народов Сибири очень быстро развиваются алкогольная зависимость и алкоголизм. Эту же особенность отмечают у индейцев Северной и Южной Америк.

Напротив, у восточно-азиатских народов довольно частым явлением является непереносимость алкоголя (алкогольная интолерантность). Непереносимость или сниженная переносимость алкоголя проявляется в таких неприятных реакциях на сравнительно низкие дозы алкоголя, как покраснение кожи, зуд, кашель, головокружение, потоотделение, боль и кровотечение.

Встречается непереносимость или сниженная переносимость алкоголя примерно у 40% населения Восточной Азии. Ей подвержена значительная часть китайцев, японцев и монголов (от 58 до 85%). Непереносимость алкоголя обусловлена генетически. Большинство людей азиатского происхождения по всему миру являются носителями генетической мутации в гене, кодирующим фермент ацетальдегиддегидрогеназу (ALDH2), что приводит к снижению выработки в организме человека данного фермента. В организме человека этиловый спирт на первой стадии под действием фермента алкогольдегидрогеназы превращается в токсичный ацетальдегид (уксусный альдегид). Скорость работы алкогольдегидрогеназы определяет аллель ADH1B*47His. Ацетальдегид должен расщепляться на второй стадии в организме с помощью фермента ацетальдегиддегидрогеназы. Однако под влиянием действия аллели ALDH2*2 (присущей восточно-азиатским народам) данный вид фермента продуцируется весьма медленно. В результате в организме в короткое время скапливается большое количество токсичного уксусного альдегида. Развиваются признаки отравления: головокружение, учащенное сердцебиение, потливость, тошнота и покраснение кожи лица (характерное внешнее проявление, по которому весь комплекс симптомов и получил название флэш-реакции, «вспыхивания») [17].

По данным исследования, проведенными учеными четырех научных центров Китайской академии наук, появление аллели ADH1B*47His, обуславливающей ускоренное расщепление этанола до уксусного альдегида и кратковременное отравление организма, произошло в Восточной Азии около 10000 ~ 7000 лет назад. Также в данном исследовании была выявлена взаимосвязь между географическим распространением аллели альдегиддегидрогеназы ADH1B*47His с историческими очагами выращивания и употребления риса. Это обусловило появление версии, что употребление риса привело к появлению непереносимости алкоголя у жителей Азии. Комплексная флэш-реакция наиболее характерна для народов Восточной Азии – японцев, китайцев, корейцев, среди которых до 76% – носители аллеля ADH1B*47His, и 24-35% – ALDH2*2.

По результатам данного исследования большая часть населения Восточной Азии (в 31 группе из 38 исследованных) имеют частоты аллеля ADH1B*47His свыше 50%. У китайцев наибольшая частота обнаружена в провинции Чжэцзян на юго-востоке Китая (98,5%), и наименьшие относительно низкие частоты – на Западе (60–70%). Такая же картина была зафиксирована и для других этнических групп Китая и Юго-Восточной Азии (Камбоджа и Таиланд), за исключением камбоджийцев (20,6%), тибетцев (в среднем 14,1%) и малой этнической группы булог (Bulang или Blang, Bulong) (1,7%) в юго-западном Китае [18].

Соответственно, объемы потребления спиртного в странах Восточной Азии существенно ниже, чем в Европе, где аллель ALDH2*2 почти не встречается, а частоты ADH1B*47His варьируют от 0 (коми) до 1-10% (финны, шведы, русские).

У коренных жителей Арктики частоты аллелей ADH1B*47His и ALDH2*2 не похожи на восточно-азиатские. Скорее частота их сравнима с популяциями центральной и северной Европы [19]. У народов Севера и Сибири аллель ALDH2*2 отсутствует, а частота встречаемости ADH1B*47His у чукчей и эскимосов достигает лишь 2-3%.

Источники и литература

1. Валенкевич Л.Н., Шубина М.Э. Современные взгляды на проблему гипоплазии // Российский журнал гастроэнтерологии, гепатологии, колопроктологии. 2000. № 4. С. 24–28.

2. Козлов А.И. Лактазная недостаточность (первичная гипоплазия) в различных группах населения Евразии: Диссертация на соискание учёной степени доктора биологических наук: Специальность 03.00.13 – физиология, 03.00.14 – антропология. М., 2004. С. 8.

3. Самаль Т.Н., Украинцев С.Е. Лактазная недостаточность у детей раннего возраста (современные подходы) // Медицинская панорама. 2004. № 2. С. 62–66.
4. Data obtained from «Lactose and Lactase», Scientific American, October, 1972, by Norman Kretchmer // Сайт Food reactions. Режим доступа: <http://www.foodreactions.org/intolerance/lactose/prevalence.html>
5. Козлов А.И. Лактазная недостаточность (первичная гиполактазия) в различных группах населения Евразии: Диссертация на соискание учёной степени доктора биологических наук: Специальность 03.00.13 – физиология, 03.00.14 – антропология. М., 2004. С. 15.
6. Валенкевич Л.Н., Яхонтова О.И. Молоко и молочные продукты в практике врача. СПб.: Политехника, 2005. 158 с.
7. Stone Age Adults Couldn't Stomach Milk, Gene Study Shows by James Owen for National Geographic News. February 26, 2007. Режим доступа: <http://news.nationalgeographic.com/news/2007/02/070226-europe-milk.html>
8. Боринская С.А., Козлов А.И., Янковский Н.К. Гены и традиции питания // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 120.
9. Боринская С.А. Генетическое разнообразие народов // Природа. 2004. № 10. С. 33–39.
10. Боринская С.А., Козлов А.И., Янковский Н.К. Гены и традиции питания // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 129.
11. TABOOS. A food taboo is a prohibition against consuming certain foods. Режим доступа: <http://www.enotes.com/taboo-reference/taboo>
12. Уоткинс П. Дж. Сахарный диабет / 2-е изд. – Пер. с англ. М.: БИНОМ, 2006. С. 15.
13. Парфенов А.И., Крумс Л.М., Гудкова Р.Б., Сабельникова Е.А. Глютенная энтеропатия – междисциплинарная патология // Медицинская кафедра. 2005. № 4. С. 67–71.
14. Ревнова М.О. Целиакия у детей: учебно-методическое пособие для врачей и студентов медицинских факультетов. СПб., 2001.
15. Целиакия: практическое руководство Всемирной организации гастроэнтерологов (ВОГ-OMGE). Февраль 2005. Режим доступа: http://www.worldgastroenterology.org/assets/downloads/ru/pdf/guidelines/g_data13_ru.pdf
16. Боринская С.А. Генетическое разнообразие народов // Природа. 2004. № 10. С. 33–39.
17. Боринская С.А., Козлов А.И., Янковский Н.К. Гены и традиции питания // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 125.
18. The ADH1B Arg47His polymorphism in East Asian populations and expansion of rice domestication in history. By Yi Peng, Hong Shi, Xue-bin Qi, Chun-jie Xiao, Hua Zhong, Run-lin Z Ma and Bing Su // BMC Evolutionary Biology. 2010. 20 January. Режим доступа: <http://www.biomedcentral.com/1471-2148/10/15>
19. Козлов А.И. Потребление алкоголя и связанные с алкоголем проблемы у коренного населения Севера России // Наркология. 2006. № 10. С. 22–29.

Популяционное моделирование населения Земли

1. Пролог математической истории

Математизация истории началась в недрах демографии и продолжилась в трудах синергетиков [1-3]. Естественным путём математизации истории является мобилизация сохранившихся статистических данных и использование достижений математической статистики. Более абстрактным является составление, исследование и решение подходящих дифференциальных уравнений для исторических процессов – путь, который так успешно использовала физика, теория биологических популяций [4] и труды Римского клуба [5]. На дифференциальных уравнениях и статистике основаны наши следующие результаты [6-8].

1. Объяснение мирового демографического процесса ограничивающим действием *экологического барьера* на экспоненциальный рост населения Земли.

2. Открытие *экологической паузы* конца XX века – отставание роста населения Земли от роста ёмкости экологической ниши человечества.

3. Обнаружение причины снижения рождаемости по мере индустриального развития – *информационного барьера* – как следствия наложения возраста обучения на фертильный возраст женщин и повышенные нормы потребления в современном обществе.

4. Прогноз будущего развития демографической ситуации на планете – остановки роста населения Земли в середине XXI в. и дальнейшее его снижение.

Вот результат предшествующих исследований. Пусть t – время, а T – дата от Р.Х.

Зависимость ёмкости P экологической ниши человечества и численности N населения Земли от времени t очень хорошо описывается следующими уравнениями.

$$\text{Уравнение Мальтуса роста населения Земли} \quad dN/dt = N/\tau(t) \quad (1)$$

$$\text{Экологический барьер} \quad N = kP, \quad k \leq 1 \quad (2)$$

$$\text{Уравнение роста ёмкости ниши (техносферы)} \quad dP/dt = NP/C \quad (3)$$

$$\text{Экологическое уравнение роста населения} \quad dN/dt = kNP/C \quad (4)$$

Характерное время $\tau(t)$ было постоянной величиной до последней трети XX века. Увеличение величины $\tau(t)$ в развитых странах – это и есть *демографический переход*, т.е. снижение темпов роста населения.

Из этих уравнений следует:

$$\text{Уравнение С.П. Капицы для роста населения Земли} \quad dN/dt = N^2/C \quad (5)$$

$$\text{Формула фон Фёрстера для населения Земли} \quad N = C/(T_0 - T) \quad (6)$$

$$\text{Уравнение годового прибавочного продукта на Земле} \quad \Delta P = C/(T_0 - T)^2 \quad (7)$$

Параметры уравнения (6) можно найти из данных С.П. Капицы [1,2], построив тренд функции $1/N$, например, с помощью системы MS Excel: $C \cong 197,005$ млрд. человеколет, а $T_0 \cong 2025$ год.

Уравнение (2) говорит о том, что население, превышающее величину P , не может выжить, и обречено на вымирание.

Демографические данные показывают, что уравнения (1–7) адекватны только в эпоху *экологического дефицита (экодефицита)* – с момента полного заселения экологической ниши где-то около 30-ти тысяч лет назад [1,2] и до ≈ 1975 года. Избыток M народившегося населения должен был вымирать и уравнение вымирания от экодефицита имеет вид

$$dM/dt = N/\tau(t) - N^2/C \quad (8)$$

Из тех же уравнений нетрудно получить, что в момент T_n демографического перехода – выхода из экодефицита – характерное время роста $\tau = \tau_n = T_0 - T_n$. Минимальное наблюдаемое время удвоения равно $\tau_{удв} \cong 19$ лет, а $\tau(t) = 1,44\tau_{удв} \cong 27$ лет. Население Земли 1975 года равно $\cong 4$ млрд. Отсюда следует, что в момент окончания эпохи экологического дефицита время удвоения населения Земли составляло $\tau_{удв} \cong 35$ лет, что близко к действительности.

После 1975 г. наступила *экологическая пауза (экопауза)* [6-8], когда рост населения согласно мальтузианскому уравнению (1) стал медленнее роста ёмкости экологической ниши, заданного уравнением (3). В экопаузе исторические явления уже не могут объясняться экологическим дефицитом. Они являются следствием социального взаимодействия людей и человеческих качеств, сформированных под давлением экологического барьера.

* Березовская Юлия Владимировна (Архангельск) – ассистент Северного (Арктического) федерального университета, myumla.myu@gmail.com. Воробьёв Владимир Анатольевич (Архангельск) – доктор технических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета, vva100@atnet.ru.

Эпопея выявила *системный кризис* человечества [8], который проявляется, прежде всего, как *экологический кризис*. Особую тревогу вызывает растущее снижение рождаемости в развитых странах. Причина снижения рождаемости – *информационный барьер*.

Демографические данные и социальная статистика [9,10] выявили явную связь между ростом образования и снижением рождаемости. Аналогичные результаты получены в [3]. Снижение рождаемости объясняется тем, что возраст профессионального становления в сложном современном обществе перекрывает репродуктивный возраст женщин. Наиболее образованная молодёжь – студенчество – является референтной группой для всей остальной молодёжи. Ценности и стиль жизни студенчества становятся образцом для всех остальных молодых людей, а из этого стиля выбираются наиболее доступные для большинства женщин *гедонизм* и отказ от рождения детей. Это явление, грозящее демографической катастрофой всем развитым странам мира, и есть *информационный барьер* человечества. Действие информационного барьера ярко демонстрируют демографические процессы в странах так называемого *золотого миллиарда*. Если можно так сказать, золотой миллиард вымирает от удовольствия.

Демографическая статистика [10], будучи пролонгирована на ближайшие столетия, позволила нам [8] прогнозировать динамику роста населения Земли и обнаружить, что с середины XX в. проявляется тенденция к снижению темпов роста населения. В линейном приближении к ≈ 2050 году рост населения прекратится на уровне $\approx 8 \div 9$ млрд., а далее начнётся вымирание человечества. До каких пределов будет происходить это вымирание предсказать трудно, но можно полагать, что оно остановится на уровне начала индустриальной эпохи ≈ 1 млрд. человек, когда изменятся и ценности, и образ жизни человечества. Индустриальная и постиндустриальная эпохи, начавшиеся в конце XVIII – начале XIX в. и сопровождавшиеся демографическим взрывом XX в., продлятся не более чем до 2300 года. При этом следующее, XXII столетие будет озаменовано стремительным снижением численности людей, и неизвестно как это отразится на их психике и социальном поведении. Дело в том, чувства и мотивация людей никак не отражаются в наших исходных эмпирических уравнениях. Такие модели недостаточны для адекватного описания исторических процессов. Они не учитывают социального поведения людей. **История человечества – это продукт совместной деятельности множества конкурирующих людей как в эпоху экодефицита, так и в предверии близкой экологической катастрофы.**

2. Популяционное моделирование социальных систем

Итак, необходимо моделировать историю как продукт совместного действия множества объектов: людей, животных, биоты, экологических мест, технологий, идей и т.д. Поведение каждого такого объекта в социуме можно представить вероятностным автоматом, переходы которого из состояния в состояние недетерминированы и неоднозначны. Это позволяет моделировать «свободу воли» людей и неопределённость поведения природных объектов. Кроме того, наши автоматы изменяют своё состояние не столько сами по себе, сколько под действием других элементов всей этой сложной системы.

Такая математическая модель – система *взаимодействующих* вероятностных автоматов названа нами *популяция автоматов* [11,12]. Поскольку автоматы различны, их подмножества образуют подсистемы с разными функциями. Взаимодействие состоит в том, что состояния «воздействующих» автоматов влияют на «изменяемые» автоматы и переводят их в новые состояния. Способ передачи воздействий и структура связей между автоматами не рассматриваются. Вместо этого принята *гипотеза сильного перемешивания*. Это значит, что каждый автомат может взаимодействовать с каждым другим автоматом за время моделирования.

Популяции вероятностных автоматов пригодны для моделирования сложных массовых объектов: биологических, экономических, социальных и технических систем, параллельных программ и т.д. Но главное, к чему стремились авторы, – предоставить историкам математический аппарат для быстрой и автоматической проверки различных моделей социального поведения на адекватность наблюдаемым историческим процессам. Дифференциальные уравнения процессов и их решение получается автоматически. Такие модели мы называем *каузальными сетями* или *K-моделями*.

4. K-сеть и K-модель

Каузальная (т.е. причинно-следственная) *сеть* – это маркированная сеть Петри, в которой для каждого перехода задана интенсивность события-перехода, как функция от маркировки M_t входных позиций перехода. M_t – вектор маркировки, задающий число автоматов, находящихся в момент времени t в каждом из состояний.

K-модель – аналитическое описание каузальной сети содержит:

1. статическую часть – маркировку M_0 в начальный момент времени $t = 0$ и
2. динамическую часть – описание переходов автоматов из состояния в состояние.

Каждый переход d_j описывается несколькими выражениями:

- 1) перечисление множества $\bullet d_i$ входных состояний с коэффициентами k_{ji} ;
- 2) перечисление множества $d_i \bullet$ выходных состояний с коэффициентами k_{ij} ;
- 3) интенсивность $p_i(M_t(\bullet d_i)) = p_i K_{ij}$ перехода;
- 4) тип перехода.

Основные типы переходов *линейные* и *нелинейные*. *Линейные* переходы соответствуют дальнему воздействию в системе, когда все все «видят» и могут взаимодействовать, если есть «партнёр». *Нелинейные* переходы соответствуют близкому воздействию: *раствор* – равномерному распределению автоматов по всей системе (как медведи в тайге) и *смесь* – собранию взаимодействующих автоматов в одном месте (как птичий базар).

В общем случае описание перехода это выражение вида

$\bullet d_j > d_j^* : p_i K_{ij}$; тип перехода, задержки состояний.

Внешнее состояние в К-модели изображается звёздочкой «*».

5. К-модель роста населения Земли

Построим К-модель роста населения Земли Для этого нам потребуется осознать смысл величины C , упомянутой в эмпирическом уравнении (6) и использованной во всех публикациях на эту тему без особых пояснений. Исходя из размерности C человеколет (чл) положим, что C – трудозатраты (Т), необходимые человеку чтобы исчерпать всю биоту и превратить её в место проживания и пропитания человека. Ясно, что биоту (Б) исчерпать нельзя в силу законов экологии. В норме масса *продуцентов* должна составлять порядка 98% от массы биоты, а общая масса *консументов* и *редуцентов* должна быть порядка 2% биоты. Человек, как вид, является консументом, и мы вправе ожидать, что в эпоху экодефицита число экологических мест (М) и, соответственно, людей (Ч) существенно не превысит 2% от мощности биоты. И действительно, $C \cong 200$ млрд., а $N_{1975} \cong 4$ млрд., т.е. $\cong 2\%$.

К-модель роста населения с 1800 года и результат показаны на рис. 1. Из результатов моделирования следует, что если репродуктивное поведение людей не изменится, индустриальная и постиндустриальная цивилизация вымрут. Этот же результат мы получили ранее [8] простой экстраполяцией демографической статистики на 300 лет вперёд.

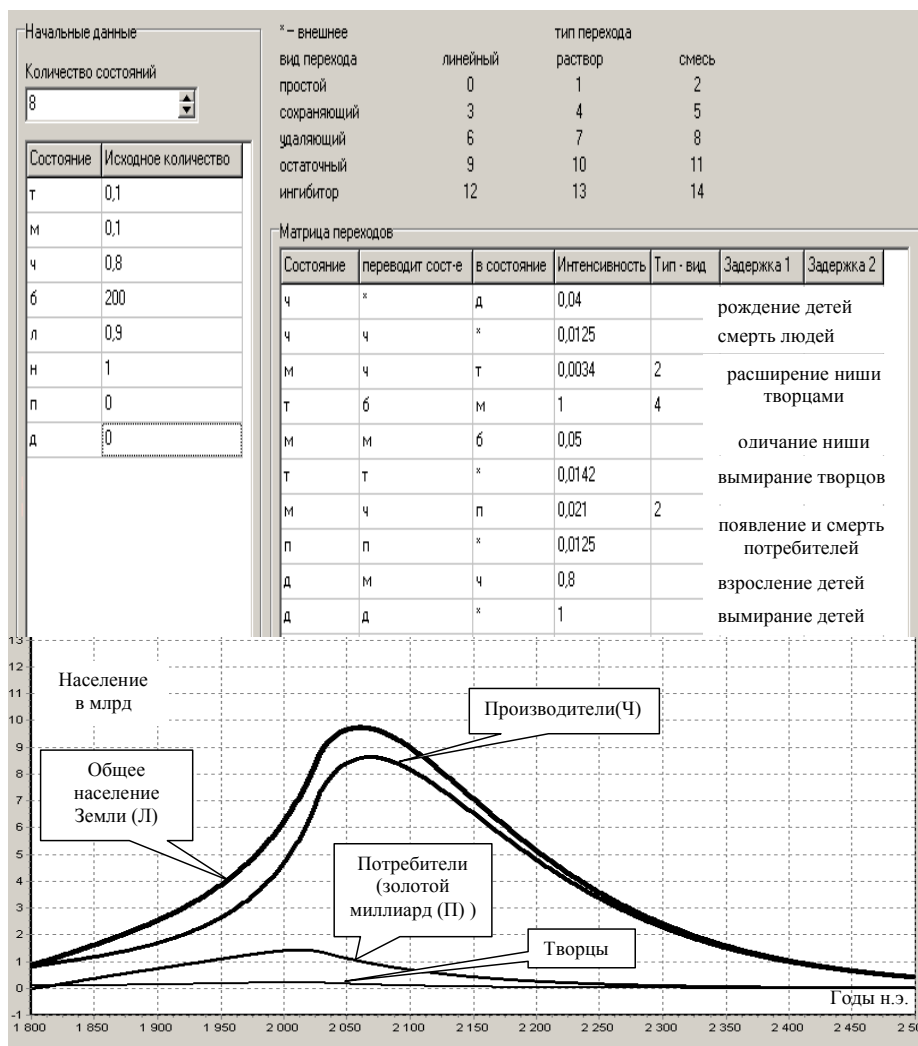

Рис. 1. К-модель роста и вымирания индустриальной цивилизации.

6. К-модель этногенеза по Л.Н. Гумилёву

Демографический процесс отражает человеческий способ приспособления к природной среде – расширение своей экологической ниши, т.е. *техносферы*. С другой стороны, *этногенез* – продукт внутривидовой конкуренции за экологическую нишу. Ближайшей популяционной моделью такой конкуренции является модель «хищник-жертва». Подробное и единственное в исторической литературе описание этногенеза дано в работах Л.Н. Гумилёва [13]. Этногенез по Гумилёву представляет собой конкуренцию трёх видов человека: пассионариев (*пасси*), гармоничников (*гарми*) и суббиологичных субъектов (*субби*). Последние живут только ради удовлетворения своих биологических потребностей. Л.Н. Гумилёв считает основным типом человека гарми, обладающего умеренной пассионарностью, а появление пасси он объясняет генетическим процессом мутации непонятного (космического?) происхождения, а субби – исчезновением гена пассионарности. Эта теория похожа на объяснение альтруизма и эгоизма сочетанием рецессивного гена альтруизма с доминантным геном эгоизма подобно известной теории пола как сочетания X- и Y-хромосом. Однако всё не так просто. Мы полагаем, что **пасси, гарми и субби – это типы социального поведения**, которые определяются не только наследственными признаками, но и индукцией социальных установок людей.

В социальной жизни происходит конкуренция этих типов (рис. 2). При этом пасси вытесняют субби как непосредственными притеснениями и убийствами, так и организацией военных и криминальных затей, где субби – рас-

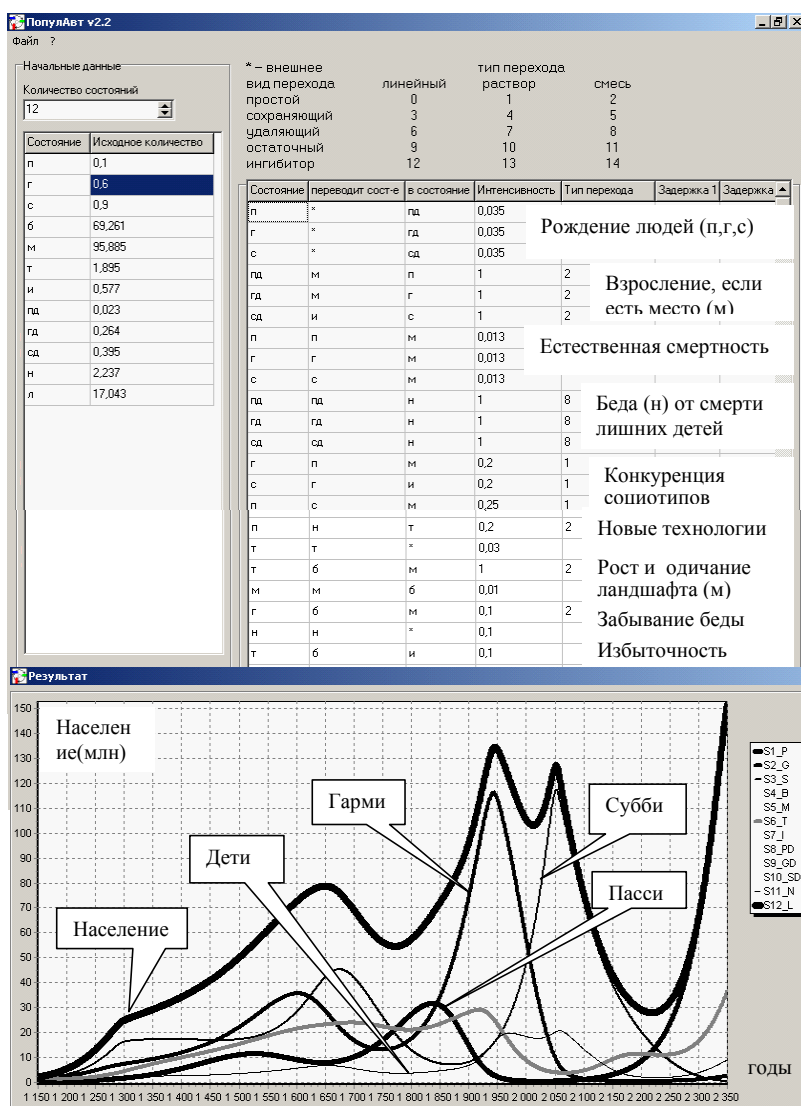

Рис. 2. Один из сценариев этногенеза в России с 1150 по 2350 гг. К-модель и графики. По убыванию толщины показаны численности: людей (L), пасси (P), гарми (G), субби (S) и детей (N). Серой линией показан уровень технологических инноваций (I).

ходный материал. Гарми, в свою очередь, вытесняют пасси, как неудобных и асоциальных субъектов, плохих семьянинов и наиболее жертвенных воинов и диссидентов. И, наконец, субби живут за счёт сердобольных гарми,

а зачастую просто грабят и убивают своих кормильцев. Рост техносферы обеспечивают пасси, гарми – хранители техносферы, а субби – её разрушители. Судя по Рис.2 теория этногенеза по Гумилёву выдержала проверку математическим моделированием. Качественная картина этногенеза вполне подтверждается.

Результат

Итак, разработан метод быстрой проверки моделей социального поведения людей. Однако это только качественные результаты. Для получения адекватных К-моделей антропологи и психологи должны дать объективную картину психологии человека. Для количественного анализа К-моделей историки могут и должны предоставить математикам численные оценки исследуемых процессов. Что касается этногенеза, то в трудах Гумилёва есть указания и на этот счёт – это сложность этноса, т.е. разнообразие этнических структур в недрах этноса. Окончательное решение даст обнаружение генов пассионарности. ДНК в захоронениях людей содержит бесценный материал для математического моделирования истории народов, их этногенеза и перемешивания в историческом процессе.

Источники и литература

1. *Катица С.П.* Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Очерк теории роста Человечества. М.: **Международная программа образования**, 1999. 240 с.
2. *Катица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
3. *Малков А.С., Кортаев А.В., Халтурина Д.А.* Математическая модель роста населения Земли, экономики, технологии и образования // Новое в синергетике, новые проблемы, новое поколение / Отв. ред. Г.Г. Малинецкий. М.: Наука, 2007. С. 148–186.
4. *Базыкин А.Д.* Нелинейная динамика взаимодействующих популяций. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. 368 с.
5. *Форрестер Дж.* Мировая динамика. М.: Наука, 1978.
6. *Воробьев В.А., Воробьева Т.В.* Экологический императив и демографический процесс // **Вестник Поморского университета**. Серия естественные и точные науки, № 1(3). 2003. С. 122–131.
7. *Воробьев В.А., Воробьева Т.В.* Демографический парадокс, экология и религия // Свеча – 2003: Наука и Религия. Сборник научных и методических работ по религиоведению и культурологии / Под ред. Е.И. Аринина. **Архангельск: Поморский государственный ун-т им. М.В. Ломоносова**, 2003.
8. *Воробьев В.А., Воробьева Т.В.* Экологическая пауза – системный кризис человечества // Исследования в области глобального катастрофизма / Под ред. В.К. Журавлёва; Автономная научно-исследовательская группа «Прогноз». Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2006. Вып. 1.
9. *Народонаселение стран мира*. Справочник / Под ред. Б.Ц. Урланиса. 2-е изд. М.: Статистика, 1978.
10. *Страны и регионы*. 1999, 2000, 2003, 2005. Статистический справочник Всемирного банка / Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 1999–2005. (Мир в цифрах).
11. *Воробьев В.А., Кочнев А.И.* Популяционное моделирование коллективного поведения автоматов // Вестник Томского государственного университета. Приложение, № 18, август 2007. Материалы международных, всероссийских и региональных научных конференций, симпозиумов и школ, проводимых в ТГУ.
12. *Воробьев В.А.* Метод моделирования популяции автоматов // Современные достижения в науке и образовании: математика и информатика. Материалы Международной научно-практической конференции. Архангельск, 1–5 февраля, 2010 г. С. 16–22.
13. *Гумилёв Л.Н.* Этносфера: история людей и история природы. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 575 с.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

*Ю.В. Вшивцева**

Демографические процессы в Краснодарском крае в 1930-х – первой половине 1940-х гг.

Специфика демографической ситуации на Кубани в 1930-е гг. определена воздействием кризисных факторов (демографическое «эхо» Гражданской войны; вызванный коллективизацией голод, массовые репрессии, тормозящие формирование «чеховской» линии жизнеохранительного поведения (трепетного отношения к жизни) и т. д.). Ввиду этого в регионе продолжала существовать половая диспропорция, и все еще преобладал традиционный тип воспроизводства населения, о чем свидетельствовали высокая рождаемость, большое количество детей и малый процент пожилых и престарелых в возрастной пирамиде.

Политические репрессии и депортации 1930-х гг. имели серьезные негативные последствия: сокращение мужчин трудоспособного возраста, усугубление половой диспропорции (мы пришли к этому выводу, опираясь на имеющиеся отрывочные сведения, так как полных данных о половозрастной структуре репрессированных нет). В результате репрессий и депортаций в крае кардинально сократилась численность немецкого, эстонского, греческого, польского населения, некоторых других этнических групп (армян, татар, болгар, румын).

Повышение уровня смертности среди различных категорий населения – одно из наиболее тяжелых последствий Великой Отечественной войны на Кубани. Уровень смертности вырос вследствие резкого ухудшения общих санитарно-гигиенических условий, возникновения эпидемий, инфекционных, в том числе особо опасных, болезней, ухудшения питания (и др.). Когда регион находился в оккупации, на его территории проходили процессы (в первую очередь – уничтожение мирных жителей), повлекшие за собой значительное сокращение численности населения. Впоследствии на ранее оккупированных территориях края был зафиксирован более интенсивный (по сравнению, с областями, не попавшими в оккупацию) компенсаторный прирост.

В условиях военной повседневности претерпели изменения многие демографические показатели (снизились брачность и рождаемость, повысилась смертность), шкала которых «не выздоравливала» и после окончания боевых действий. Это напрямую связано с материально-бытовыми условиями жизни населения во время войны. Следует отметить влияние на данные процессы того, что война по объективным причинам изменяла традиционные нормы матримониального и репродуктивного поведения.

*И.В. Гаева***

Ретроспективный анализ структуры расселения Еврейской автономной области

Многие характеристики расселения отражают его связь с демографическими процессами и структурами, а все они в совокупности могут рассматриваться как комплексный фактор региональной демографической ситуации (Федоров, 1984). В данной работе мы рассмотрим формирование и развитие структуры расселения на территории Еврейской автономной области (ЕАО), так как именно ретроспективный анализ рисунка расселения объясняет современное его состояние.

Освоение территории будущей области началось с 1857 г., когда был основан пост Хинганский (ныне – с. Пашково). После подписания Айгунского договора данная местность начала активно заселяться казаками в целях закрепления земель за Российским государством. Более 70 лет длилось освоение непроходимой тайги,

* **Вшивцева Юлия Викторовна** (Краснодар) – кандидат исторических наук, преподаватель Краснодарского государственного университета, yulyasik@list.ru.

** **Гаева Ирина Владимировна** (Биробиджан) – младший научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, gaevaiv@yandex.ru.

отягощенное незнакомыми для переселенцев природными условиями. За это время на территории будущей области возникло около двухсот пятидесяти населенных пунктов.

К моменту образования ЕАО в ее современных границах (1934 г.) территория была заселена крайне неравномерно. Население и практически вся хозяйственная деятельность были сосредоточены вдоль транспортных артерий: рек Амура, Большой Биры, Транссибирской железнодорожной магистрали и по «царскому» тракту («Колесухе»). Внутренние горные и наиболее заболоченные районы были практически лишены постоянного населения.

В структуре расселения этого времени выделялись две характерные черты: «ленточное» расселение вдоль государственной границы и основных транспортных коммуникаций и «очаговое» расселение в местах добычи минеральных, лесных ресурсов и высоких пойм, удобных для сельскохозяйственных угодий.

К началу Великой Отечественной войны в области образовалось 363 населенных пункта: два города, шесть рабочих поселков, триста пятьдесят пять сельских населенных пунктов. Но в связи с тем, что «в каждом регионе в силу особенностей его исторического, социально-экономического, демографического развития, сложившейся территориальной и производственной структуры хозяйства, степени освоенности территории и развитости транспортной сети, сформировавшиеся системы расселения не остаются неизменными, а постепенно видоизменяются» (Мангатаева, 1988), в военные и послевоенные годы началось преобразование структуры расселения. В основном это было связано с социально-экономическими и с административно-территориальными преобразованиями. Сокращение «неперспективных» сел и деревень в автономии, как и по всей России, происходило в 60-е гг. XX в. В связи с активными миграциями «село-город» многие сельские населенные пункты были вычеркнуты из списков по причине заброшенности. Изменение структуры расселения в 1980-е гг. связано с электрификацией железной дороги, которая увеличила расстояние между обслуживаемыми депо, и повлекла за собой тем сокращение некоторых мелких станций и полустанков. К 90-м гг. XX в. общее количество населенных пунктов уменьшилось до 113, что составляет лишь треть от того максимума поселений, который отмечался ранее.

Таким образом, значительное влияние на заселение и социально-экономическое развитие ЕАО оказали сложное геополитическое положение и экономические реформы, проводимые в России в XIX–XX вв. Преобразования структуры расселения ЕАО в сторону упрощения происходили с момента образования первых поселений до настоящего времени.

*Е.Е. Ермакова**

Сакральная география: выбор почитаемого места ижемскими переселенцами на территории Нижнего Приобья

Почитаемые, обетные кресты – элемент культурного ландшафта всего Европейского Севера, в том числе того, где проживали и проживают коми-ижемцы. Практика обетов имела непосредственное отношение к такому значимому для ижемцев Нижнего Приобья месту, как урочище «Кресты». Оно находится примерно в восьми километрах на запад от с. Мужы Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа. Все урочище имеет название «Мужы-Из», «Мужевский Урал».

Памятно это место тем, что через него шли ижемцы из-за Урала в Сибирь в поисках новой родины. Именно здесь они отслужили молебен по благополучному прибытию на новое место жительства после долгого перехода.

Раньше здесь стояло два креста, справа и слева от дороги. Крест, стоявший справа по движению на запад от села, имел две перекладины, двускатную кровлю, возможно, с охлупнем и причелинами. Крест, стоявший слева, имел две перекладины, параллельные друг другу.

На «Крестах» ижемцы всегда делали остановку, когда ехали по Тильгимской дороге, соединяющей разные части Уральских гор (приведен один из вариантов ее названия). Оленеводы «молились, приносили жертву (хлеб, спиртное) и пили водку из медных колокольчиков, снимая их с оленей» [1]. И сейчас рядом с крестом оставляют немного водки и хлеб. Крест можно считать памятным, он поставлен в память о впервые увиденной новой родине, и охранительным, так как он призван был защищать от нечистой силы. Отсюда в последний раз перед спуском к пойме Малой Оби можно увидеть «Каменный пояс» – Уральские горы, географическую границу уже далекой старой родины. «Кресты» – это место, которое соединяет и разъединяет одновременно, оно служит символом двух идентичностей – европейской и азиатской, сибирской. Сюда приходили молиться пожилые люди,

* **Ермакова Елена Евгеньевна** (Тюмень) – кандидат филологических наук, доцент Тюменского государственного университета, elenaprema@mail.ru.

так как в с. Мужей церкви, после ее закрытия в 1929 г., не было до 2000-х гг. Можно предположить, что крест считался обетным, т.к. существовал обычай просить перед иконами о выздоровлении и давать обещание дойти до «Крестов». К этому месту проявляют особую уважительность, здесь чувствуют некоторую робость, благоговение. Сакрализацию урочища подчеркивает и ритуализация поведения: так, на «Крестах» нельзя было ругаться матом, излишне громко говорить, хохотать. Эти запреты соблюдаются до сих пор.

В почитании урочища «Кресты» можно проследить и еще одну параллель. Это – самое высокое место в окрестностях Мужей, а само селение расположено у реки Малая Обь при впадении в нее речки Юган. Кроме того, на пути к «Крестам» из Мужей нужно перейти несколько водных преград, небольших ручьев. Все это «накладывается» на мифологическую концепцию представления коми загробного мира. Она «реализуется в бинарной оппозиции наиболее высокой и наиболее низкой точек мифологического универсума – рая и ада, соответственными образами которых являются гора и окружающее (отделяющее) ее водное пространство». В текстах, записанных о загробном путешествии в рай, необходимо переправиться через реку и взойти на райскую гору. Таким образом, топография реального пространства является трансверсией пространства загробного. Кроме того, Урал в мифологическом пространстве коми, имел «смысловое тождество с загробной горой», и, таким образом, сам ландшафт (низкое место – высокое место, река и ручьи – возвышенность, «гора») «поддерживает» тенденции мифологического мышления «к сакрализации ближайших горных объектов в соответствии с идеей мировой горы» [2]. Подробнее об этом см. в работе Е.Е. Ермаковой и Н.А. Лискевич «Сакральная география ижемцев Нижнего Приобья» [3].

Источники и литература

1. Голубкова О.В. Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. С. 102.
2. Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1998. 125 с.
3. Ермакова Е.Е., Лискевич Н.А. Сакральная география ижемцев Нижнего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 4. С. 168–176.

РЕЦЕНЗИИ

Вишнякова Д.В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX в. / Отв. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2012. 164 с.*

Современное состояние демографических процессов и состава населения во многом зависит от демографических событий прошлого. Обращение Д.В. Вишняковой к изучению демографических аспектов дореволюционной истории Коми края представляется весьма значимым, так как в современной историко-демографической науке вопрос о локальной динамике демографического развития России является одним из наиболее актуальных. Локальный аспект дает возможность расширять хронологию исследования и предметней видеть тенденции демографического развития.

Достоинством работы является обстоятельный историографический обзор литературы. Автором прослежено становление заявленной темы в трудах дореволюционных авторов, выделены тенденции историографии 1920-х гг., когда при анализе демографических процессов стали учитываться этнографические общности, оценен вклад демографов 1950–1980-х гг., а также рассмотрены современные методологические подходы историко-демографической науки. Исследование Д.В. Вишняковой базируется на обширном корпусе опубликованных и архивных исторических источников. Основную источниковую базу составили материалы церковной и административно-полицейской статистики населения. Следует отметить, что наибольшая часть документов церковной статистики, характеризующих население Коми края за более чем столетний период, вводится в научный оборот впервые. Также автором использованы материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897г., подворно-экономических и этнографических исследований, Памятные книжки Архангельской и Вологодской губерний, материалы губернской периодической печати и др. Используемый круг источников позволил с достаточно высокой степенью объективности, применяя комплексный подход, рассмотреть основные демографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX в.

Структура рецензируемой работы опирается на проблемный принцип, позволяющий проследить развитие демографических процессов, выявить особенности их трансформации в течение всего исследуемого периода. В первой главе рассмотрены вопросы динамики численности населения, выявлен социальный, конфессиональный и этнический состав. Автор отмечает общее увеличение численности населения Коми края за обозначенный период, характеризует темпы прироста, сравнивает динамику прироста городского и сельского населения. В целом, динамика численности Коми края определялась особенностями естественного движения населения, на общероссийском фоне Коми край характеризовался более замедленными темпами прироста населения, сельское население региона по сравнению с городским обладало более высоким уровнем прироста. Только с конца XIX в. динамика приращения городского населения стал повышаться. Д.В. Вишнякова проводит анализ социального, вероисповедального и этнического состава населения края. Автор структурирует социальный состав, указывает на возрастание доли крестьянства, изменения абсолютной и относительной численности дворян, мещан, купцов и других групп, и связывает эти изменения с процессами механической и социальной мобильности населения.

Вторая глава монографии посвящена исследованию естественного движения населения Коми края. В ней проанализированы причины и факторы, уровень смертности и рождаемости, определена специфика естественного движения региона. Важное наблюдение сделано автором относительно факта меньшего общего коэффициента рождаемости и показателей детности по Коми краю, чем по центральным районам России. К обстоятельствам, повлиявшим на данную тенденцию, Д.В. Вишнякова относит высокий брачный возраст, дефицит мужского населения в основных брачных возрастах, затруднительность повторного замужества вдов. К значимым факторам, определявшим уровень смертности населения, отнесены социально-бытовые условия, степень развитости медицинского обслуживания, природно-экологические условия, традиции ведения хозяйства и др.

В третьей главе исследования рассмотрены вопросы брачного поведения населения. Автор выявила сезонный пик заключения браков (январь-февраль, май, июль), определила младший, средний и старший возраст вступления в первый брак, установила тенденцию к сокращению доли ранних браков, наиболее ярко проявившуюся среди мужчин, исследовала показатели соотношения возрастов супругов, повторных браков, общего

* Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001.

уровня брачности населения. Д.В. Вишнякова пришла к выводу о том, что уровень брачности по Коми краю в указанный период стабильно снижался и был меньше, чем по Европейской России в среднем.

В результате исследования автор приходит к выводу, что демографическая ситуация в Коми крае в избранный для изучения хронологический промежуток «характеризовалась сохранением традиционной модели демографического поведения и типа воспроизводства», однако население края в начале XX в. все же постепенно приближалось к рубежу демографического перехода. Ослабление действия неурожаев, голода, эпидемий, снижение смертности взрослого населения, увеличение брачного возраста и снижение уровня общей брачности населения свидетельствовали об определенных подвижках.

Говоря о монографии Д.В. Вишняковой в целом, следует отметить, что исследование носит комплексный характер, работа освещает не только демографическое развитие Коми края, но и ряд связанных с этим социально-экономических вопросов, а также этнический аспект данной проблематики. В исследовании большое внимание уделено сопоставительному анализу демографических процессов в Коми крае с общероссийскими тенденциями. Вероятно, имело смысл провести сопоставление данных не с центральной частью России, а с крайними территориями, населенными «инородцами», с регионами, соседствующими с землями коми народа. Возможно, это направление для дальнейших изысканий.

В.А. Исупов

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

V Всероссийский симпозиум с международным участием

27–30 июня 2013 г. в Сыктывкаре состоялся V Всероссийский симпозиум с международным участием по исторической демографии. Он был организован Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в сотрудничестве с Институтом истории СО РАН, Институтом российской истории РАН, Институтом истории и археологии УрО РАН, Институтом социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Министерством национальной политики Республики Коми под научным руководством Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии. Работой организационного совета и оргкомитета симпозиума руководили директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. И.Л. Жеребцов, ученый секретарь Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии д.и.н. В.Б. Жиромская, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН д.и.н. В.А. Исупов, министр национальной политики Республики Коми Г.И. Габушева.

Программа симпозиума включала около 70 пленарных и секционных докладов, представленных учеными из Минска, Полтавы, Харькова, Архангельска, Владивостока, Вологды, Екатеринбурга, Ижевска, Москвы, Мурома, Нижнего Тагила, Новосибирска, Перми, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Сыктывкара, Ульяновска, Челябинска и посвященных различным аспектам источниковедения и историографии историко-демографических исследований. Обсуждались также демографические процессы в России в различные исторические периоды, общее и особенное историко-демографического и этнодемографического развития государств мира. В работе симпозиума участвовали не только историки, но и экономисты-демографы, археологи, этнографы, языковеды, фольклористы, юристы и математики. На пленарных заседаниях прозвучали доклады д.и.н. С.А. Прокопенко (Ульяновск) «Исследование испанской эмиграции в Западные Индии (XVI–XVIII вв.)», д.и.н. В.А. Исупова (Новосибирск) «Демографические последствия голода 1932–1933 гг.», д.и.н. М.С. Черкасовой (Вологда) «Миграции населения по писцовым и переписным книгам Великого Устюга XVII – первой четверти XVIII в.», д.и.н. В.И. Меньковского (Минск) «Афганские беженцы на территории Центральной Азии и Российской Федерации», д.и.н. А.Е. Загребина (Ижевск) и д.и.н. И.Л. Жеребцова (Сыктывкар) «Проблемы публикации новых источников по исторической демографии финно-угров», д.и.н. Э.А. Савельевой (Сыктывкар) «Историко-культурное место Ленского могильника в системе финно-угорских древностей Европейского Севера», д.э.н. В.В. Фаузера (Сыктывкар) «Северные регионы России: демографическое измерение» и др.

В ходе симпозиума состоялась презентация изданий по исторической демографии и исторической географии, выпущенных сотрудниками ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в последние годы, и этнографическая экскурсия в с. Ыб Сыктывдинского района, где расположен Финно-угорский этнокультурный парк.

Участники симпозиума активно обсуждали вопрос о времени и месте проведения II Международной научной конференции по исторической демографии и исторической географии (1-я состоялась в Сыктывкаре в 2011 г.). В конечном итоге принято решение провести этот масштабный научный форум в Сыктывкаре в мае–июне 2015 г., а в качестве подготовительного этапа организовать в во второй половине июня 2014 г. в Сыктывкаре очередной VI Всероссийский симпозиум с международным участием по исторической демографии, на котором обсудить ход подготовки к международной конференции. Участники отметили высокий уровень организации симпозиума в Сыктывкаре и в то же время подчеркнули необходимость более активного участия представителей академической и вузовской науки других регионов России в подготовке и проведении научных форумов по исторической демографии.

Были сформированы рекомендации по составу организационного совета II Международной научной конференции по исторической демографии и исторической географии, в который предложено включить ряд видных российских и зарубежных ученых, среди них: академик В.В. Алексеев, члены-корреспонденты РАН В.А. Ламин и В.Н. Лаженцев, доктора наук Е.Т. Артемов, С. Деспанд, В.Б. Жиромская, И.Л. Жеребцов, А.Е. Загребин, В.А. Исупов, Г.Е. Корнилов, Е.Ф. Кринко, С. Лаллукка, В.И. Меньковский, Ю.А. Петров, Л.Л. Рыбаковский, Т.С. Садыков, В.В. Фаузер, М. Шмигель и другие известные исследователи. Высказывались предложения сделать организационный совет постоянно действующим международным органом, который избирался бы на меж-

дународных конференциях и координировал бы их подготовку и проведение. Предлагались различные названия для такого руководящего органа: «международный комитет историков-демографов», «международный комитет конференций по исторической демографии и исторической географии», «комитет международной ассоциации исторической демографии и исторической географии», «международный координационный совет историко-демографических и историко-географических исследований» и др. Решено было дополнительно более широко обсудить этот вопрос и вернуться к нему на VI симпозиуме в 2014 г. Рабочий оргкомитет II Международной научной конференции по исторической демографии и исторической географии, на который легла текущая работа по подготовке к грядущим историко-демографическим форумам, возглавил директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, главный редактор журнала «Историческая демография» д.и.н. И.Л.Жеребцов.

На симпозиуме также обсуждался вопрос о журнале «Историческая демография». Участники симпозиума выразили благодарность руководству и сотрудникам Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН за учрежденный и издающийся институтом журнал. Отмечалось, что это единственный в России, да и на всем постсоветском пространстве специализированный научный журнал, посвященный историко-демографическим исследованиям, на страницах которого регулярно публикуются исследователи из многих регионов России (от Владивостока до Мурманска), Украины, Казахстана, Белоруссии, Германии, Словакии... Высказывалось предложение, чтобы журнал выходил не два, как сейчас, а три-четыре раза в год, подчеркивалась важность наличия полноценной интернет-версии и необходимость предпринять шаги по включению «Исторической демографии» в ВАКовский список.

Е.Н. Рожкин

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ
журнала «Историческая демография»

Журнал публикует научные статьи (объем до 0,5 п.л., до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения (объем до 0,15 п.л., до 6000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. В разделе «Научное наследие» публикуются не издававшиеся ранее труды ушедших из жизни ученых.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлекцией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе *Microsoft Word*. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: Ivanov.doc. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – *Times New Roman*; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный.

Вставка символов – **Symbol**. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более 7 слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5.

Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)».

Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например: «*Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.*»

Название рисунка и комментарий располагаются под ним, курсивом, например: «*Рис. 2. Источники роста населения Северного края.*»

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Если есть сокращения, прилагают список с расшифровкой, например:

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

8. В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (авторов) полностью, город (населенный пункт), ученая степень, должность, место работы (без сокращений), служебный адрес, адрес электронной почты, например: Иванов Иван Иванович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнографии Сыктывкарского государственного университета, 167982, г. Сыктывкар, Ленинский проспект, 222, e-mail: ivanov@mail.ru; Петров Петр Петрович (Новосибирск) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора демографии Института истории Сибирского отделения РАН, 000000, г. Новосибирск, ул. Академическая. 333, e-mail: ppp21@bk.ru.

Образец оформления:
УДК

И.И.Иванов

Демография

Проблемы демографии.....

Ключевые слова: демография, численность населения, миграции...

I.I.Ivanov

Demography

Problems...

Key words: demography, ...

Аааааааааа бббббббббббббббб вввввввввввв ггггггггггггггг [1]. Дддддддддд еееееееее
жжжжжжжжжжжжжж [2].

Источники и литература

1. Иванов И.И., Петрова И.Н. Демографическая политика // Социологические исследования. 2006. № 2. С.15–16.
2. Сидоров В.В. Демография. М.: Дело, 2006. С.75. (или: 557 с.).
3. О милиции: федеральный закон от 15.12.2005 № 152-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2005. Ст. 575.
4. Волков П. О войне // Красное знамя, 1990. 16 авг.
5. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.
6. Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 14.
7. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (далее – ПМДЭЭ РГУ). Информатор И.Р. Пшеничникова, 1926 гр., записана в станице Елизаветинской Азовского района Ростовской области в июле 2003 г.
8. Кремлева С.О. Сетевые сообщества. URL: [http:// www.library.by/portalus/modules/psychology](http://www.library.by/portalus/modules/psychology) (дара обращения: 11.11.2005).

Редколлегия оставляет за собой право отклонять материалы, не соответствующие указанной тематике или предъявляемым требованиям к оформлению.

ISSN 2304-5922

9 772304 592116 >

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 15,0. Усл. печ. л. 16,9.

Тираж 150 экз. Заказ № 29.

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.